

СЛАЙДЕР

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ NEW YORK TIMES И USA TODAY

СТЕЙСИ БОРЕЛ

Доктор Тернер Брукс может быть хорошим специалистом, но он к тому же еще и адреналиновый наркоман. Когда он встречается Аннабелль, девушка до смерти напугана, что отклонилась от жизненного пути, который она себе наметила, и Тернер хочет вытолкнуть ее за пределы этой «зоны комфорта». Аннабелль уже потеряла слишком много. Она хотела сфокусироваться на своей работе медсестрой, и держаться подальше от ненужного риска. Тернер Брукс — определенно, ненужный риск. Она слышала те слухи, которые летали по больнице, в которых его описывали как «бабника» и «бога секса». Ага, ей все это не нужно. Однако, Тернер пытается научить ее, что жизнь наполнена рисками, на которые стоит пойти. Когда они сближаются, и она начинает расслабляться, происходит кое-что неожиданное. Смогут ли они справиться с неожиданным крученым мячом, или он станет последним провалом? **"Слайдер"* следует рассматривать как быструю подвижную подачу или как небольшой "кривой" бросок с достаточно высокой скоростью и отклонением, равным примерно 21 см.

Стейси Борел

Серия «Великолепная четверка» — 2

Слайдер

Название: Стейси Борел, «Слайдер», серия «Великолепная четверка» книга 2.

Переводчик: Afortoff, Кристина Вишенка (пролог-7 глав)

Редактор: Юля Щ.

Вычитка: Помидорка

Обложка и оформление: Mistress

Пролог

Аннабелль

В Атенс, штате Джорджия, ярко светило солнце. Я проводила день с моей подругой, Киган, в доме родителей её парня. Мы только что участвовали в великой церемонии «марш по всей сцене, чтобы получить лист бумаги, который являлся нашим дипломом».

Выпуск из школы медсестёр был грандиозным событием, но мой день серьёзно омрачился тем фактом, что мои родители отсутствовали. Я не то чтобы чувствовала себя одинокой, или как будто каждый шаг по сцене заставит меня внезапно разрыдаться, ведь не было никого, кто мог поддержать меня в толпе. Это чувствовалось больше как кипящий гнев внутри меня. Ещё одно важное событие, которое я праздновала самостоятельно. Когда ты являешься сиротой со зрелого возраста — шестнадцати лет, ты не только начинаешь принимать тишину, ты приветствуешь её. Ты учишься держать свои плечи прямо, вместо того, чтобы сутулиться от поражения. Ты становишься сильным в моменты слабости, и я стала своей собственной системой поддержки. Однако в этот день я чувствовала себя так,

словно туча нависает над моим весельем. Я хотела увидеть ярко-красные волосы моей мамы, развевающиеся на ветру, как она улыбается, когда держит салфетки «Клинекс» около своих покрасневших глаз. Я хотела увидеть моего отца, хлопающего и подбадривающего меня, как будто этот день принадлежал только мне. Между тем, их не было здесь, и каждая клеточка моего тела наполнялась грустью. Я переключила эту эмоцию на злость, поскольку она ощущалась более реально. Поэтому, когда Киган пригласила меня провести время с семьей Брукс, я согласилась. Я хотела почувствовать связь, даже если она была не моей. Я хотела окружить себя семьей. Я была благодарна приглашению Киган, пока это не завершилось гигантской занозой в моей заднице... или лодыжке, учитывая то, что произошло.

У семьи Брукс есть традиция играть в бейсбол каждый раз, как только они собираются все вместе. Эта семья серьезно относится к бейсболу, доказательством являются их дети, названные в честь бейсбольных стадионов. Киган очень хотела вытащить меня после ланча поиграть. Я была не очень уверена, что должна, из-за нескольких причин: во-первых, на мне была одета не очень соответствующая активному отдыху одежда. И, во-вторых, я ни разу в жизни до этого не играла в бейсбол. Однако её восхищение игрой заставило меня изменить своё мнение. Было забавно наблюдать за тем, как семья разбивается на команды и перебивает друг друга о том, кто же выигрывает. Динамика этой семьи постоянно вызывала во мне приступ какой-то боли. Я бы не назвала это ревностью, поскольку это не было бы подходящим словом. Нет, это больше походило на зависть. Их семейная ячейка была чем-то, чего я желала в своей собственной жизни. Да, я завидовала их связи.

В то время как игра шла полным ходом, всё было хорошо, пока не пришла моя очередь отбивать мяч. Я отбила первую подачу и начала бежать мимо баз. Я уже огибала третью, но, к сожалению, моя нога зацепилась за край основания базы, и я жёстко полетела вниз. Там я и находилась, в грязи и с растоптанной гордостью, сидя где-то в районе второй базы. Боль резко поразила мою лодыжку в тот момент, когда я попыталась подняться с земли. Вздрагивая, я схватила свою ногу, матерясь себе под нос. Чёрт тебя побери, как же больно! Похоже, что мода сегодня не одержала верх над практичностью. Я услышала звук хрустящей по земле обуви, идущей ко мне. Каким-то образом я знала, кто это, прежде чем его тень накрыла меня, закрывая солнце. Мои глаза пробежались по нему. Я скользила взглядом выше и выше, вбирая в себя каждый дюйм, которым являлся Тёрнер Брукс. Я отметила, насколько высоким он действительно был. С этого ракурса он выглядел вообще гигантом. Впрочем, моя задница сейчас находилась на земле не в очень изящном ракурсе, так что, конечно, он выглядел нереально большим. Мой желудок сделал небольшое сальто, когда я встретила с его кристально-голубыми глазами. Он уделил минуту, чтобы осмотреть меня, вероятно, решив, какая я идиотка, прежде чем присел рядом со мной.

— Ты в порядке? — спросил он.

Глубокий баритон его голоса захватил мое дыхание. Я просто кивнула. Киган бежала ко мне с другой стороны, и я переместила свой взгляд по направлению к ней. На её лице было запечатлено беспокойство. Я ненавидела этот жалостливый взгляд, который она посылала мне. Не жалея меня. Никогда не жалея меня.

— Аннабелль, ты можешь вот так подвигать ногой? — спросил Тёрнер, возвращая моё внимание обратно к себе.

Я попробовала пошевелить моей, теперь уже, болезненной лодыжкой. Как только двинула её, боль прорезалась через мою ногу, и я зашипела. Мог ли этот день стать ещё

более сумасшедшим? Я покачала головой.

— О, боже, как неловко! Мне очень жаль портить игру. — Я спрятала лицо в свои ладони.

— Прекрати, — проворчал Тёрнер.

Я посмотрела на него, озадаченная его тоном.

— Ничего ты не портишь. Несчастные случаи происходят постоянно, к тому же, ты в шлёпанцах, так что падение почти закономерно.

Я собиралась что-то ответить, когда Киган встряла и заговорила.

— Тёрнер, то, что ты устраиваешь ей выговор, никому не поможет.

Киган, может быть, и маленькая, но взгляд, который она послала ему, был свиреп.

— Ты можешь хотя бы сказать, сломана ли её лодыжка?

Я переводила свой взгляд с одного на другого, наблюдая за бесшумным шоу передо мной. Челюсти Тёрнера были сжаты от досады. Не могу сказать, из-за кого это было, Киган или меня, но я предполагаю последнее. Конечно, он был раздражен из-за меня, ведь мы все весело проводили время, а я прервала это, потому что так изящно решила узнать, какова же земля на вкус.

«Великолепно», — подумала я.

Киган, с другой стороны, выглядела растерянно. Тёрнер потянулся ко мне и осторожно поднял мою ногу, поддерживая её одной рукой под пяткой, в то время как другая его рука нежно нажала вокруг моей лодыжки.

— Не похоже, чтобы что-нибудь было сломано, но оставшуюся часть игры тебе придётся пропустить.

Я была разочарована, поскольку получала удовольствие от игры.

«Изумительное первое впечатление, Аннабель», — сказала я себе.

— На самом деле, думаю, тебе надо вернуться в дом и обложить повреждённое место льдом, пока нога не распухла, — констатировал Тёрнер.

Так как я являюсь новой дипломированной медсестрой, вы наверняка подумали о том, что я сама догадалась о льде... нет! Я смотрела на Киган.

— Не могу поверить, что это случилось, обычно я не такая неуклюжая, — если не считать того, что такая. Я могу споткнуться и упасть даже когда стою на месте.

Растерянный взгляд Киган, который был раньше, теперь испарился. В её голубых глазах плескалась нежность, когда она ответила:

— Не извиняйся. Надеюсь, что ты в порядке.

Она повернулась к своему парню, Камдену, который, скорее всего, является вторым самым горячим парнем, которого я когда-либо видела, (думаю, мы не должны говорить о парне, который возглавляет первое место в этой категории) и спросила, может ли он помочь мне добраться до гольф-кара. Как только Камден двинулся ко мне, две сильные руки подхватили меня, и я инстинктивно обернула руки вокруг шеи Тёрнера.

— Я позабочусь о ней, — ответил он, уводя нас от всех. Я не сомневаюсь, что все были в замешательстве.

— Что ты делаешь? Знаешь ли, я вообще-то сама могу ходить.

Он закатил глаза.

— Нет, не можешь. Ты уже пыталась подвигать лодыжкой, и смотри, как далеко это зашло. Просто заткнись и дай мне донести тебя до гольф-кара.

Бабочки в моём животе теперь дико трепетали. Тёрнер сейчас заботился обо мне так,

будто знал то, что делал. Я знала, что Камден владел спортзалом, таким образом, я предполагаю, что они все знали, что сделать в случае, если кто-то был ранен. Но я чувствовала себя так, будто бы была помехой для его игры с семьей. Из-за головной боли перед моими глазами, я закрыла свой рот и приняла решение не спорить, а просто расслабиться, пока мы не возвратились в дом. Когда Тёрнер посадил меня на раскалённое пластиковое сидение, то обошёл кругом и скользнул на место рядом со мной. Обернувшись обратно к полю, я заметила, что игра продолжилась, но Киган остановилась, помахала мне и послала грустную улыбку. Я помахала ей в ответ, непосредственно перед тем, как Тёрнер повёз нас обратно. Каждая небольшая встряска на дороге сотрясала мою лодыжку, и я скрежетала зубами, чтобы удержаться от нытья о его скорости езды. Естественно он должен знать, что тряска заставляет ушиб ещё больше болеть. Вжимая мои кулаки в сидение, я заметила, как взгляд Тёрнера опустился на мои руки, и он немного сбавил скорость, хотя и продолжил молчать. Я думала, что он, возможно, спросит, всё ли у меня хорошо, но он не спросил. Мужчина продолжал молчать, так же, как и я. Сложив руки на груди, я закрыла глаза и позволила ровному шуму двигателя уморить меня, пока я не почувствовала, что мы останавливаемся.

Когда Тёрнер выключил двигатель, я открыла глаза, развернула ноги в сторону выхода и использовала спинку сидения, чтобы поднять себя, поддерживая свою воспаленную ногу. Он обошел кругом и выглядел так, будто собирался снова взять меня на руки. В этот раз я подняла свою руку, чтобы остановить его.

— Нет, я сама справлюсь, — сказала я, качая головой.

— Аннабель, я могу легко занести тебя внутрь.

Я встретила взглядом с его голубыми глазами.

— Я сказала, нет.

Его челюсти сжались, и он был раздражен, прежде чем мы вошли в дом.

Я сделала маленький прыжок, слезая с сидения. Шатаясь, я почти потеряла равновесие, но восстановила его и прыгнула еще раз. Я сделала несколько прыжков, держась за разные вещи в гараже, пока добиралась самостоятельно. Очень раздраженный Тёрнер стоял около двери в прихожую. Когда я наконец-то подошла к нему, он опустил взгляд на меня. Он и так был намного выше моих пять-с-половиной футов, но когда стоял на ступеньке, то вообще возвышался надо мной. Как будто пытаюсь запугать меня своим ростом, он продолжал блокировать мне вход в дом. Моя нога, которая в настоящее время держала весь мой вес, устала, и я просто хотела сесть. Схватившись за дверную раму, я сделала небольшой прыжок и почти врезалась в него, когда запрыгнула внутрь. Он отступил назад до того, как наши тела соприкоснулись, и я, признаться, была разочарована, что он это сделал. Выбросив эту мысль из головы, я взглянула на него через плечо, держа свой путь через узкий коридор.

— Ты можешь показать мне, где у вас хранится лёд и какая-нибудь тряпка, чтобы вложить его в нее? Мне неудобно копать на кухне твоей матери, — я повернулась и направилась к нему.

Я слышала, что Тёрнер проворчал, прежде чем ответил:

— Я принесу.

Я заметила, что еда с ланча всё еще была на кухонном столе и осмотрела просторную комнату. Шкафчики, окрашенные в цвет грецкого ореха, окружали подковообразный кухонный стол, с изумительным золотым гранитом и приборами из нержавеющей стали. Посередине был островок, на котором стоял кувшин в форме петуха, как декорация. Я

направилась к нему, чтобы держаться за него, пока Тёрнер пошёл за тряпкой. Всё в этом месте излучало шик и теплоту. Если бы я когда-нибудь переехала из дома моих родителей, или отремонтировала его на свой вкус, я сделала бы именно так. Эта комната заставляла чувствовать себя желанным гостем, тебе хотелось сесть, съесть кусок пирога и выпить чашку кофе. Я осматривалась, когда Тёрнер вернулся на кухню и направился к морозильной камере, чтобы достать несколько кубиков льда. Я сглотнула, чувствуя, как очередной раз появляются маленькие бабочки. Почему он заставляет меня так себя чувствовать?

Когда мы ели ланч, я наблюдала за ним. Мои глаза периодически блуждали туда, где он сидел. Я не хотела смотреть на него, но чувствовала притяжение. Я была заинтригована им. Он без сомнения был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела. Я подглядывала за ним, когда он разговаривал со своим отцом. Он был спокоен, расслаблен. Его голубые глаза излучали кладезь знаний, а слова, которые слетали с языка, говорили о том, что он образованный мужчина. Тёрнер держал свои плечи и спину прямо. Я никогда не видела такие широкие плечи. Но с другой стороны, когда я осмотрелась вокруг стола, я увидела, что у всех мужчин в этой семье такое же телосложение. Тёрнер производил впечатление доминанта, волны, которые исходили от него, были успокаивающими и сильными. Это были, как будто, маленькие невидимые сети, которые тянулись через всю комнату и обматывались вокруг тебя, тихо затягивая тебя без твоего ведома. Это было пугающе.

Бросив на него взгляд, в то время как он двигался через кухню, я утонула в его красоте. У него были высокие скулы и крепкий квадратный подбородок с лёгкой небритостью. Мои пальцы покалывало странным образом, мне хотелось встать и дотронуться до этой шероховатой поверхности. Порыв дотронуться до мужской кожи никогда не был чем-то, с чем я действительно боролась. И это было потому, что я никогда не хотела прикоснуться к мужчине, желание было для меня лишним источником раздражения. Я поняла, что меня влечет к Тёрнеру.

«Это плохо».

Когда Тёрнер подошёл ко мне, я сделала то, что обычно... осталась равнодушной. Я посмотрела на него, когда он встал передо мной, встретившись с его кристальными глазами. Я чувствовала доминантность, превосходство, идущее от него, но я отмахнулась от этого ощущения и сделала маленький прыжок к уголку для принятия пищи. Там был маленький столик с двумя стульями, и я просто хотела чуть-чуть отдохнуть. Прежде чем я была в состоянии двинуться дальше, чьи-то ладони оказались под моими руками, и Тёрнер поднял меня как маленького ребёнка и посадил на кухонный островок. Камень под моими ногами был прохладным. Я хотела было возразить, что он опять поднял меня без моего разрешения, но то, что я не стою на земле, заставило меня держать свой рот на замке. Я видела небольшую ухмылку в уголке его полных губ, и мне стало любопытно, ожидал ли он, что я что-нибудь ему скажу.

— Подними ногу и положи свою лодыжку на другое колено, пожалуйста.

Я подняла бровь.

— У дикаря есть манеры. Интересно.

Я сделала то, что он просил, и он осторожно приложил полотенце к моей уже опухшей лодыжке.

— Конечно, у меня есть манеры. Что тебя заставило подумать, что нет? — спросил он в замешательстве.

Я чувствовала, как мой рот борется с улыбкой.

— Это потому, что ты два раза поднял меня без моего разрешения, а затем даже не потрудился извиниться за вторжение в моё личное пространство. Так что, услышать «пожалуйста» из твоих уст... круто.

Он усмехнулся.

— Доктор во мне склонен действовать прежде, чем думать, поэтому я могу быть навязчивым. Так что, за это я приношу свои извинения.

— Доктор? — спросила я из любопытства.

— Киган тебе не рассказывала? — его пронзительные голубые глаза встретились с моими.

Я покачала головой.

— Нет. Я только немного знаю о Камдене и Доджере. До сегодняшнего дня я даже не предполагала, что у Камдена ещё есть два других брата.

Его ребяческая усмешка стала ещё шире, и бабочки в моём животе сделали сальто.

— Я являюсь сотрудником «УГА Медикал».

Это было абсолютной новостью для меня. Во время ланча он спросил меня, в какой сфере деятельности я хотела бы работать. Я ответила, что-либо в спортивной медицине, либо в родильном отделении. Он немного надавил на меня и попросил выбрать одну из этих сфер, которая мне нравится больше. Я действительно не знала. Я выбрала спортивную медицину, но когда дело дошло до наличия работы, это не имело значения. Я просто хотела быть медсестрой и помогать людям. Кроме того, я не могла продолжать жить за счет сбережений и страховки жизни моих родителей. Хорошо, на самом деле, могла, но я хотела иметь свои собственные деньги.

Откашлявшись, я опустила руку вниз, чтобы забрать ледяную ткань подальше от него. Его глаза проследили за направлением моей руки, перед тем как он посмотрел на меня из-под своих ресниц. Отстраняясь и прислоняясь к противоположному концу стойки, он скрестил руки на своей широкой груди и наблюдал за мной. Тёрнер раздражал меня своим пристальным взглядом, и я занервничала. Почувствовав себя неспособной к встрече с ним глазами, я посмотрела на свою ногу и сняла несуществующую пушинку со своих шорт.

— Значит, раз ты являешься сотрудником «УГА Медикал», ты уже закончил свою аспирантуру? — спросила я, пытаюсь перенаправить ход своих мыслей.

Когда он не ответил, я посмотрела ему в глаза.

— Я полагаю, что да.

То, как он посмотрел на меня, заставило меня покраснеть. Уххх, я же не краснею.

— И сотрудником какой сферы ты являешься?

Уголок его рта дернулся.

— Спортивная медицина.

Мои брови взлетели вверх.

— Подожди, если бы я пошла на спортивную медицину, мы бы работали вместе.

— Да, работали бы. Разве это было бы плохо?

Я посмотрела на свои руки.

— Нет. Но теперь я понимаю, почему ты спросил меня об этом. Я просто не думаю, что это отдел, в котором будет свободное место, когда я пойду устраиваться на следующей неделе.

— Я всегда могу замолвить за тебя словечко, если ты этого хочешь.

— Нет! — сказала я слишком громко, встретившись с его голубыми глазами. — Я имела в виду нет, но спасибо. Я хочу сделать всё сама.

Он кивнул.

— Понятно, — опустил свои руки обратно по сторонам, он указал на мою ногу. — Теперь ты можешь снять лёд.

Я взглянула вниз.

— Ах, точно, — я сняла ткань с ноги и положила её на стойку позади меня. Я как раз хотела поблагодарить его за помощь, когда за дверью послышались звуки.

— Я клянусь, вы двое закончите тем, что поубиваете друг друга, — сказала Ригли Доджеру, когда они вошли на кухню, абсолютно не обращая внимания на Тёрнера и меня.

— Мне пофиг, младший братец. Займись своим делом, — проворчал Доджер.

Ригли усмехнулся и поднял свои руки в воздух.

— Эй, парень, я просто советую тебе поменять линию поведения. Мейси всё еще докапывается до тебя, но вы оба очень упрямы. Просто скажи ей, что тебе жаль, и двигайся дальше.

Доджер взял бутылку воды из холодильника и опрокинул голову назад, заливая в себя жидкость. Когда он закончил, то бросил бутылку в мусорную корзину и указал в сторону Ригли.

— Я скажу это один раз, и клянусь, что как только ты еще раз поднимешь эту тему, я надеру твою задницу. Оставь это. Мейси и я не твоя забота, и никогда не были ею. Кроме того, ты видимо не знаешь, как работают отношения, если это так задевает твою задницу.

Ригли выпил залпом свою бутылку воды.

— Конечно, я знаю. Я всё время нахожусь в отношениях.

— Засовывание своего члена в девушку еще не является отношениями.

Тёрнер усмехнулся и фыркнул в согласии. Я посмотрела на человека-мамонта, который переместился и встал рядом со мной, и мне стало интересно, почему же он улыбается. По факту, я чувствовала себя не очень, будучи свидетелем этого небольшого братского конфликта. Донна, мама мальчиков, выбрала подходящий момент, чтобы войти на кухню и ахнуть.

— Мальчики, вам бы лучше не говорить о том, о чем я думаю. Здесь присутствуют леди, и такое ваша мать просто не хочет слышать.

— Не беспокойся, ма, разговор закончен, — ответил Доджер.

Она развернулась и свирепо посмотрела, указывая пальцем, на своего младшего сына, Ригли.

— А вы, молодой человек, должны лучше предохраняться, если у вас был секс. А вообще, ты должен прекратить этим заниматься! Никакого секса до того момента, как будешь женат. Последнее, о чем я хочу узнать, это то, что какая-то из твоих девушек беременна.

— О господи, мам! Я не буду с тобой об этом говорить, — Ригли выглядел смущенным. Тёрнер и Доджер ухмылялись из-за дискомфорта брата. — В любом случае, сменим тему. Эй, мам, как ты называешь парня без рук и ног в груди листьев?

В комнате послышался коллективный стон.

— Риг, не сейчас, — проворчал Тёрнер.

Он проигнорировал его.

— Рассел, — сказал Ригли и шлёпнул по своей ноге, смеясь от своей шутки.

Я позволила себе чуть-чуть хихикнуть. В мою защиту, это было довольно смешно. Тёрнер обратил свой взгляд на меня и наклонил в сторону голову. Я пожала плечами.

— О боже мой, Белль, ты только что посмеялась? Охренеть, наконец-то появился кто-то, кто оценил мои шутки, — Ригли подошел ко мне и обхватил меня рукой вокруг моего плеча.

Моё лицо стало краснее моих волос, и я отвела свой взгляд от всех.

— Я никогда не слышала этого прежде. Это было довольно забавно.

Он потрепал мои волосы, как будто я была ребёнком. Что же с этими парнями Брукс, почему они так себя ведут?

— Ты милая.

Тёрнер скинул руку Ригли с меня и сердито посмотрел на него.

— Во-первых, её зовут Аннабелль, а не Белль, а во-вторых, она просто была вежлива. Держи свои руки при себе, болван.

— Вообще-то, — обратилась я к Тёрнеру, — Белль звучит нормально, шутка была смешная, и, спасибо тебе за комплимент, — я повернулась к Ригли и улыбнулась.

— Ха! Получи, придурок.

— Мальчики, — осуждающе сказала Донна. Сменив тему, она подошла ко мне и посмотрела на мою лодыжку. — Как ты, дорогая? Я могу тебе чем-то помочь?

Со всей этой суматохой, я полностью забыла о своей травме.

— Нет, спасибо большое. Вообще-то, я думаю, что мне пора идти. Это был долгий день, и я чувствую себя довольно усталой.

— Хорошо, дорогая. Могу ли я предложить тебе, чтобы один из моих мальчиков отвез тебя домой? Я уверена, что им не сложно.

— Нет. Я ценю это, но думаю, что могу сделать это самостоятельно.

— Я довезу её, — перебил меня Тёрнер.

Я повернулась к нему лицом, мои красные волосы разлетелись по сторонам.

— Отлично, я сказала, что доеду самостоятельно.

Его лицо стало каменным, и эти доминирующие волны тихо прокладывали свой путь ко мне.

— Я довезу тебя домой на твоей машине, а Доджер может последовать за нами, чтобы потом отвезти меня обратно.

Я подавила в себе чувство подчинения. Что, чёрт возьми, такое с этим парнем? Если девушка говорит «нет», она это и имеет в виду. По крайней мере, когда я говорю «нет», я это и предполагаю.

— Нет, спасибо, — мой голос был твёрдый и решительный. Здесь не было места переубеждению, и мне не понравилась внезапная смена его поведения.

— Она поняла, Тёрнер, оставь бедную девочку в покое, — заговорила Донна. Она наклонилась и обняла меня. Это был самый добрый жест, адресованный мне за длительный период времени, поэтому у меня в горле появился ком. — Это было прекрасно, познакомиться с тобой. Пожалуйста, не избегай нас. Тебе здесь рады в любое время. Ах да, и поздравляю с получением высшего образования.

Её улыбка была настолько искренней и подбадривающей. Я хотела притянуть её обратно в крепкое объятие, просто чтобы почувствовать материнскую заботу, а затем убежать обратно в свой кокон безмолвия. Вместо этого я обменялась с ней улыбками и поблагодарила за гостеприимство.

Соскальзывая со стойки, краем глаза, я увидела, что рука Тёрнера дёрнулась, чтобы помочь мне. Он, вероятно, хотел бы, чтобы его мамы не было здесь, готовой шлёпнуть его, если он попытается. Я взяла свою сумочку, которую положила на стойку напротив меня, и начала ковылять к двери. Моя нога начала медленно гореть от боли, но я отказалась обращаться за помощью. Я посмотрела за своё плечо и растянулась в вежливой улыбке.

— Я была рада познакомиться со всеми вами. Спасибо вам еще раз за приглашение. Мне жаль, что я доставила вам много хлопот в конце.

Как только я достигла дверной ручки, мне на плечо опустилась тяжелая рука.

— Серьёзно, Аннабелль, я могу подвезти тебя. Мне не сложно.

Я обернулась, чтобы посмотреть ему в лицо.

— Я ценю это, правда, но лучше поеду сама.

— Хорошо, это может прозвучать странно, но я хочу спросить, — он, казалось, хотел провалиться сквозь землю из-за этого вопроса, каким бы он ни был. Он глубоко вздохнул, и затем заговорил: — Могу ли я пригласить тебя куда-нибудь?

Это было действительно странно. Каким образом он перешел от властного, доминирующего мужчины к этому смягченному тону и приглашению меня на свидание? Я покачала своей головой, встретила с его яркими голубыми глазами, которые казались уверенными и полными надежд.

— Спасибо, но я не хожу на свидания.

Его уверенность заколебалась, и он свёл свои брови.

— Что значит, ты не ходишь на свидания?

Я вздохнула. Как я это объясню?

— Просто не хожу. Мне это не интересно, — и это действительно так. Не поймите меня неправильно, меня определённо привлекает Тёрнер Брукс, но я считаю его опасным. В моей голове я уже проиграла всю ситуацию. Я пойду с ним на свидание. Одно свидание превратится в два, два в четыре, и не успеешь обернуться, появятся чувства. Как только появляются чувства, нет способа уйти от них. Потом появятся обязательства, и что если что-нибудь случится? Что, если он бросит меня, потому что больше не захочет заботиться обо мне, а я всё ещё буду любить его? Что, если я получу телефонный звонок или услышу стук в дверь с новостями, что с ним случилось что-то ужасное? Я бы никогда этого не пережила. Таким образом, я остановила это, прежде чем это началось.

Тёрнер свёл свои брови ещё сильнее, как будто он пытался разгадать таинственную загадку, которая не имела для него смысла. Но нечего было решать. Я подготовила себя к огромному количеству вопросов, на любой из которых смогу ответить. Я думала, что он сделает то, что делают все мужчины, у которых хватает смелости пригласить меня на свидание.

Начнет уговаривать.

Вместо этого, он просто кивнул, разглаживая свои прекрасные черты лица, и открыл передо мной дверь.

— Хорошо. Ну, было приятно с тобой познакомиться. Может быть, я увижу тебя где-нибудь около больницы. Удачи в поиске работы.

Что? Нет, «Тебе вообще нравятся парни? Если да, то просто дай мне шанс? Ты недотрога? Ты хранишь себя для брака?». Ничего. Он не задал мне ни один вопрос, который, как я ожидала, он бросит в моём направлении. Вместо этого, именно я выглядела озадаченной. Я предполагаю, что Тёрнер Брукс спрашивает один раз, и это твой

единственный шанс. Я не могу сказать, это было хорошее или плохое чувство, что он принял мой отказ так легко, но, независимо от этого, я нацепила улыбку на своё лицо и кивнула ему. Расправив плечи, я прошла мимо него и двинулась к своему автомобилю. Я чувствовала его взгляд на себе в течение всего своего пути. Когда залезла внутрь машины, то обернулась посмотреть на дом. Входная дверь была закрыта, и он нигде не был виден. Как странно. Я готова была поклясться, что он будет стоять там. Выбросив из головы этот странный день, я направилась домой, не желая ничего, кроме как поднять свою лодыжку на край ванны, в то время как я буду нежиться в горячей пене и расслабляться. Я была готова, чтобы этот день закончился.

1 глава

Аннабелль

7 месяцев спустя...

— Тужься, Сесиль, — инструктировала я своего пациента.

«Выдох»

— ...три, четыре, пять, шесть...

«Выдох»

Мать в родовой тяжело дышала, когда наклонилась вперед, обхватывая себя под коленками.

— Восемь, девять, десять. Хорошая работа, теперь ты можешь отдохнуть и ждать следующих схваток, — сказала я, когда убрала назад волосы, которые прилипли к её влажному лбу.

— Я не могу это сделать, — Сесиль умоляла своего мужа, у которого было очень извиняющееся выражение лица. Я уверена, что ему было тяжело видеть, как его жена мучается от боли, так чувствовали себя все мужья, которые заходили и уходили из моих родильных палат.

— Да, ты можешь, дорогая. У тебя всё хорошо получается, — проворковал он.

Слёзы потекли по её щекам.

— Нет, я не могу. Я так устала, и всё болит. Пожалуйста, хватит. Просто достаньте его.

Моя пациентка находилась в родильной палате более двадцати четырёх часов. Врачи не были уверены, сможет ли шейка матки раскрыться на десять сантиметров, которые были нужны, чтобы естественно родить. Акушер не решил, позволит ли он довести дело до конца способом, который происходил сейчас, или же мы повезём её в операционную. К счастью для Сесиль, матка расширилась на последние три сантиметра за короткий период времени. Она тужилась уже в течение часа, и я могла увидеть изнеможение, написанное на её лице. Здесь бывали мамочки, которые приходили и продолжали тужиться в течение двух или даже трёх часов. Так же были и другие, такие как Сесиль, у которой была истрачена каждая унция энергии, и ей буквально уже нечего было дать.

— Хорошо, Сесиль, подходит следующая схватка, и ребёнок уже здесь, — сказал доктор Линдс. — Если ты разок сильно потужишься, это всё закончится. Давай же, дай мне всё, что у тебя есть.

Я держала одну из её ног, пока её муж держал другую ногу. Она приложила все усилия и

стала тужиться, пока всё её лицо не стало красным. Я начала свой отсчёт, как делала при каждой схватке. Ещё больше пота появилось на её лбу, и я могла сказать, что она полна решимости сделать последний толчок. Я посмотрела вниз и увидела темечко ребёнка, который начал выходить.

— Вот видишь, Сесиль, ребёнок уже выходит, продолжай. Тужься сильнее! — сказала я взволнованно.

Спустя несколько коротких секунд кровавый, влажный, маленький малыш выскочил наружу, и доктор работал над прочищением лёгких и носа ребёнка. Родители заметно расслабились, когда наблюдали за этим в слезах. Через несколько секунд в почти тихой комнате раздался небольшой вскрик. Я вручила доктору Линдс пару вещей, чтобы помочь вытереть ребёнка, поскольку он клал новорожденного на живот матери. Это всегда был мой самый любимый момент. Момент, когда семья из двух человек становится семьей из трёх. Момент, когда они исследуют каждый небольшой дюйм своего нового маленького комочка, и находятся в эйфории. Эти моменты никогда не устареют. После того, как выполнила свои обычные обязанности взвешивания и мытья ребёнка, я вышла из комнаты, чтобы дать новой семье некоторое время для сближения. Мы перевели их в обычную палату, как только у матери замедлилось кровотечение, и все жизненные показатели стабилизировались.

Направляясь к сестринской, я села и вытащила несколько диаграмм. Мне нужно было сделать кое-какую бумажную работу, прежде чем я могла пойти домой. Я была истощена, и мысль о моей мягкой подушке и кровати вызвала длинный зевот. Мои коллеги слонялись между залами, проверяя пациентов и палату новорождённых. Когда я начала здесь работать, я не думала, что полюблю этот этаж «Л&Д», но я полюбила. Здесь было так много и удовлетворения, которое приходило, когда помогаешь новой жизни появиться на свет. Хотя мои первые несколько недель были шаткими. Я поняла, что медсёстры, которые были очень приветливы и заботливы с пациентами, могли быть несколько замкнутыми среди коллег. Прибытие в бригаду, в которую в течение нескольких месяцев не приходил новичок, было проблемой. Прошло некоторое время, пока я почувствовала себя более комфортно с медсёстрами, с которыми я работала на регулярной основе. Я начала составлять схемы моего последнего обхода и всех медикаментов, которые назначены. В то время как я работала, я подслушала, как две другие медсестры разговаривали, и я наострила уши, когда услышала имя «Доктор Брукс».

— Итак, куда он тебя поведет? — спросила девушка, которую я не знаю.

— Мы пойдем в комедийный клуб в центре в пятницу, а после этого ... Я полагаю, увидим, — засмеялась Робин.

— Ух, ага, посмотрим. Ты слышала, чем он занимался с Кристи с рентген кабинета на прошлой неделе? — подтрунивала другая медсестра, имя которой я не знаю.

— Нет, что?

— По всей видимости, у хорошего доктора есть пунктик по поводу коморок. Она сказала, что он даже не дал ей шанса снять её форму.

Я посмотрела вверх как раз вовремя, чтобы увидеть, как Робин закатила глаза.

— Подумаешь. Он никогда не вспомнит имя рентгеновской девочки, когда я закончу с ним. А по факту, возможно доктор Брукс наконец-то обретет свое счастье и успокоится.

Надежда в её голосе и то, что у неё есть шанс, как у снежка в аду, заставило меня громко фыркнуть. Обе женщины обернулись ко мне, и я посмотрела обратно на свои бумаги.

— Ты что-нибудь сказала, Аннабель? — спросила Робин.

Я подняла глаза обратно и попыталась казаться невинной.

— Нет, простите. Я думала, что чихну.

Они обе послали мне недоумённый взгляд и отмахнулись от меня.

— В любом случае, я отправлюсь в «Розовое кружево» после смены, чтобы найти вещи, которые, как я думаю, он найдет привлекательными, — промурлыкала она.

— Угу, что у тебя на уме? — спросила из любопытства вторая девушка.

Я выглянула из-под своих ресниц, чтобы наблюдать за разговором. Обычно я не была любителем подслушивать, но я была заинтересована. После моей первой стычки с Тёрнером, я начала больше обращать внимания на источники слухов. Всё выглядело так, словно доктор Брукс был дамским угодником, с чем я уже была согласна. Но, оказывается, он проделал свой путь через персонал больницы и оставил после себя вагон потерявших голову женщин. По факту, я уверена, что, кроме Робин, я единственная, кого он ещё не затащил в каморку. А вообще, я беру свои слова обратно. Я буду надеяться, что он не заигрывал с Глэдис, вахтёршей, которой восемьдесят лет, но ты никогда не сможешь разобраться в людях.

— Я думаю, что-нибудь красное и шелковое, и я уберу свои волосы с шеи. Он не сможет устоять, — с полной уверенностью заявила Робин.

Красный шелк? Звучит больше как цвет дешёвой проститутки, если бы вы меня спросили. Вернувшись обратно к своей работе, я заблокировала остальную часть их разговора. Подслушивание всего этого разговора вернуло меня обратно в день, когда он пригласил меня на свидание. Я пошла домой, задавшись вопросом, что было бы, если бы я рискнула и сказала «да». Влечение там точно было. Тяга или соблазн, если хотите знать, пытались повлиять на меня, чтобы я сказала «да», но все эти сплетни были подтверждением, что я сделала правильный выбор, оставшись при своём мнении.

Если было мы сходили на свидание, я уверена, что оно было бы замечательным. Но я не сомневаюсь, что Тёрнер Брукс переключился бы на другую, ничего не подозревающую, женщину уже на следующий день. Которая была бы хороша. Предельно ясно, что это было его развлечением. Я никогда не осуждала мужчину за его игру. Однако, с того дня, я сделала всё, чтобы избежать столкновения с ним на территории больницы. Я делала это не потому, что боялась, что он пригласит меня опять. Нет, у меня было чёткое ощущение того, что он не был тем типом мужчины, который приглашает дважды. Это было больше потому, что он заставлял меня чувствовать себя неловко. Было что-то, что я увидела в его лице в тот день. Что-то безумное и безбашенное. Он, может, и был врачом, но была вспышка в его глазах, которая сказала мне, что он любит балансировать на краю пропасти. Я, Аннабель Шаффер, не делаю ничего опасного. Я прочертила линии. Я знала, что если выйду за пределы этих линий, то поприветствую возможность боли. Поэтому я решила, что нахождение в моём защитном пузыре является тем местом, где я контролировала своё прошлое. Мне нравилось там.

Высокий женский смех вывел меня из мыслей, и я посмотрела на двух женщин, которые до сих пор гудели о судьбоносном свидании Робин. Бла... бла... бла. Пофиг. Я не собираюсь больше это слушать, поэтому я закончила составлять таблицу лекарств Сесиль, и пошла в раздевалку «Л&Д», чтобы собрать свои вещи. Когда закинула сумку на плечо, то почувствовала вибрацию телефона. Вытащив его, я посмотрела на экран. Там было сообщение от Киган.

Киган: «Покупка платьев сегодня вечером».

Я: «Ок. Мы должны встретиться у тебя?»

Киган: «Ага. Я заскочу и заберу тебя».

Я: «Звучит круто! Увидимся».

Киган и я были наняты в один и тот же день, чтобы работать в «Лэбор энд Деливери». Изначально я хотела выбрать спортивную медицину, а она всегда хотела в «Л&Д». Часть времени мы работали бок о бок, но периодически наши смены не совпадали. С тех пор как мы стали работать вместе, я стала еще ближе к Киган, что само по себе было редкостью. Я мало кого подпускала к себе. Но у неё был доступ. Нельзя было не доверять и не любить её. Когда она обручилась с Камденом, Киган не тратила время на выбор подружки невесты. Это была честь для меня, что я была для неё настолько близка, что она попросила меня. Закинув свой телефон обратно в сумку, я тихо проклинала поход по магазинам с целью поиска платьев. Буду надеяться, что другие две девушки договорятся о том, что мы будем надевать, и мы сможем сфокусироваться на Киган и её свадебном платье. Ещё я послала тихую молитву богам одежды о том, чтобы она не выбрала какой-нибудь отвратительный цвет типа пастельно-синего или фиолетового. Я не хочу выглядеть как кексик.

Я направилась в гараж и забралась в свою машину. Путь домой был относительно коротким, чему сегодня вечером я была очень благодарна. Приехав спустя десять минут, я зашла через парадную дверь и была сразу приветствована своим котом, Чезом. Его громкое урчание успокоило меня, и вся напряженность дня медленно уходила прочь с его лёгким мурлыканьем.

— Эй, большой парень, что ты делал весь день? — Я наклонилась, чтобы погладить его чёрно-серую шерстку. Он выгнул спину под моей ладонью и мяукнул мне.

— Ага? Кажется, ты был занятым мальчиком.

Я отступила назад и кинула свою сумку на пол.

— Ты голоден? — спросила я у своего компаньона, и он выпустил наружу длинный и низкий рёв. Он путался у меня под ногами, а я пыталась дойти до кухни. Это был знакомый танец, который мы танцевали каждый вечер. Он метался вокруг моих ног, а я пыталась не наступить на него. Я была убеждена, что Чез понимал каждое слово, что я говорила ему. Он был моим котом ещё до смерти моих родителей, семь лет назад, и он был единственным, кто был со мной, когда мне было хуже всего. Я любила его, а он любил меня. По крайней мере, я думаю, что он любил меня. Хотя, скорее всего, это было только из-за еды. Независимо от этого, он уделял мне своё внимание, и я ценила это.

После кормления Чеза, я пошла к холодильнику и вытащила бутылку «Мерло», которую открыла накануне вечером. Заполнив стакан до половины, я спустилась в свою комнату, переоделась в чёрные штаны для йоги и розовую майку, и шлёпнулась на кровать, готовая лечь спать. Электронная книга «Киндл» около меня тоже была дружелюбным компаньоном. Я была заядлым читателем. Я бросалась в эротические или тёмные сверхъестественные любовные романы каждый вечер перед сном. Потягивая вино, я завалилась в своё изобилие белых пуховых подушек и погружалась в чью-то другую жизнь. В место, где я позволяла себе жить на краю пропасти и рисковать. С каждым словом, которое сканировали мои глаза, они становились тяжелее и тяжелее. Моя двадцатичетырёхчасовая смена имела негативные последствия, и вино быстро просачивалось в мою кровь. Я даже не закончила читать главу, прежде чем провалилась в глубокий, лишенный сновидений, сон.

Прежде чем открыла свои глаза, я почувствовала тяжелый вес на своей груди. Затем

маленькие «топ, топ, топ» по своей щеке. Я взмахнула своими ресницами и встретила нос к носу с очень сердитым Чезом. Посмотрев на часы около моей кровати, я увидела, что на них десять утра. Понятно, по его мнению, я проспала слишком долго, и он хотел, чтобы его покормили, опять. Пока я разминала свои руки высоко над головой, он спрыгнул с меня и упорно встал около моей двери.

— Ты знаешь, будить своего хозяина не слишком вежливо.

— Он моргнул, будто бы сказав «подумаешь». Я села и протерла ладонями глаза. Чёрт побери, я должно быть очень устала. Обычно я не сплю так долго, но всегда была рада, когда так получалось. Шаркая на кухню с Чезом позади меня, я накормила своего ненасытного кота и повернулась, чтобы сделать огромную чашку кофе. У меня было немного времени, чтобы посидеть на скамейке и погреться на солнышке, прежде чем приедет Киган и заберёт меня. Когда посигналила машина, я допила свою чашечку кофе, как и хотела, и вышла через раздвижную стеклянную дверь, которая была за кухней. Хрупкое, старое, деревянное кресло-качалка стояло по направлению к пустому полю с несколькими холмами.

Я знала, что наверняка должна купить новую уличную мебель, но идея избавиться от этого кресла вызывала во мне панику. Когда я села, дерево закричало так, будто не выдержит и провалится прямо подо мной. Видите ли, это папино кресло. Каждое утро он просыпался раньше птиц, выходил на улицу и садился сюда очень аккуратно. Он попивал свой кофе и читал газету. Когда я просыпалась, то неслась наружу и садилась на перила по другую сторону от него, и мы говорили обо всём. Было время, когда я заползала к нему на колени, но, конечно же, я становилась старше и больше, поэтому переместилась на другое место. Папа и я были очень близки. Я никогда не была девочкой, которая ненавидела своего отца во время подросткового возраста, что, как говорили все, должно было произойти. Я была дороже всего на свете для папы, и он был для меня самым любимым человеком на Земле и лучшим другом. Конечно же, я любила свою маму так же сильно, но у нас были совершенно другие отношения. Я была точно такая же, как она. Я выглядела как она, со светло-рыжеватыми волосами и глазами цвета морской волны. Мои родители были для меня всем. Простая идея выкинуть что-то, что принадлежало им, вещи, которые были частью моих самых дорогих воспоминаний, никогда не осуществится. Смотря на зелёную траву, я наблюдала, как облака создавали тени разных форм и размеров, как они плавно передвигались на другую часть поля. В частности, я была загипнотизирована тем, как они приходили и уходили, меняясь и превращаясь в атмосферу вокруг себя. Я сочла это умиротворяющим и слегка волнующим. Я ненавидела изменения. Это и являлось причиной того, почему я сейчас до сих пор на том же месте. На том же самом кресле.

Прошёл час, прежде чем я решила, что потратила достаточно времени, сидя на улице в своих мыслях. Мне надо было двигаться дальше. Вылив то, что осталось в моей кружке, за террасу, я развернулась и пошла в дом. У меня было достаточно времени, чтобы дойти до двери, прежде чем Киган подъехала. Я подняла свою сумку с земли и закрыла за собой дверь. Киган улыбнулась мне из машины, и что-то в этом действии заставило меня расслабиться. Я не очень ждала эту поездку на шоппинг, но, увидев её, вспомнила, что мне нравится общение и компания, и что мне действительно нужно потусоваться с девчонками.

Когда я забиралась в автомобиль, она очень весело спросила у меня:

— Привет, как ты?

— У меня всё хорошо, — ответила я. — Провела неторопливое утро на веранде и немного позагорала.

Она взглянула на меня.

— Ага, у твоих плеч сейчас милый розовый оттенок.

Брр! Я всегда сгорала. Мои красные волосы дополнялись бледно-белой кожей. Ещё одна особенность, которую я унаследовала от своей мамы. Во время летних месяцев мои веснушки проявлялись в полную силу. Они раздражали меня.

— Очевидно, пора начинать мазаться солнцезащитным кремом, прежде чем я проведу какое-то время на улице. Кто-нибудь, напомните мне, почему я всё ещё живу на юге?

Она засмеялась.

— Ну, потому что тут еда лучше и парни горячее.

— Про еду ты права. Возможно, мне надо переехать в Сиэтл или на Аляску, где едва светит солнце. Я могу принять свою бледность и жить со своими людьми.

— Твоими людьми?

— Ага... альбиносами, которых можно распознать по коже.

Она засмеялась.

— Ты не альбинос, чокнутая. Ты знаешь, что люди с Аляски не такие бледные, как ты их представляешь, правда? И тебе лучше не переезжать. Что я буду делать без тебя?

— Во-первых, да, существуют бледные жители Аляски. Они живут на севере... с полярными медведями. И тебе было бы хорошо без меня. Ты бы проводила больше времени со своим великолепным, угрюмым мужчиной.

— Я думаю, что ты прочитала слишком много сверхъестественных книг. Вампиры — те, у кого такая белая кожа. И кстати, проводить время порознь иногда полезно. Поверь мне. Он ненасытен.

Я повернулась к ней лицом.

— Ты сейчас жалуешься на количество секса, который у тебя есть?

— Нет, думаю, что нет, но иногда моя маленькая подружка нуждается в перерыве.

Теперь уже я захихикала.

— Мы работаем с влагилицами целый день, и ты называешь ее «своей маленькой подружкой»?

Она пожала плечами.

— Ага. Но всё это заставляет меня вернуться к вопросу, который я давно хотела тебе задать. Каким образом я ни разу не видела тебя на свидании? Вообще, я не думаю, что когда-нибудь слышала, чтобы ты говорила о парне.

Неминуемо, мне всегда задают этот вопрос. Я не объявляю, что не хожу на свидания, но люди это действительно замечают.

— Это просто не то, в чем я заинтересована на этом этапе своей жизни. Я сейчас привыкаю к новой работе и размышляю о долгосрочных целях.

Её голос стал мягче.

— Что, ни одна из этих долгосрочных целей не включает в себя кого-нибудь высокого, тёмного и симпатичного?

— Я просто не думаю, что это нечто ожидаемое для меня.

Я повернулась, чтобы посмотреть в окно. Мы направлялись в центр Атенса, и исторические памятники проносились мимо нас.

— Из твоих уст это звучит как сказка. Мне нравится быть одной.

Я увидела её реакцию в отражении. Киган окинула меня печальным, задумчивым взглядом. Рука потянулась и схватила мою руку.

— Я здесь. Всегда буду здесь, даже если ты просто хочешь сидеть и молчать.

Легонько сжав, она положила свою руку обратно на руль и сфокусировалась на дороге. Я повернулась обратно и послала ей маленькую улыбку. Оставшуюся часть пути к свадебному салону, мы проехали в тишине.

Когда мы прибыли, я увидела, что Роуэн, мама Киган, Сара, её младшая сестра, и Донна уже стояли на тротуаре и ждали нас. Небольшое чувство трепета зародилось в моем животе, когда я увидела Донну. В последний раз я видела её, когда я попала в неловкое положение на бейсбольном матче. В моей голове промелькнула вспышка лица Тёрнера. Я отмахнулась, когда прибыла другая машина. Это была Мейси. Она была лучшей подругой Киган с детства, но полюбила и меня. Мы отрывались несколько раз в прошлом году, и узнали друг друга. Мне нравилась Мейси. Она громкая, яркая, красивая, и с ней легко ладить. Но больше всего мне нравилось в ней то, что она не утаивала то, что чувствует. Это качество, которое сейчас отсутствует у многих людей.

Когда Мейси вышла из машины, она откинула свои длинные, коричневые волосы с шеи и драматично обмахнулась.

— Вы же знаете, что это безумие, выходить замуж в Джорджии в середине лета, да?

— Да, но там будет куча ледяных напитков, чтобы спастись от жары, — позитивно начала Киган. Ничто не могло ухудшить её настроение.

— Тебе лучше надеяться на это, потому что, я клянусь, если ты вытащишь мою задницу на эту жару дольше, чем на десять минут, только что бы сказать: «Я согласна», я уйду.

Киган усмехнулась.

— Ты уйдешь со свадьбы своей лучшей подруги?

— Я похожа на человека, который шутит? — Она указала на своё лицо. — Ладно уж. Кто увидит моё лицо, когда оно растает? Можем мы просто зайти внутрь?

— Да, пожалуйста, — поддержала я.

Когда мы зашли внутрь, Киган обняла каждого, кто пришёл её поддержать. Когда она зарегистрировалась у одной из продавщиц, Донна послала мне яркую улыбку.

— Привет. Аннабелль, правильно?

Я кивнула, когда она приблизилась ко мне, и затем поприветствовала меня тёплым объятием, как будто мы были родственниками или старыми друзьями.

— Я так и думала. Обычно я хорошо запоминаю имена, но я не видела тебя уже... — она задумалась, — так, я думаю, месяцев семь или восемь.

Донна была типичной южной женщиной. Она была хорошо одета, с идеально уложенными волосами и безупречным макияжем. Живя в этом регионе США, большинство населения женского пола рассматривало друг друга как давно потерянных друзей, даже если они были совсем незнакомы до встречи. И, конечно же, все обнимали друг друга. Маленькие руки Донны обернулись вокруг меня, и аромат её духов обволок воздух, накрыв меня как тёплое одеяло. Она пахла очень похоже на то, как раньше пахла моя мама. Чистый запах, похожий на запах свежего полотенца или простыни из сушилки, смешанный с оттенком лаванды. Он ударил мне прямо внутрь. Я попыталась не хмуриться, когда она отодвинулась. Всё, чего я хотела, — это вернуть её маленькое тело обратно к себе и глубоко вдохнуть.

— Так как ты, дорогая? Очень занята? — её сладкий-как-персик южный акцент был нетерпкий, как хорошее вино.

Я сделала короткую паузу, чтобы стряхнуть с себя слёзы, которые хотели выступить. Подавляя ком, который формировался у меня в горле, я послала ей улыбку.

— Я хорошо, спасибо что спросили. Работаю в «Л&Д» на том же этаже, что и Киган, и беру несколько дополнительных смен время от времени.

— Верно. Киган сказала, что вы работаете вместе. Ну как, тебе нравится работа?

Киган начала свой путь в демонстрационный зал, и мы все потянулись за ней и консультантом, возглавляющим путь.

— Да. Я не знаю, насколько большое внутреннее удовлетворение должна приносить работа, но я действительно довольна ею.

Она оперлась рукой на моё плечо, когда мы ступили в широкое пространство с изобилием свадебных и выпускных платьев.

— Это отлично, дорогая. Медсёстры, которые присутствовали там, когда я рожала своих четырёх мальчиков, были по-настоящему ценными для меня. Я так рада за тебя.

Упоминание о её сыновьях вернуло мои мысли к Тёрнеру. Я должна была принять, что была захвачена его самообладанием, голубыми глазами, которые наблюдали за мной с кухни. Тем, как его глубокий голос находил отклик в моей груди. Тем, как он поднимал меня, как будто я ничего не весила. Он всё ещё был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо видела. Что за черт? Мои мысли звучат так, будто я на него запала. Какое сумасшествие! Кто-то кашлянул, возвращая меня с небес на землю.

— Земля вызывает Аннабелль, — щелкнула Мейси пальцами. — Ты хочешь примерить эти два платья?

Маленькая блондинка — консультант — держала варианты, и я посмотрела на них. Оба платья были чёрные, и выглядели одинаково для меня. Если честно, в любом случае это меня не заботило. Это была свадьба Киган, так что её мнение было важнее, чем моё, ведь так?

— Конечно.

Мейси зашла в примерочную с одним платьем, а я с другим. То, что я мерила, было коктейльным платьем-бюстье трапецевидной формы без бретелек. Верхняя часть прилегала вокруг моей груди, а низ расширялся с помощью тонкой сетки. Оно было коротким, очень лёгким и развевающимся, и в нём мне, скорее всего, не будет жарко на свадьбе под открытым небом. Я дважды проверила в зеркале, как я выгляжу, прежде чем выйти. Мейси уже вышла и стояла на подиуме. Киган была на ногах, критикуя недостатки, когда я вышла. Когда я подошла и встала рядом с ней, Мейси осмотрела меня.

— Надо примерить это, — объявила она. — Моё платье слишком колючее, и мне не нравится, как оно смотрится сзади. Делает мою попу больше, чем она есть на самом деле, — она повернулась, давая нам посмотреть.

Её платье тоже было черным вечерним платьем, но с тонкими лямками и сердцевидным вырезом. Оно так же было плиссировано от талии до колен.

— Что думаешь, Аннабелль? — спросила Киган.

— Я? Это твоя свадьба. Я буду носить любую вещь, которую ты наденешь на меня.

— Ох, заткнись. Нет, не будешь, — просверлила меня взглядом Мейси. Не в плохом смысле, а что-то вроде: «закрой свой рот или я убью тебя».

Я бросила беглый взгляд на одну и на вторую.

— Мне кажется, что это платье замечательное, и оно будет идеально смотреться. Плюс, мы можем попросить, что бы швея добавила пару маленьких бретелек к платью Сары.

Тёплая рука легла на моё плечо. Донна встала, чтобы поддержать меня.

— Как много времени это займёт?

— Мы можем это сделать довольно быстро. Три недели — самое большое, сколько вам

нужно будет ждать, — ответила консультант.

— Ты согласна с этим, Киган? — спросила Донна.

— Да! Я думаю, это будет замечательно. Сара, я хочу, чтобы ты примерила то, что одето на Аннабелль, чтобы посмотреть, что нам надо изменить, хорошо?

Когда Киган повернулась поговорить со своей мамой и младшей сестрёнкой, Мейси наклонилась и прошептала:

— Мы должны запланировать девичник уже сейчас, а то он никогда не произойдёт.

Донна улыбнулась нам и сделала шаг к другим девушкам.

— Всё в ваших руках. Мои незамужние деньки уже подошли к концу.

Мейси и я засмеялись, но я не могла скрыть румянец, который появился на моих щеках.

Донна развернулась и присоединилась к другим девочкам.

Я подняла руки, когда консультант замеряла меня и писала какие-то пометки.

— Что, они ещё существуют?

Она усмехнулась.

— Девичники? На то, есть ли они у кого-то другого, мне наплевать, но у нас он будет сто процентов.

Я засмеялась.

— Чёрт возьми! Что у тебя на уме? Только не говори мне, что стриптизёры. Если стриптизёры, то можешь на меня не надеяться.

Маленькая блондинка закашлялась и отошла.

— Что? Ты шутишь? Стриптизёры обязательны на девичнике.

— Разве большинство стриптизёров в наше время не геи? Можешь считать меня сумасшедшей, но я не хочу видеть их хозяйство, раскачивающееся перед моим лицом, пока они притворяются, что равнодушны ко мне, лишь бы я положила им доллар.

Она засмеялась.

— Похоже, что ты права. Чёрт, теперь я не знаю, что делать.

Киган подошла, чтобы послушать, о чём мы говорим.

— Не знаешь, что делать с чем?

— Ни с чем, — одновременно сказали мы.

— Ох, девочки. Я уже сказала вам, никаких вечеринок. У Камдена не будет мальчишника, поэтому у меня тоже не будет.

Мейси закатила глаза и положила свою руку на бедро.

— Ну да, как же. Один из его пронырливых братьев собирается вытащить его задницу в бар или клуб в центре города. Они не дадут ему провести последние холостяцкие дни без тусовки. Не борись со мной в этом вопросе. Я закачу тебе вечеринку.

— Вы возмутительны, — она прикусила губу. — И что вы планируете?

Мейси указала на меня своим большим пальцем.

— Ну, эта дамочка не хочет, чтобы какие-нибудь парни размахивали членом перед её лицом, так что стриптизёров мы убираем.

Я выпустила смехок. Киган улыбалась, но выглядела озадаченной.

— Так, что если мы просто отвезем тебя в новый бар в центре? Это вроде бы старый склад, который усовершенствовали, и он теперь выглядит как «Калифорнийский клуб», который принадлежит Эштону Катчеру, или что-то типа того. Как это звучит?

— Думаю, будет весело. Когда я приду домой, то поговорю с Камом.

— Rrrr... — Мейси издала звук, похожий на рык автомобиля. — Притормози,

глупенькая. Никакого Камдена. Мне не нужно его разрешение, чтобы вытащить тебя на ночь на девичник и выпивку. Аннабелль и я выберем день, и тогда я позвоню тебе и сообщу об этом не позже этой недели. Поняла меня?

Она кивнула.

— Поняла.

— Не разочаровывайся, принцесса, будет весело, — Мейси шлёпнула Киган, и она завизжала.

— Хорошо. Аннабелль, позвоню тебе сегодня вечером, и мы сможем обсудить детали, и, возможно, соберём еще несколько девушек с больницы, которые захотят пойти. В любом случае, — сказала она, эффективно сменив тему, — где же подвенечное платье, которое ты должна надеть?

Киган усмехнулась.

— Его только что принесли, — она захлопала в ладоши. — Пошли, я готова его примерить.

Мы трое перешли к Роуэн, Донне и Саре. Остальная часть дня прошла в потягивании шампанского, разговорах о свадебных декорациях, местах проведения, еде и платье, которое примерила Киган. К тому времени, как она высадила меня около дома поздно вечером, я сидела в своей гостиной, бездумно глядя Чеза и мечтая забрать своё согласие быть частью девичника. Я не смогу позвонить Мейси и отказаться, она никогда не позволит мне это сделать. Но я так же знала, что буду в этот вечер ходячей катастрофой. Так что, вместо того, чтобы попытаться отключить свой мозг, я пришла к спасительному плану. Я скажу девочкам, что буду водителем в их компании. Ограничение алкоголя гарантировало бы, что я буду держать себя под контролем. По крайней мере, я думала, что так будет. С этой компанией, ты никогда не узнаешь, что будет ждать тебя ночью.

2 глава

Аннабелль

— Эй, ты уже готова? — кричала мне Мейси с гостиной.

— Да. Дай мне секунду, — крикнула я в ответ.

Две недели спустя все девочки были у меня в гостиной. Было решено, что у нас будет не только девичник, но ещё и пижамная вечеринка. Так как я, на тот вечер была водителем, мой дом стал очевидным выбором. Теперь я сидела здесь, одна, в своей спальне, чувствуя себя не в состоянии справиться со всем этим. У меня были небольшие приступы паники в течение дня, от которых я должна была избавиться. На самом деле, я не испытывала ненависти к людям, которые находились в моём доме, мне это просто не нравилось. Я знала, что вела себя смехотворно и позволила своей тревоге взять над собой верх. Я приняла «Ксанакс» около часа назад, и это было то, что нужно, чтобы успокоить вымотанные нервы. Я посмотрела в зеркало на своё отражение, и попыталась призвать девочку, которой я когда-то была — беззаботная личность, которая любила быть спонтанной и дикой. А та, что смотрела на меня, была помешана на контроле, со слишком большими глазами, одетая, как бабушка, которая собирается в церковь. Вздыхая, я встала и вышла на встречу к девочкам.

Мы собрались впятером: Киган, Мейси, Джордан, Эрин и я. Джордан и Эрин были девочками с нашего этажа «Л&Д». Они были очень весёлыми, и теми, кто противостоит

ударам судьбы. Эрин — коренастая девушка с каштановыми волосами и глазами. У неё была восхитительная короткая стрижка, и, несмотря на то, что она была полновата, у неё было больше уверенности в себе, чем у нас вместе взятых. Джордан была полной противоположностью Эрин по внешнему виду. Она была высокой, тощей и длинноногой, с длинными блондинистыми волосами, похожая на Киган. Только в тех местах, где Киган была округлой, Джордан выглядела тощей, и она была немного более сдержанной. Лично я любила их обеих, и была рада, что они смогли прийти. Несколько других девочек тоже были приглашены, но вечеринка совпадала с их сменами, либо они не смогли найти няню для детей. Это то, что я должна была сделать. Мне надо было предложить побыть няней, так я смогла бы избежать сегодняшнего вечера.

— Итак, сучки, время произнести тост, — сказала Мейси, прихватив несколько стопок и заполнив их виноградной водкой. Я подняла свой стакан воды в воздух. — За мою лучшую подругу, Киган. Может, она напьется в стельку, потеряет свои трусики и поцелует незнакомца сегодня.

Они все засмеялись и поприветствовали тост громкими возгласами, выпив свои напитки.

— Аннабелль, это то, что ты наденешь? — действительно заинтригованно спросила Эрин.

Я посмотрела вниз на своё платье с цветочным принтом.

— Да. А что?

Они с Джордан захихикали.

— Дорогая, никто не посмотрит на тебя, когда на тебе платье до колен и вырез, который закрывает каждый дюйм твоего декольте.

— Боже. Я не планирую встретить кого-нибудь, кто будет смотреть на мои ноги или декольте.

— Почему? — ахнула Джордан.

Я вздохнула.

— Девочки, какие бы мыслишки не пришли к вам в голову, прекратите это. У меня нет намерений найти себе мужчину сегодня вечером.

— Какой отстой, — сказала Мейси, когда заливала в себя ещё одну стопку. Я понятия не имела, как много она выпила, но она выглядела очень счастливой.

— Эй вы, это не отстой. Сегодняшний вечер посвящен Киган, а не мне. Кроме того, мне так удобно. Так что, можем мы сменить тему? — запротестовала я.

— Я думаю, что тебе нужно что-то более... удобное, — сказала Эрин.

— Я только что сказала, что мне и так удобно, — проворчала я.

Мне не понравилось, что они собрались сделать с этим. Я наблюдала за тем, как все четверо переглядывались и улыбались. Они выглядели как группа чертовок, что-то замышляющих. Что бы они ни хотели сделать, я не собиралась им потакать. У меня был план. И это платье было его частью.

Киган внезапно посмотрела на меня и выпятила свою губу.

— Могу ли я переодеть тебя во что-то более клубное? Ну пожалуйста, пожалуйста?

— О мой Бог, вы, наверное, прикалываетесь надо мной? Конечно, натравить невесту на меня, чтобы заставить меня чувствовать себя виноватой. Ну, это не работает, — я подняла свою сумку и скрестила руки на груди.

— Ну давай же. Только в этот раз. Я знаю, что ты прячешь в глубине своего шкафа, то,

что стоит вытащить, — сказала Киган.

— У каждой девочки такое есть. Но я не хочу надевать это.

— Могу я хотя бы посмотреть?

— Нет.

— Просто дай невесте увидеть платье, а затем мы пойдём, — потребовала Мейси.

Я вздохнула.

— Отлично. Я покажу вам его, и потом мы уходим. Договорились? — Я огляделась вокруг. Все четверо сделали знак, что клянутся. Я не особо им доверяла.

Тридцать минут спустя они увидели меня в облегающем, чёрном платье, который я прятала в глубине своего шкафа. Оно было с глубоким квадратным декольте, которое приподнимало мою грудь. У него были короткие рукава, и длина доходила до середины моих бёдер. Я надела пару чёрных туфель на шпильке, и затем распустила свои волосы, расчесав их так, чтобы они создавали иллюзию лёгких волн. Я подняла руку и пресекла попытку сделать мне макияж. Эрин хотела сделать макияж глаз темнее и добавить красную помаду, но я отказалась. Признав, что я не собираюсь разрешать им проводить аферу дальше, они все кивнули, наконец довольные тем, как я выглядела. Я думаю, они считали, что я не уверена в себе, или мне неуютно в собственном теле. Но это было совершенно не так. Я знала, что у меня отличное тело. Вот почему я купила это чёртово платье. Оно подчёркивало достоинства каждого моего изгиба. Но, как у большинства женщин, у меня был наряд, который был только для меня. Что-то, что я держала «на всякий случай», но такого случая никогда не выпадало. Я не сомневалась, что я привлекла бы противоположный пол, если бы надела это платье. Я просто не хотела этого. Особенно сегодня, когда у меня были четверо других людей, за которыми надо следить.

— Мы чертовски горячи! — почти вопила Мейси, когда мы вышли из дома. Я бы заткнула её, если бы у меня были соседи, из-за которых надо волноваться, но у меня не было. Ближайший человек жил в четверти мили вверх по дороге.

Все девочки хихикали и загрузились в мою машину. Путь в центр Атенс не занял много времени. Я могла бы жить в городе, но жила на окраине. Когда мы прибыли, я заметила, что у них есть услуги парковщика. Быстро осмотревшись, поняла, что сама никогда не найду парковочное место, так что я двинулась вперёд и затормозила. Мы все вылезли, и, я думаю, взгляд каждого мужчины повернулся в нашу сторону, как будто, полностью сосредоточенный на идеальном куске стейка, и у них текли слюнки. Я отдала свои ключи молодому парню, и он протянул мне билет. Там была очередь, которая тянулась вокруг здания, и у меня почти закружилась голова. Если бы девочки видели, насколько много времени уйдёт, чтобы зайти внутрь, возможно, это бы достаточно их отпугнуло, чтобы они захотели поехать обратно домой. По крайней мере я бы чувствовала себя в безопасности и в комфорте там, и ничего не вышло бы из-под контроля. Вместе с тем, в тот момент, когда я хотела повернуться и предложить это, Мейси говорила с одним из вышибал около двери. Он осматривал её, и она положила свою руку на его плечо. О нет, выражение её лица говорило о том, что всё пойдёт не в мою пользу. Конечно же, она просвистела, чтобы привлечь наше внимание.

— Вперёд, девочки, — она пригласила нас жестом внутрь. Вышибала убрал бархатный канат с прохода, чтобы пропустить нас. Несколько человек из очереди проворчали. Я не осуждаю их. Я бы хотела узнать, что же сказала Мейси, чтобы убедить его пустить нас внутрь.

Когда мы поднялись на несколько шагов, перед кассой стояла девушка со штемпельной подушкой. Мы внесли плату за вход и направились в главное помещение. Музыка за закрытой дверью была оглушающей. Басы грохотали по полу к моим ногам. Но не было ничего, что можно было бы сравнить с тем, как я чувствовала себя, когда вошла внутрь. Стоя на вершине ступенек и смотря вниз, я могла увидеть всё. Стробоскопы светили во всех направлениях, и периодически мигали в соответствии с ритмом. Там также была огромная кабина диджея над танцполом. Справа и слева от меня было две барные стойки. Заведение было огромным, и это не удивляло меня. Здесь было море людей, и они, вероятно, нуждались в нескольких местах для выпивки. Изучая все углы заведения, я заметила один участок, где сидели несколько человек, которые были огорожены канатом. Это было похоже на VIP место. Для остальных посетителей были мягкие сидения, которые тянулись вдоль стен.

Девочки подпрыгивали на каблуках от волнения. Они были готовы направиться к одной из барных стоек и взять что-нибудь выпить, когда я, с другой стороны, хотела мчаться отсюда со всех ног, переодеться в удобную пижаму и обниматься с Чезом. Было слишком много людей. Что, если мы каким-то образом потеряем друг друга? Что, если кто-нибудь подсыплет одной из девочек рогипнол, и я этого не увижу? Что, если одна из них решит пойти домой с каким-то случайным парнем, и они сядут за руль пьяными? «Ксанакс», который я приняла раньше, никак не помогал моим чрезмерно расшатанным нервам. Переполненное помещение было кошмаром. Я, на самом деле, не планировала быть окруженной столькими людьми. Когда я гуглила клуб, я видела фотографии, но ни одна из них не показала такое количество людей. Это было безумием. Когда мы начали спускаться, я схватила Киган за руку. Она переплела руку с рукой Мейси, а Мейси сделала то же самое с другой девочкой. Мы сформировали цепочку, когда я повела их через открытое пространство, как только толпа расступалась. Как только я достигла барной стойки, остальная их часть окружила меня.

— Итак, чего вы все хотите? — спросила я.

— «Лимонный леденец» (прим. коктейль из водки, лимонного сока и сахара), все за? — перекрикивала музыку Эрин.

— Да! — заявила Киган. — Почему бы тебе не присоединиться к нам, Аннабелль. Это поможет тебе расслабиться.

Я стрельнула в неё взглядом. Она знала большинство моих проблем, и у меня было чувство, что я не очень хорошо скрывала своё настроение, когда была с ней. Не желая портить её вечер, я согласилась выпить одну рюмку. Это была её ночь, и, если честно, один крошечный напиток не станет поводом для потери моих ограничений. Джордан протиснула своё худое тело между несколькими людьми, которые пили за барной стойкой, и сделала наш заказ. Когда наши напитки были готовы, и мы все держали по одному в руках, Киган улыбнулась мне, давая знать, что я сделала её счастливой. Она знала, что я не собиралась сегодня пить до потери сознания, но ей нравилось видеть, что я отрываюсь.

На этот раз, Киган подошла и сказала:

— Моя очередь говорить тост.

Мы подняли свои рюмки.

— За длительные отношения, хороших друзей, горячих будущих мужей и любовь всей жизни.

Чокаясь, я только хотела повернуть свою голову обратно, когда что-то... или, надо

сказать, кто-то, попался мне на глаза. Другие девочки ещё не заметили, что я таращусь, но у Мейси не заняло много времени понять, куда я смотрю.

— Что ж, да неужели? Похоже, что на каждом клочке этого Богом оставленного города можно встретить брата Брукса, — сказала она с явным презрением.

Джордан, Эрин и Киган повернули свои головы, чтобы посмотреть, на кого она так пристально смотрит. На расстоянии около двадцати фунтов стоял очень высокий, и исключительно хорошо одетый Тёрнер. На нём были чёрные слаксы и синевато-серая рубашка с пуговицами на воротнике. Его взгляд был направлен на женщину перед ним, которая чуть ли не трахала его ногу, когда танцевала. Лично я бы не назвала это танцем, больше смахивало на то, что она билась в конвульсиях, стоя вертикально. Его выражение лица было безэмоциональным, когда я осмотрела квадратную линию его подбородка, и то, как он рассеяно кивал ей. Он не слушал ни слова, что она говорила. Неужели она не видит его бессмысленное выражение лица? Вопреки моему равнодушию, я чувствовала притяжение, препятствующее тому, чтобы я отвела свой взгляд от него. Как будто невидимые тросы, которые притягивали меня, несмотря на то, что мои ноги никогда не отходили от места, на котором стояли.

— Ох, посмотрите... еще один, — отвращение Мейси было ощутимо. По неизвестной причине, она не была фанаткой четверых братьев, которых, казалось бы, знал каждый в этом городе. Мы все стояли и смотрели, когда появились две еще более раздетых девушки. — Как будто мухи слетаются на дерьмо.

Эрин прорвало от смеха.

— Девочка, ты же не назвала этого парня дерьмом. Он может быть кем угодно, кроме этого. Я видела его в больнице, и могу тебе прямо сейчас сказать, что если бы у меня был шанс с этим мужчиной, я, безусловно, не отказала бы.

Я мельком взглянула на неё, когда внезапная ревность прострелила во мне. «Ох, держу пари, что не отказала бы». Ставлю на то, что каждая женщина в этом баре прокатилась бы на «поезде доктора Тёрнера Брукса». То есть любая, кроме меня. В тот момент, когда мысль пришла и ушла, он поднял свою голову. Ледяные голубые глаза, которые фактически блестели в лучах стробоскопов, уставились на меня, и всё вокруг меня остановилось. Я не слышала музыки, не видела женщину, которая тёрлась об него. Более того, я вообще не видела людей. В те короткие секунды, прежде чем Киган украла моё внимание, казалось, будто я стояла одна в комнате с Тёрнером, и я видела его впервые спустя семь с половиной месяцев. Но кто считает? Он удерживал меня там, обездвиженную и неспособную отвернуться. Что случилось с моим безразличием? Безусловно, что-то в нем цепляло. Наклонив голову набок, я смотрела на него, когда его глаза оставались приклеенными к моим. Жаль, что я плохо понимаю мужчин. «Интересно, о чём он думает», — размышляла я с любопытством.

— Земля вызывает Аннабелль, — громко сказала Киган в моё ухо. Я оборвала невидимую линию, которая околдовала меня, и посмотрела на неё. — Я собираюсь пойти поздороваться. Хочешь пойти со мной?

Конечно же, она хотела поздороваться. Это был её будущий деверь. Я подумала над этим, но решила остаться на месте.

— Нет. Думаю, что лучше прослежу за Мейси, — это, возможно, было оправданием, но, по крайней мере, правдоподобным.

— Хорошо, я скоро вернусь, — она протиснулась сквозь толпу и приблизилась к

Тёрнеру.

Я наблюдала за их общением с того места, где стояла. Она нежно обняла его, и он ответил ей улыбкой, которая на самом деле была настоящей. Не такая, как те, что он посылал людям вокруг него, которые боролись за его внимание. Он держал руку на её поясице, когда говорил что-то на ухо. Их разговор казался лёгким и непринужденным. Я удивилась, насколько хорошо Киган знала Тёрнера. «Они тусовались по выходным? Общались за пределами семейных встреч?» У меня вырос интерес по отношению к нему по прошествии месяцев. Очевидно, не настолько, чтобы пойти и поговорить с ним. Но я поймала себя на том, что действительно думаю о нём. Что же привлекает столько к нему? Деньги могли, конечно, быть одной из причин, но я знала, что в его случае было что-то большее, чем это. Братья Брукс были силой, с которой надо считаться. Я думаю, что никогда не обращала много внимания, но теперь, когда я слышала их имена, оживлялась и слушала. Женщины умирали, чтобы его руки оказались на них, а другие оплакивали потерю Камдена в холостом мире, как будто он умер. Это действительно заставляло меня захотеть закатить глаза. Но это также изводило меня интригой.

Как только я собралась оторвать свой взгляд от Тёрнера, Киган указала туда, где я стояла. Ох, ради Бога, я хотела спрятаться. Что она делает? Я начала крутиться вокруг, чтобы посмотреть на других трёх девочек. Возможно, она указывала на них. Но затем увидела небольшую ухмылку на лице Тёрнера. Не было сомнений, что он смотрел прямо на меня. Он послал мне один резкий кивок, и затем посмотрел обратно на Киган, не выжидая, что я кивну в ответ. Этого маленького подтверждения внимания было достаточно, чтобы бабочки запорхали в моём животе.

Придя в смятение от своей реакции, я решила отправиться к другим, чтобы посмотреть, смогут ли они отвлечь меня. Мейси всем телом висла на парне, который выглядел так, будто только что пришел с пляжа, и... о, Боже мой, он действительно в гавайской рубашке? Тьфу, она, должно быть, действительно опьянела, раз этот был победителем. Когда я приблизилась к Эрин и Джордан, они улыбнулись мне и спросили, хорошо ли я провожу время. Я чрезмерно восторженно показала им большой палец вверх. Они, должно быть, или поверили мне, или не знали меня слишком хорошо, чтобы понять, как я чувствую себя в этом месте. Я неловко стояла с тремя из них около десяти минут, когда почувствовала лёгкий стук по плечу. Я обернулась и увидела милую официантку с подносом в руке и ярко-синим напитком посреди него.

Она подняла стакан и вручила его мне.

— Комплимент от джентльмена, — она указала в направлении Тёрнера.

Киган не было видно возле него. Я не уделяла внимания тому, куда она могла убежать. Вместо этого поймала себя на том, что смотрю на него, когда он следил за мной с другого конца комнаты. Я неуверенно взяла стакан из её руки и не потрудилась сказать спасибо до того, как она ушла. Я подняла бровь, когда Тёрнер поднял свой напиток в воздух, как будто за моё здоровье, а затем потягивал его с улыбкой. Я чувствовала себя раздраженной, что он был слишком самонадеянным, раз послал мне напиток. Только чрезмерно дерзкие мужчины делали такую фигню. Когда он убрал стакан от своего лица, то посмотрел на меня, ожидая, когда я сделаю глоток. У меня было два варианта. Я могла выпить напиток и попытаться выглядеть спокойной и невозмутимой. Или могла передать его одной из девочек, отшивая Тёрнера, и пытаться игнорировать его весь остаток ночи. Второй вариант казался привлекательнее, однако, рюмка, которую я до этого выпила вместе с Ксанаксом, заставила

меня чувствовать себя немного храбрее, чем обычно. Все-таки первый вариант. Лёд зазвенел в стакане, когда я поднесла его к губам. Делая небольшой глоток, прохладный цитрусовый вкус омыл моё горло, купая мой язык в восхитительно тропическом сочетании. «Ммм, это было хорошо. Проклятие!». Возможно, если бы я пила его немного медленнее, лёд растаял бы и разбавил его. У меня уже было тёплое ощущение, которое приливает к ногам, когда ты знаешь, что алкоголь делает своё дело. Я сделала ещё один глоток маленького синего коктейля и решила, что он мне понравился.

Я не хотела допивать напиток слишком быстро. Не только потому, что мне нельзя было потерять голову, но ещё потому, что я хотела насладиться им. В этой комнате была дюжина женщин, которые лезли бы из кожи вон, если бы Тёрнер подарил им чуточку своего внимания, но, неизвестно почему, он дал его мне. Я знала реальность этой ситуации. Я была вызовом. Отказала ему. Я была словно гора Эверест, и он рассматривал меня как что-то, что нужно покорить. Мужчины любили хорошую игру. Всё же это не имело значения. Я не была голодной, маленькой рыбкой, готовой заглотить наживку. Если он думал, что была, то он, чёрт возьми, ошибался. Так что я приняла его напиток, позволила притягательному аромату пролиться сквозь меня, и пошла заниматься своими делами. Встретив его взгляд, я слегка наклонила голову в знак благодарности, и затем развернулась. Я отказалась оказать ему еще какое-нибудь признание.

В течение следующего получаса я допила все без остатка и оказалась танцующей в море людей, которых не знаю. Музыка играла слишком громко, и потные тела врезались в меня. Впрочем, я не напрягалась. Я была в своём маленьком мире. Жар и алкоголь, горящие в моих венах, были смесью, которая заставила мои бёдра двигаться. Я чувствовала себя восхитительно. И будь я проклята, если Мейси не оказалась права, когда заставила меня переодеться в это платье. Я чувствовала себя сексуальной и уверенной.

— Продолжай в том же духе, Аннабель, и я заберу тебя отсюда в какое-нибудь более приватное место, где на тебя не будет пялиться каждый мужчина, — прошипел низкий голос около моего уха.

Оборачиваясь, чтобы посмотреть, кто это, я немного потеряла равновесие. Сильная рука схватила моё плечо и удержала меня от падения. Тёрнер взирал на меня сверху вниз с гневом в глазах. Этот голубоглазый смотрел прямо на мою выставленную напоказ грудь. Честно говоря, я потеряла то место, где в толпе находился Тёрнер, и была заинтересована только своим хорошим настроением в этот момент. Вид его так близко и ощущения того, что он трогает меня, поражало.

— Извини? — я попыталась казаться суровой, но вышло с придыханием.

Он сжал челюсти, и его глаза бродили по моему едва прикрытому телу.

— Ты слышала меня. Ты выпила всего лишь два напитка с того момента, как пришла сюда. Ты пила до того, как пришла?

Я отдёргнула голову назад и попыталась восстановить равновесие, таким образом, не опираясь на его руку.

— Нет. И откуда ты знаешь, что я выпила только два напитка? Ты послал мне только один.

— Я видел, когда ты зашла.

— Правда? — сказала я с лёгким раздражением.

— Ага.

Хммм, что на это ответить? Я была немного вне себя от радости, что он заметил, когда

я пришла. Со всем вниманием, которое ему оказывали, было чудом, что он заметил сквозь тучу... как их называет Мейси? Ах да, мух.

Я убрала свою руку из его руки, и встала настолько ровно, насколько могла.

— Ну, спасибо тебе за твоё беспокойство, но я в порядке. Просто наслаждаюсь музыкой.

Он сощурил глаза, смотря на меня.

— Я вижу.

— Это проблема?

— Да, когда оде... — Тёрнер не смог закончить своё предложение до того, как блондинка с длинными, растрёпанными кудрями встала передо мной, будто меня здесь не было.

— Эй, красавчик. Что такой парень, как ты, делает в одиночестве?

Он посмотрел на неё, как будто она была помехой, которую он должен отогнать.

— На самом деле, я не один.

Она улыбнулась ему с удивлением в глазах. Тёрнер, должно быть, был решением её одиночества на эту ночь. Она вообще слышала то, что он только что сказал? По тому, как она медленно приближалась ближе, я бы сказала, что нет. Не прошло много времени, перед тем как приблизилась другая блондинка, но ничего не сказала. Я не могла понять, как девушки не могут прочесть его выражение лица. Он поморщился, как будто только что укусил кислый лимон.

Подняв свой бокал, первая выскочка сказала:

— У меня проблемы с наличкой. Позаботишься о том, чтобы купить нам напитки?

Мой рот широко раскрылся. Тёрнер послал ей лёгкое покачивание головой.

— Нет уж, спасибо.

Ну, по крайней мере, он был вежлив.

— Ну, давай же. Может, это тебя достаточно расслабит, чтобы потанцевать.

— Я не танцую.

Та, которая до этого молчала, пропищала:

— В пьяном угаре все танцуют, — она соблазнительно улыбнулась.

Он не отступал.

— Не мой случай.

Смотря из-за кудрявой головы первой девушки, у меня было достаточно времени, чтобы рассмотреть явную красоту Тёрнера. Находясь так близко, я заметила, что у него была самая прекрасная затемненная растительность на лице, которую я когда-либо видела. Это был тёмный цвет, который подходил к его песочно-светлым уложенным волосам. Закрыв на короткий миг глаза, клянусь, я могла почувствовать его запах. Это было что-то, чего я до этого не вдыхала. Определённо, какой-то лосьон после бритья, что было странно, потому как он явно не брился, а мой нос не распознавал никакой одеколон.

Интересно.

— Валите, девочки, он не заинтересован, — заявила я чрезмерно смелым способом, давая им понять, что я здесь.

Та, что с растрёпанными кудрями, обернулась и усмехнулась мне.

— Извини?

— Ты слышала меня, — я никогда не провоцировала скандалы, но моё раздражение достигло своего пика.

Другая блондинка имела мужество рассмеяться.

— Вау, как давно сюда стали пускать нервных стерв?

Я могла почувствовать напряжение, идущее от Тёрнера, он собирался вступить. Ага, разбежался, эта цыпочка перешла мне дорогу.

— Возможно, в то же самое время, когда стали пускать проституток с отросшими корнями. А теперь отвалите, я уверена, что здесь есть дюжина других мужчин, которые достаточно отчаянны, чтобы взять вас, леди, сегодня ночью домой, — я наклонилась вперёд, просто чтобы настоять. — Удостоверьтесь, что на них одеты их «пивные» очки. Между нами говоря, вы обе симпатичнее издалека.

Я была уверена, что из-за последнего комментария я получу удар или меня будут таскать за волосы. К счастью для меня, Тёрнер выбрал этот момент, чтобы встать передо мной, на мгновение загораживая мой обзор.

— Я думаю, вы все на этом закончили, — заявил он твёрдо.

Если бы взглядом можно было убить, уверена, что я и он были бы расплавленной лужицей на полу, насколько их лазерный взгляд стрелял в нас. Конечно, это, возможно, были просто стробоскопы, которые резко все переключились на красный свет. Или, возможно, алкоголь действительно действовал на меня.

Когда они ушли с побитым видом, у Тёрнера было очень удивлённое выражение лица.

— Немного ревнива, тебе не кажется?

— Не понимаю, о чём ты.

Глубокое хихиканье донеслось из его горла.

— Ты могла с таким же успехом задрать ногу и пометить меня.

Ладно, это вывело меня из себя. Даже сквозь приятное, небольшое гудение, я не собиралась выслушивать подобные предположения.

— Нет, даже близко нет. Я просто не люблю высокомерных женщин, которые думают, что могут ходить повсюду, сверкая своими прелестями, и могут получить всё, что захотят. — И затем добавила: — Т я ненавижу мужчин, которые клюют на это, ещё больше.

Я сверлила его взглядом, но это не влияло на него. Его изумлённое выражение лица так и осталось. До того, как он мог ответить, что, я уверена, заставило бы меня устроить ему взбучку, подошла Киган, подпрыгнув ко мне.

— Вот ты где! Я гадала, куда же ты ушла, — она казалась запыхавшейся, но украдкой смотрела на Тёрнера.

Я изобразила улыбку.

— Вот и я.

— Что ты тут делаешь одна? — спросила она.

Я жестом указала на её деверя.

— Я не одна.

Её ухмылка свидетельствовала о том, что она точно знала, почему я была здесь с Тёрнером.

— Мне понравилась песня, которая звучала, поэтому я вышла, чтобы немного потанцевать.

Она повернула голову на бок.

— Мммм. И ты танцуешь?

— Конечно, — я сцепила свои руки. — Просто мне требуется немного времени, чтобы я почувствовала себя комфортно.

— Или фруктовый коктейль, — вставил Тёрнер.

Умный мужчина. Я закусила свою губу, чтобы спрятать улыбку. Я могла находить его немного раздражающим, но его дерзкие реплики развлекали меня.

Глаза Киган метались между Тёрнером и мной.

— Эм, я что-то пропустила?

Я пожала плечами. Тёрнер обвинил рукой Киган.

— Как насчёт того, чтобы я купил тебе напиток, красавица? — сменил он тему.

— Я, безусловно, выпила бы еще один, — решительно заявила она. Хотя я могла сказать, что она очень сильно пошатывалась.

Тёрнер подозвал официантку. Он протянул ей кредитную карту и сказал:

— Она закрывает свой счёт, внесите все их напитки на эту карту.

Я могла поклясться, она сказала, что хочет еще напиток. Что он творит?

Киган положила руку на его плечо, и встала на цыпочки, чтобы поцеловать его в щеку.

— Ты милый, Тёрнер, но ты не должен этого делать.

Тёрнер видел, что она достигла своего предела и была слишком пьяна, чтобы заметить, что он не купил ей другой напиток.

Взглянув на нее, он сказал:

— Если бы мой брат увидел это, он бы надрал мне зад, ты ведь понимаешь это, да?

Она засмеялась.

— Ага. Но его здесь нет, так что всё в порядке.

Он покачал головой.

— Итак, хватит комплиментов. Я думаю, пришло время доставить твоих девочек домой.

— Ах, всё в порядке, Аннабелль на сегодняшнюю ночь наш «трезвый водитель».

По крайней мере, у меня хватило здравомыслия почувствовать себя виноватой. Тёрнер наклонил голову набок, наблюдая за мной.

— Хммм, ну, это вероятно будет проблемой.

Стеклянные глаза Киган пытались сфокусироваться на мне.

— Почему это?

— Я, возможно, превысил её лимит, — признал он.

— Эй, я большая девочка, я могла отказаться от напитка.

Он вздернул бровь.

— Нет, не могла.

— Ужасно уверенный в себе человек.

— Возможно, но я знаю женщин, Аннабелль.

Его высокомерное замечание было как ушат холодной воды, напомнив мне, кто он такой, и какая фамилия у него была. Небольшой весёлый спектакль закончился, и мне надо было вспомнить, что я не заинтересована. Учитывая то, как он посмотрел на свою обувь, я думаю, он понял, что его комментарий произвёл более грубое впечатление, чем он предполагал.

«Слишком поздно».

— Я думаю, пришло время поездки домой, — неприветливость моего голоса была громко и ясно слышна. Он действительно приравнял меня к любой другой девушке, находящейся здесь, которая подходила к нему на протяжении ночи. Я была готова к моей пижаме и кровати.

Я отошла от Тёрнера и Киган, и направилась к другим девочкам, которые сейчас пили стопки с тела девушки, которая лежала вдоль бара. Я сказала им, что мы завершаем нашу

ночь. Невеста была пьяной и должна немного поспать. Они хныкали и стонали из-за этого, но я отказалась оставить их здесь и не собиралась слоняться здесь дольше, чем должна. Я выполнила свои обязанности подружки невесты и чрезмерно повеселилась, но на этом все.

Когда я вышла наружу, чтобы вдохнуть свежего воздуха, Тёрнер следовал за мной с очень пьяной Киган. Он прислонил её к кирпичной стене и сказал мне, что направляется за своим внедорожником. Прочесав глазами своё окружение, я заметила, что мы были одни на этой стороне здания. Воздух был влажным, и было душно. Мне стоило попросить у бармена бутылку воды, прежде чем уйти. Прислонившись к теплой стене, я потянулась и убрала волосы Киган с её лица.

— С тобой всё хорошо?

— Ага, — икнула она.

Я улыбнулась своей подруге. Несмотря на то, как заканчивалась моя ночь, я была рада, что у меня была Киган, и что она попросила меня прийти. Я не сомневалась, что Камден надрал бы нам всем задницы, если бы увидел её в таком состоянии. Дверь, из которой мы только что пришли, распахнулась, и громкие Мейси, Эрин и Джордан вышли друг за другом, вместе с несколькими мужчинами, которые «хвостиком» следовали за ними. Ох, если они думали, что все поедут ко мне домой, то, увы, ошибались. Мейси собиралась погрузиться в страстные жаркие поцелуи вместе с мальчиком-сёрфером, пока другой мужчина оценивал, какая из оставшихся двух девочек, будет лучшим вариантом для него. Он направлялся к Джордан, когда чёрный «Эскалейд» остановился на обочине. Тёрнер вышел и обошёл переднюю часть своего транспортного средства.

— Леди, — заявил Тёрнер, но смотрел прямо на того, кто собирался поцеловать Мейси.

Она прекратила то, что собиралась сделать, и по-детски высунула свой язык.

— Кайфоломщик, — ясное дело, она слышала предупреждение в его голосе.

— Залезай в машину, Мейси. Я чувствую, что мой брат разукрасил бы лицо этого малыша, если бы увидел то, что вы собирались сделать. Так что не заставляй меня делать это за него, — закатив глаза, проворчал Тёрнер.

— Никакого веселья, — она шлёпнула его по заднице, когда проходила мимо Тёрнера, открывая заднюю дверь и заваливаясь внутрь.

Две другие девочки залезали в машину, пока Тёрнер шёл прямо за Киган. Он взял её за локоть и помог удерживать равновесие, затем усадил ее на заднее сиденье. Осмотревшись, я поняла, что осталось только одно место для меня, спереди, рядом с ним. *«Мне действительно надо было больше пить»*. Два парня бросили несколько не очень дружелюбных слов в адрес Тёрнера, прежде чем снова скрылись в здании. Я смотрела прямо вперёд, когда он забрался в водительское сидение, и мы начали двигаться.

— Ты нужна мне, чтобы направлять меня. Я не знаю, куда ехать.

Я кивнула, зная, что он видел. Мне нужно было заранее подумать и вызвать такси. Мне не нравилась мысль, что Тёрнер узнает, где я живу. Я была уверена, что он не будет заявляться без приглашения, но мне всё равно было неудобно.

— Проезжай мимо больницы, затем поворачивай на первом повороте направо.

Все девочки сзади хихикали и болтали о походе в клуб. Я была рада, что они все хорошо провели время, но знала, что придёт утро, и я буду раздавать аспирин, как будто это конфеты, и бутылки с водой. Одна из причин, по которым я не хотела выходить и тусоваться. Безусловно, мое опьянение закончено.

Я дала Тёрнеру ещё несколько инструкций, прежде чем он остановился перед моим

домом. Он припарковал внедорожник и вышел. Я пошла впереди него и открыла дверь, включив весь свет, быстро оглядываясь по сторонам, чтобы удостовериться, что всё убрано. Я была довольно опрятным человеком, но нельзя знать наверняка, не уронила ли нижнее белье, идя от прачечной до спальни. Когда девочки завалились внутрь, Тёрнер зашёл последним, сопровождая Киган и сажая её на диван.

— Сможешь удостовериться, что они выпьют много жидкости сегодня ночью, так они почувствуют себя более-менее прилично с утра?

— Я о них позабочусь, — я последовала за ним обратно к двери. Чем быстрее он уйдёт из моего дома, тем быстрее я надену свою пижаму и вылезу из этого нелепого платья, которое никогда не должна была надевать. К тому же он заставлял меня нервничать. Тёрнер остановился почти около двери и обернулся, сканируя мой дом.

— Классное место. Сколько акров?

Я одёрнула подол своего платья, не скрывая мою неловкость.

— Эмм, четыре.

Уголок его рта приподнялся в красивой ухмылке.

— Чёрт, больница, должно быть, хорошо платит медсёстрам.

— Ох, на самом деле это место моих родителей. Я унаследовала его после того, как они умерли. Пару лет назад я больше хотела жить в городе, но вся сумма за дом была выплачена, поэтому я решила остаться.

Гораздо больше информации, чем он спросил. Когда я увидела любопытство на его лице, то поняла, что правильный ответ должен был быть, «эмм», и затем мне стоило выпроводить его за дверь. Конечно, я была тупицей.

— Мне жаль, я не знал, что ты потеряла обоих родителей, — он выглядел действительно сожалеющим. Но сейчас было не время и не место.

— Спасибо, — я была более резка, чем должна, но надеялась, что он поймет намёк.

Он понял.

— Пока, леди. Хорошей вам ночи, — крикнул Тёрнер через моё плечо.

Я шла за ним остаток пути от двери. Я ожидала, что он будет идти, пока не дойдёт до своей «эскалады», но, по непонятной причине, он остановился.

— Аннабель?

Я стояла, ожидая, пока он скажет что-то еще.

— Я прошу прощения за свой грубый комментарий сегодня вечером. Зови это тенденцией говорить неподходящие вещи в неподходящее время, — он попытался отшутиться. — Но ты не имеешь ничего общего с теми девушками из бара. Я сказал это до того, как понял, какое впечатление могут произвести слова, и это совсем не то, что я имел в виду.

Я скрестила свои руки на груди, защищаясь.

— Тогда что ты имел в виду?

Он посмотрел на свои ноги. Я заставляла его нервничать? Держу пари, девушки не допрашивали его.

— Просто был слишком самоуверенным. Я ничего не хотел этим сказать.

Я искоса посмотрела на него, не зная, что ответить. Он был искренним, но я не очень хотела позволить ему так легко отделаться. Я хорошо провела время. Я позволила себе немного расслабиться, потеряла бдительность и приняла напиток от мужчины, которого практически не знала. Это было так не похоже на меня. Как быстро я позволила ему эту

малость, и он испортил это, сказав что-то глупое. Но я не собиралась заставлять его страдать ещё дольше. Я поняла то, что он сказал, и просто хотела, чтобы он ушёл.

— Извинение принято.

Похоже, что уже миллионный раз за сегодняшний вечер, Тёрнер сделал кое-что неожиданное. Он подошёл ко мне, потянул одну из моих рук и поднял её к своим губам. Касание было мягким, словно прикосновение воздуха, но я почувствовала теплоту поцелуя вплоть до пальцев ног. Не сомневаюсь, что мои щеки были красными.

Когда он отпустил мою руку, то опалил меня взглядом своих голубых глаз.

— Спокойной ночи, Аннабелль.

Я тяжело сглотнула.

— Доброй ночи.

Я стояла, не двигаясь, когда он спрыгнул с крыльца и сел в своё транспортное средство. Даже после того, как задние фары автомобиля скрылись из вида, я всё ещё не направилась домой. Тёрнер Брукс сильно поразил меня. Верхнюю часть моей ладони до сих пор покалывало от его прикосновения, и мой рассудок был в состоянии бедствия. Когда световой датчик движения, который выступал в роли освещения моего крыльца, потух, меня охватила темнота. Разрешая ей окутать меня, я закрыла глаза и выдохнула.

«Безразличие, Аннабелль, безразличие».

Не было ничего особенного в этом мужчине, за исключением его внешности. Он не был подарком от Бога для девушек, как думала каждая девушка в радиусе ста миль о братьях Брукс. По крайней мере, они не были кем-то, на кого мне стоило тратить свое время. Дав себе ещё несколько минут, я избавилась от нервозности, которая устроилась во мне, и пошла обратно в дом. Я искала успокоение у своих друзей, своего окружения и, конечно, своего кота. Время забыть о моей сумасшедшей ночи и побыть нянькой, которой я пообещала быть.

— Кому нужен «Тайленол»? — спросила я, заходя внутрь и гадая, кто же встанет первым, и отвезет меня забрать мою машину.

3 глава

Тёрнер

— Куда, черт побери, он положил кольцо? — ворчал я, обыскивая смокинг Камдена. Я клянусь, этот чувак потерял бы свой мозг, если бы тот не находился в его черепе.

— Что ты делаешь, парень? — Камден подошёл ко мне. — Я же сказал, что оно в кармане моих брюк. Они там, — он указал на пару джинсов, которые небрежно висели на спинке стула. Я подошёл к ним и вытащил из кармана изящное бриллиантовое обручальное кольцо, которое я должен был держать при себе, пока священник не попросит его у меня.

— Серьёзно, Кам? Оно могло выпасть. Ты когда-нибудь слышал о коробочке для кольца?

— Расслабься, у меня есть это, — мой младший брат слегка наклонил голову назад и сделал глоток неразбавленного «Джек Дэниэлс» из фляжки. Я видел, как он нервничает.

Вместо того чтобы усложнять ему жизнь в этот день, я сжал его плечо и спросил:

— Ты в порядке?

Несмотря на запах виски в его дыхании, улыбка, которую он послал мне, дала понять, что с ним всё хорошо.

— О да. Сегодня я собираюсь жениться на своей девочке. Не думаю, что в жизни может быть что-то лучше, чем это.

Я слегка обнял его и отпустил. Я понятия не имел. По правде говоря, я никогда не испытывал тех чувств, какие он испытывает сейчас. Если любить не означало тоже, что катание на гоночной машине, подводное плавание или вправка кости, которая выскочила из сустава, я не представлял, на что это похоже. Не уверен, что когда-либо хотел почувствовать что-то в этом плане. Но я был рад, что Кам казался дико счастливым, и на сегодня это-всё, что имело значение.

— Эй, придурок, уверен, что хочешь это сделать? — спросил Ригли, когда попытался выхватить фляжку из рук Камдена.

Я хлопнул его по затылку, в результате чего его идеально уложенные волосы растрепались.

— Заткнись. Ему не нужны здесь ребята, которые достают его, когда он собирается жениться. И прекращай попытки выпить, ты ещё несовершеннолетний.

Камден покачал головой и усмехнулся. У него определённо было небольшое опьянение, но я был уверен, что он протрезвеет к тому моменту, когда увидит Киган.

— Ты слабак. По крайней мере, моя будущая невестка хорошо выглядит, — Ригли подмигнул.

Камден нахмурился. Я встал перед ним и похлопал его по щеке.

— Забей на младшего. Он родился последним и получил худший вариант внешних данных и мозгов, — я услышал ворчание, но проигнорировал это.

— О, эй, чувак, можешь сделать мне одолжение? — спросил Камден.

— Всё что угодно.

Наклонившись, он взял маленький подарочный мешочек, который находился в конце барной стойки, и протянул его мне.

— Ты не мог бы дать это Киган? Комната девочек находится дальше по коридору. Я кое-что для неё приготовил.

Мой брат сентиментальный человек.

— Конечно, без проблем. Хочешь, чтобы я ей что-нибудь сказал?

— Нет. Там есть записка.

Выйдя из комнаты, я пошёл вдоль длинного коридора. Миновав несколько дверей, которые были обозначены вывесками «Мужчины», «Женщины» и «Пастор», мой нос зачесался от витающих в воздухе цветочных ароматов. Мы были в нескольких милях от Атенса, в провинции, в часовне, которая была, очевидно, названа одним из лучших мест для женитьбы в Джорджии в 2015 году. Моя мать и Киган работали как хорошо слаженный механизм, гарантируя, что каждая деталь этой свадьбы была под контролем. Мама с нетерпением ждала, когда один из её мальчиков женится. Однозначно, ни один из нас не думал, что Камден будет первым, но Киган была хорошей парой для него. Она не была похожа на девушек, за которыми он бегал, спасибо Господи, и она вписалась в нашу семью, как будто всегда была её частью.

Достигнув конца коридора, я увидел дверь, на которой была маленькая вывеска с надписью «Номер для новобрачных». По ту сторону стены были слышны женские голоса. Должно быть, здесь. Подняв руку, я громко постучал. Дверь приоткрылась, и передо мной появилась девушка. Она осмотрелась, и только тогда открыла дверь полностью. Передо мной в коротком чёрном платье стояла Мейси, выглядев просто сногсшибательно.

— Он не там, так ведь? — позвала Киган из задней части комнаты.

— Нет, это просто Тёрнер, — ответила Мейси.

Я засмеялся.

— Ну спасибо.

Она подмигнула мне и позволила войти.

— Добро пожаловать, красавчик. Парень, ты сегодня круто выглядишь.

Шагнув вперёд, я зашёл и осмотрелся. Повсюду была одежда, косметика, заколки, расчёски и много других женских вещей, которые только можно представить, разложенные на длинных столах вдоль стены. Две девушки, которых я смутно помню с бара, были одеты так же, как и Мейси. Должно быть, подружки невесты. Справа от меня моя мать открыла дверь, и вышла Киган. Она была одета во всё белое и выглядела потрясающе. Если бы мой брат не женился на ней, я бы, определённо, рассматривал возможность с ней встречаться. Но они подходили друг другу, и он заслужил счастья.

— Леди, — сказал я в приветствии.

Они все улыбнулись мне. Подойдя к невесте, я наклонился и поцеловал Киган в щёку.

— Если вы, ребята, все выглядите так, я согласна, — сладко проворковала она.

— Осторожно, я украду тебя у своего брата. И, кстати говоря, он послал меня сюда, чтобы передать тебе кое-что, — я протянул руку, подарочный мешочек висел на моём указательном пальце.

Она слегка вздохнула и осторожно взяла у меня мешочек.

— Этот хитрый малый... Я сказала ему, никаких подарков, — я не смог бы стереть улыбку с её лица, даже если бы попытался. Она излучала свет.

— Я правильно растила своих мальчиков, — ответила моя мама.

Киган наклонилась к ней и поцеловала её в щёку.

— Да, мэм, так и есть.

— Не торопись, мам, Камден единственный, кто сегодня женится, — поддразнил я.

Она широко улыбнулась мне и хлопнула по моей груди.

— Ой, замолчи.

Киган положила мешочек на диван и начала вытаскивать из него кусочки тонкой бумаги. Все женщины в комнате подошли ближе, чтобы получше рассмотреть содержимое мешочка, я же отошёл назад. Это было их моментом. Девочки жили для этого. Когда она добралась до дна мешочка, то вытащила маленькую чёрную коробочку. Сняв крышечку, она сразу же поднесла руки ко рту, а из её глаз хлынули слёзы. Моя мать вытащила подарок и держала его так, чтобы каждый мог увидеть.

— Ах, — прозвучал коллективный вздох по комнате.

— Ох, чёрт возьми, я и не представляла, что он знает... — Киган затихла, смутившись.

Это был утончённый серебряный браслет с двумя жемчужинами по обе стороны маленькой подвески. На подвеске был символ бесконечности. Моя мама обернула его вокруг маленького запястья Киган и застегнула. Девочки начали задавать вопросы о значении подарка.

— Каждую ночь, когда мы засыпаем, я потираю спину Камдена, — она сделала паузу, чтобы вытереть слезу на щеке. — Я всегда думала, что он уже заснул, когда начинала рисовать символ бесконечности на его спине. Это был простой жест. Он никогда не давал понять, что знает, что я делаю, или что ещё не спит, — она замороженно уставилась на ювелирное изделие.

Я должен сообщить брату, что он поразил всех этим подарком. Должен признать, это было довольно умно. Кто знал, что я, возможно, буду просить совета у своего младшего брата? Я понял, что мне пора уходить, но не успел ступить и шагу, как дверь распахнулась.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ладно, я смогла разыскать двухстороннюю ленту, но можете и не надеяться на уксус, — все девочки прекратили болтовню, и каждый с удивлением посмотрел на Аннабелль. Она сдула чёлку с лица, а затем спросила: — Что? Что я пропустила?

В этот момент её глаза встретились с моими, и даже если кто-то отвечал на её вопрос, ни один из нас не слушал. Ох, эта девочка, в ней было что-то очень интригующее. Должен признать, я не был тем, кто ухаживает за девушкой, которая избегает меня, но игра в преследование Аннабелль становилась всё более интересной. В день церемонии вручения дипломов, когда она мне отказала, я увидел то, что на самом деле отображало её лицо. Ей было любопытно, но она не выдала себя. На следующей неделе, когда я вышел на работу, я невзначай поспрашивал про неё, чтобы узнать, встречается ли она с кем-то, но люди либо не знали кто она, либо говорили, что она держит всё в себе. С тех пор я наткнулся на неё в больнице, но создавалось впечатление, что она избегает меня. Я позволил ей это. До этого вечера, конечно же.

— Аннабелль, — поприветствовал я её.

— Привет, — сказала она хрипло.

— Уксус? — спросил я.

Она открыла рот, но ничего не сказала. Она посмотрела на меня, как напуганная кошка, которая вдруг столкнулась со злобной собакой. Я её испугал?

— А?

Я улыбнулся ей, чтобы она не чувствовала себя неловко.

— Ты сказала, что у тебя ничего не вышло с уксусом.

Она покачала головой.

— Ох, точно. Да, Донне нужен был уксус, чтобы посмотреть, сможет ли она вывести пятно с платья мамы Киган.

Ох, уже эти женщины и их маленькие хитрости.

— Я нужен кому-нибудь, чтобы сбегать в магазин и купить уксус?

Она наклонила голову, явно не ожидая услышать такой ответ.

— Нет, я уверена, что они найдут что-нибудь другое. Но спасибо тебе.

Мы стояли, не двигаясь, ещё несколько мгновений, пока одна из девушек не вмешалась, выхватив что-то из рук Аннабелль.

— Хорошо, ну, в общем, скоро увидимся, — я посмотрел на Киган. — А ты выглядишь просто потрясающе. Мой брат счастливчик.

Она радостно улыбнулась мне.

— Спасибо. И скажи своему брату, что я собираюсь надрать ему задницу за то, что он заставил меня плакать... но, я люблю его.

Я отсалютовал.

— Будет сделано.

Перед уходом я хотел поговорить с Аннабелль, но она отвернулась и заговорила с кем-то. О да, эта девочка определённо очаровала меня.

Аннабелль

Ох, ты ж, чёрт, я не ожидала столкнуться с Тёрнером в этот момент. Я знала, что увижу его сегодня, но не тогда, когда буду вся запыханная. Уверена, я ещё и вспотела.

Фууу.

— Ладно, дамы, пора строиться. Займите свои места, — сказала Донна из-за двери.

Киган взяла букет из белых пионов и розовых лилий и прошла к двери, выполняя своё назначение.

Когда мы все заняли свои места, Киган убедилась, что уделила внимание всем нам.

— Не могут выразить словами то, что вы, девочки, для меня значите. Я никогда не забуду того, что все вы нашли время, чтобы разделить этот день с нами. Я благодарна за это и люблю каждую из вас.

— Прекрати, или я разрыдаюсь, — сказала Мейси. — Я люблю тебя, но разозлюсь, если ты превратишь меня в плаксу прежде, чем будут сказаны клятвы верности.

Две лучшие подруги обнялись и сказали друг другу что-то очень тихо, так, что могли слышать только они. Мейси поддерживала Киган в течение нескольких лет до того, как я их встретила, и их связь была особенной. Мне нравилось это в них.

Канон Пахельбеля начал играть достаточно громко, чтобы мы слышали, и Донну с Роуэн сопровождали внутрь, чтобы они могли занять свои места. Затем зашли подружки невесты, становясь в линию на расстоянии приблизительно десять футов друг от друга. Когда я заняла своё место, то взглянула на Камдена, который стоял совершенно неподвижно со скрещенными на груди руками, и с волнением ожидал свою невесту. Не было ни одного человека, который смог бы отвлечь его от того момента, когда она вошла. Рядом с Камденом стоял изысканно выглядевший Тёрнер, который был одет в классический чёрно-белый смокинг.

Вся тема свадьбы была классическая, но и немного в стиле кантри. Это был лучший вариант для обоих: невесты и жениха. Я старалась изо всех сил, чтобы не смотреть на Тёрнера, когда вошла и заняла своё место. Это не помогло, потому что я всё же чувствовала его взгляд на себе. Я действительно хотела, чтобы он прекратил смотреть на меня.

Когда Сара, держащая букет во время венчания, подошла к алтарю, музыка сменилась на Here Comes the Bride (прим. ред. «Прибывает невеста»), и все в церкви поднялись. Двери позади открылись, и у входа в белом платье стояла Киган, выглядя просто безупречно. Из-за своей семейной ситуации она решила идти одна, но это, казалось, никоим образом её не беспокоило. Её взгляд был прикован к Камдену, и это был один из самых красивых моментов, которые я когда-либо видела. Я ненавидела свадьбы. Правда ненавидела. Если бы можно было пропустить всю эту церемониальную ерунду и всё остальное, ведущее к ней, было бы идеально. Потому что именно сейчас был единственный момент, который заставил меня проявить слабость. Когда жених видит невесту. Его взгляд выражает чистую, настоящую любовь. Её взгляд полон гордости и обожания. Это был тот момент, когда понимаешь, что они любят друг друга, и это продлится всю жизнь. Когда Киган начала идти к алтарю, я сдержала свои эмоции и улыбнулась, потому что была очень рада их счастью.

Если бы только этот момент продлился подольше. К сожалению, я сделала огромную ошибку, повернувшись, чтобы посмотреть на Камдена, и через его плечо увидела Тёрнера. В этом свете его голубые глаза были похожи на Карибское море. Они были необыкновенными и красивыми. То же самое напряжение, что и в клубе, начало подавлять меня. Его идеальные широкие скулы, и губы, которые были формой похожи на сердце. Он выглядел как деловой

человек, но я знала, что за всем этим скрывался мужчина, который перевернёт мой мир. Он пугал меня. Он был мне интересен. А я не хотела быть заинтересованной. Тёрнеру не место в моём «пузыре безопасности». Он был противоположностью безопасности. Он был тем, кто перевернёт меня вниз головой, как снежный шар, и будет трясти, пока я не посыплюсь как снегопад.

«Отвернись, Аннабелль», — ругала я себя.

— Могу я получить кольца? — спросил пастор.

Тёрнер первым оборвал невидимую нить между нами. Он залез в карман своего пиджака, вытащил кольцо и положил в ладонь пастора. Мейси сделала то же самое.

Вся церемония прошла быстрее, чем я ожидала. Ни Камден, ни Киган не были особс религиозными, поэтому они решили немного сократить церемонию, которая была на более традиционных свадьбах. Они обменялись кольцами, прочли клятвы, которые написали друг для друга, поцеловались, и это было всё.

— Дамы и господа, имею честь представить вам мистера и миссис Камден Брукс.

Послышались одобрителные возгласы и аплодисменты. Мне нужно было выйти отсюда и вдохнуть свежего воздуха. Уверена, что чёртов кондиционер был сломан. Счастливая пара рука об руку вышла из церкви, а мы шли друг за другом по парам позади. К счастью, Мейси была в паре с Тёрнером, а я шла с Доджером. Он открыто глазел на неё, пока мы продвигались к холлу, чтобы поприветствовать гостей. Я знала, что они раньше были парой, но не знала, как долго они были вместе, и насколько серьёзно это было.

— Классная задница, не так ли? — невзначай сказала я.

Он посмотрел на меня.

— Извини?

— Ну, я просто заметила, что ты рассматриваешь Мейси, так что решила подколоть тебя насчёт того, какая классная у неё задница, — я не пыталась смутить его, но у меня создалось впечатление, что именно это я и сделала.

Он улыбнулся, выглядя ошарашенным моей прямоотой. Я понимала, почему он так привлекал внимание девушек — светло-голубые глаза и эта кривоватая хитрая улыбка возбудит любую.

— Застукан. Да, чертовски классная задница.

Я захихикала. По крайней мере, это подняло настроение, которое, казалось, у нас обоих отсутствовало.

— Прости, я просто пошутила.

Он подтолкнул меня своим локтем, за который я держалась.

— Не беспокойся.

Мы остановились, как только вошли в холл и встретились с Камденом, Киган, Тёрнером и Мейси. Тёрнер уставился на своего брата, его взгляд был прикован к руке Доджера, за которую я всё ещё держалась.

— Ну и ну, — он склонился, чтобы прошептать мне на ухо, — может, хочешь поскорее освободить меня, или мне, возможно, придётся перекинуться парочкой ударов с моим старшим братом. Кто-то явно ревнует.

Я взглянула на Тёрнера. Он был напряжён, но сдерживал себя.

— Я не боюсь, а ты?

Понятия не имею, зачем я дразнила его, но не думаю, что напряжённое выражение лица Тёрнера было просто из-за того, что я прикасалась к кому-то ещё. К тому, кто был его

братом, черт побери!

— Если ты пытаешься узнать, кто самый сильный из братьев, могу сказать тебе это, не прибегая к драке. Тёрнер может постоять за себя. Я боролся с ним однажды, когда он был в старшей школе; я случайно поцеловал одну цыпочку возле раздевалки. Очевидно, он сказал ей подождать его, пока мылся после тренировки, и тут я попался ей на глаза, — он пожал плечами. — Разве я знал, что она была ему интересна?

Я захихикала.

— Ладно, ладно... ты можешь забрать свою руку назад, — я освободила его. — Просто пытаюсь понять его, вот и всё.

— Удачи в этом. Большинство девушек пытались и провалились.

Что с этими парнями не так, раз они сравнивают меня с большинством девушек? Я знала, что Доджер ничего не подразумевал под этим, так что не предала этому значения. Я просто ответила:

— Ну, в отличие от большинства девушек, я не заинтересована. Я просто пытаюсь понять, в какую игру он играет.

Он усмехнулся.

— Опять же, удачи.

Я решила оставить это. Гости вышли из церкви, и рассаживались по своим автомобилям, чтобы направиться к дому Бруксов. Вечеринка была запланирована на их роскошном заднем дворе, и, без сомнений, он был безупречно украшен. Я ухитрилась не обращать внимания на Тёрнера во время свадебной фотосессии. Когда делали ещё несколько снимков, я ненадолго столкнулась с ним, наши глаза встретились, но я быстро отвела взгляд. Я чувствовала, что меня тянет к нему даже в тот короткий момент, но не хотела придавать этому значение. Большая часть гостей разместилась в двух лимузинах, чтобы направиться на вечеринку, но я решила ехать одна. Киган поняла мою потребность побыть наедине, и, к счастью, не возражала. Я, скорее всего, не останусь допоздна, потому что у меня всё равно была утренняя смена.

Когда мы все прибыли к дому, то заметили белые гирлянды, которые висели на берёзах, а фонари на ивах. На заднем дворе был большой шатёр, а музыка играла из колонок, расположенных по всей территории. Диджей был занят, развлекаая гостей, часть из которых, выстроилась в очередь, чтобы иметь возможность пройти к столикам. Когда мы все прошли к нашим местам за главным столом, Камден и Киган направились на их первый совместный танец. Песня *When You Got a Good Thing*, *Lady Antebellum* была выбором Киган. Она была красива и полностью подходила им. Они сделали все традиционные вещи, которые делают на свадьбе: разрезание торта, танец матери и сына, а Киган танцевала с Полом Бруксом. Он был для неё больше отцом, чем она могла представить.

Подойдя к бару, я облокотилась на барную стойку и попросила у бармена бутылку воды, когда низкий голос, который заставлял трепетать бабочек в моём животе, сказал:

— Можно следующий танец будет за мной?

Я повернулась и увидела Тёрнера, который стоял ко мне слишком близко. Его ярко-синие глаза были на одном уровне с моими, и моё сердце громко забилося в груди. Аромат его одеколona и мятный запах дыхания окутали меня, и он послал мне самую великолепную улыбку, которую я когда-либо видела. Тёрнер прислонился одной рукой к барной стойке, и я оказалась в ловушке. Не обращая внимания на притяжение между нами, я старалась оставаться спокойной.

— Эм, что? — ответ гения.

«Почему он прожигал меня своими чёртовыми глазами?»

— Я сказал, можно следующий танец будет за мной?

Румянец подступил к моим щекам, и мне захотелось опустить глаза. Вместо этого, я удержала его взгляд и сказала:

— На самом деле, я не танцую.

— Ох, Аннабелль, мы оба знаем, что это ложь. Я видел, как ты танцуешь.

«Ну да, отлично, теперь точно краснею».

— Это было исключением.

Он наклонился и сказал мне на ухо:

— Сделай это ещё раз.

Я тяжело сглотнула. Чувствуя покалывание по всему телу, покачала головой. Он был сумасшедший, если думал, что я пойду танцевать с ним. Если я так реагировала на него, хотя он даже не прикасался ко мне, могу только вообразить, что было бы, если бы он это сделал.

— Да ладно, Белль, дай моему старшему брату шанс, — Ригли незаметно подошёл к Тёрнеру и улыбнулся.

— Ты слышала ребёнка.

Мои глаза метались туда-сюда между ними.

— Почему я чувствую себя так, словно на меня давят?

— Потому что так и есть, — ответил Тёрнер.

— Я не танцую.

— Как насчёт свидания?

— Да, как насчёт свидания? — повторил Ригли, как будто спрашивая сам себя.

Я захихикала. Разговор становился нелепым.

— Кто спрашивает?

— Я.

— Я, — Тёрнер повторил сразу после Ригли. Он зыркнул на своего брата и толкнул его локтем в рёбра. Ригли громко выдохнул «уффф».

— Разве не ты просил меня о свидании несколько месяцев назад? — поддразнила я ради забавы.

— Да, мэм. Но я вполне уверен, что ты ударила голову, а не подвернула лодыжку.

Я прикусила губу, чтобы скрыть улыбку. Почему он так очарователен?

— Я однозначно не ударялась головой. Прошли недели, пока моя бедная лодыжка зажила.

Белоснежные зубы засверкали, когда он озарил меня блистательной улыбкой.

— Так, что ты скажешь, Аннабелль?

Прежде, чем я успела ответить, мимо нас, держась за руки, прошли Камден и Киган. Они светились от счастья. Камден громко смеялся над чем-то, что сказала ему Киган.

— Эй, вы двое, о чём там болтает счастливая пара? — спросил Ригли.

Тёрнер прожигал меня своим пристальным взглядом. Я собиралась заставить его помучиться как можно дольше. К тому же, мне было интересно, что собирается сказать эта парочка влюблённых.

— Вы видели, кто пробирался к домику у бассейна, пьяный в стельку? — спросила Киган.

— Не-а.

— Доджер и Мейси. От этих двоих лучше убрать мамины бьющиеся вещи. Я чувствую, что от того, насколько они пьяны, и всей этой вражды между ними, что-то может быть разбито, — засмеялся Камден.

— О господи, — сказал Тёрнер.

— Он любит её, — внезапно выпалила я.

Все повернулись в мою сторону. Мои глаза расширились, и я подняла руки вверх.

— Что? Я просто сказала.

Киган встала рядом со мной, не в силах сдержать свою фирменную улыбку.

— О, этот мальчик любил её с того дня, как мы впервые побывали в квартире Камдена. Но упрямство обоих длиной в милю. Они будут бороться со своими чувствами, пока один из них не сломается. Это мы все знаем. Возможно, алкоголь сегодня вечером — это именно то, что им нужно.

— Или один-два хороших оргазма, — подмигнул Ригли.

Камден хлопнул его по затылку.

— Ты на самом деле нравишься девушкам?

— Они толпой следуют за мной, — сказал он, поправляя свои волосы.

— В точку, — подтвердил Камден.

Снова ступив в мой «маленький пузырь», Тёрнер опять спросил меня:

— Так, что насчёт свидания.

Я сглотнула и огляделась вокруг. Все взгляды были прикованы ко мне. Киган и Камдену было интересно, что же они пропустили.

— Мы можем поговорить об этом наедине, пожалуйста? — прошептала я.

— Не-а.

Я хотела возмутиться, но Ригли опять выскочил со своим ненужным комментарием.

— Можешь ли ты положить конец страданиям моего жалкого старшего брата и просто пойти с ним на свидание?

У каждого в жизни есть один из таких моментов, когда ты чувствуешь, словно мир остановился и ждёт, пока ты поймёшь, что, чёрт победи, происходит? Я прямо сейчас находилась в таком. Свидание звучало хорошо, действительно хорошо. Я не была ни на одном свидании последние несколько лет. Фактически, последнее, на котором я была, состоялось в первый год моей учёбы в колледже, и я была уверена, что парень был не очень заинтересован в девушках. Возможно, именно поэтому я сказала «да». Он был надёжным. Тёрнер же заставляет меня нервничать. Он был полной противоположностью обычных парней. Давайте не будем забывать, что он переспал с половиной женского персонала больницы.

Если не считать музыку, которая играла, можно было ощутить мёртвую тишину, в ожидании моего ответа. Никакого давления. Я смотрела в его сверкающие голубые глаза, и что-то внутри подтолкнуло меня уступить ему. Я, может, и побаивалась его, но у меня было предчувствие, что Тёрнер не сделает ничего такого, что заставит меня чувствовать себя некомфортно.

— Ладно.

Улыбка немного спала с его лица.

— Да?

Он правда думает, что я откажусь?

— Да.

Его улыбка стала намного шире.

— Я заеду за тобой в следующую субботу в пять.

Ничего себе, он не дал мне даже возможности понять, что я только что сделала.

— Куда ты меня повезёшь?

Все, кто был вокруг нас, куда-то подевались. Очевидно, они почувствовали необходимость оставить нас наедине. Выражение лица Тёрнера сменилось с довольного на хитрое и серьёзное.

— Не беспокойся по этому поводу. Но лучше тебе надеть джинсы и майку, или что-нибудь с короткими рукавами.

Дерьмо.

— Ладно, надену.

Он потянулся рукой к барной стойке и взял напиток, который стоял рядом со мной. Похоже, это было виски с колой.

— Спасибо, приятель, — сказал он бармену. — До встречи на следующей неделе, — он подмигнул мне и ушёл так, словно только что выиграл в лотерею.

Я осмотрелась вокруг себя, гадая, наблюдал ли кто-нибудь наш разговор. Потерев лицо рукой, я вздохнула. Почему у меня такое чувство, что я только что согласилась на что-то, что подвергнет сомнению моё здравомыслие? Что-то попало в поле моего зрения. Повернувшись к домику возле бассейна, я увидела, как оттуда вышла Мейси, поправляя своё платье и приглаживая волосы назад. Она выглядела полностью удовлетворённой. Это должно быть похоже на... Прошло много времени с того момента, когда у меня это было. Но я скажу прямо сейчас, Тёрнер Брукс не получит этого от меня. Никким чёртовым образом. Мне пофиг на то, каким привлекательным он был, или насколько сильно он может уговаривать. Если он думал, что то свидание закончится тем, что я буду стонать его имя, то он отправится домой очень разочарованный.

4 глава

Аннабель

— Пациентка только что доставлена в палату 213. Раскрытие шейки матки на восемь сантиметров, и, кажется, скоро начнутся роды, — одна из медсестёр проинформировала меня о пациентах на нашем этаже. Она уходила со смены, когда я пришла.

— Хорошо. Она единственная, кто поступил к нам сейчас?

— Пациентка из 215 только что родила, но я отвезу её на реабилитацию, прежде чем уйду. И ещё, насчёт мамочки из 213, она наркоманка. Мы пытались остановить роды, так как она только на тридцать третьей неделе, но это не сработало. Мы всё ещё ждём результатов токсикологических тестов обо всём, что она принимала, но она в плохом состоянии. Злая и агрессивная. Так что будь осторожна, когда пойдёшь к ней. Мы думали о том, чтобы связать её.

Отлично. Прежде я имела дело только с одной наркоманкой на работе. Она пила в течение всей беременности и начала принимать метамфетамин на последнем месяце. К счастью, на ребёнка это никак не повлияло.

— Ладно, спасибо, — я взяла её медицинскую карту и прочитала всё, что они знали о ней. Похоже, они полагали, что она принимала метамфетамин, или какое-то успокоительное

средство. Замечательно. Я могла только представить себе, что меня ждёт дальше. Нужно будет вызывать команду из неонатологического отделения. Только Бог знает, каким родится этот ребёнок. — Ох, — сказала я прежде, чем она ушла. — Они сделали ультразвук, чтобы посмотреть, есть ли у ребенка что-нибудь, что должно нас беспокоить, помимо очевидного?

— Да, он просто немного меньше, чем мы ожидали. Я сделала ей инъекцию стероидов, чтобы помочь его лёгким раскрыться около трёх часов назад, но кто знает, поможет ли это.

— Хорошо, — я изучила медицинскую карту, получила результаты токсикологических тестов и пошла дальше по коридору.

Прежде, чем я открыла дверь, услышала её крики. Её анализ крови был положительным на метамфетамин и алкоголь. Этот ребёнок был в большой беде.

— Мисс Марч? Привет, я Аннабелль, Ваша медсестра, — я направилась к её капельнице, чтобы проверить содержимое.

— Где, чёрт возьми, та сука, которая сказала, что даст мне что-нибудь от боли?

Я посмотрела на неё.

— У неё только что закончилась смена. Если вам нужно что-то, чтобы ослабить боль, я всё сделаю.

Она рявкнула.

— Какой к чёрту ослабить? Я не хочу ничего этого чувствовать. А теперь дай мне грёбаные наркотики.

Я не очень хорошо лажу с людьми, которые кричат на меня.

— Я не могу сделать вам эпидуральную анестезию, мисс Марч. В вашей крови слишком много наркотиков, что может навредить ребёнку. Я могу предложить вам только что-то слабое, чтобы справиться с болью.

Она размахивала руками, пытаясь вырвать капельницу. Схватка поразила её слабое, хрупкое тело, и она закричала от боли.

— Дай мне что-нибудь. Я не могу больше это терпеть.

Я быстро вышла из палаты, чтобы принести что-нибудь, что поможет справиться с болью, но я знала, что она была слишком далека от того, чтобы попытаться контролировать схватки. Пока раствор через капельницу попадал в вену, вторая схватка заставила её свернуться калачиком.

— Вытащи эту чёртову штуку из меня! — крикнула она.

— Вы не возражаете, если я буду называть вас Адалин?

Она не ответила.

— Ладно, Адалин, вы должны выслушать меня. Я уложу вас обратно, чтобы проверить, готовы ли вы рожать. Если вы сделаете всё, что нужно, и пришло время тужиться, вся эта боль уйдёт.

— Тогда, блин, делай это, — прорычала она на меня.

Мне хотелось разложить кровать быстрее, чем она двигалась автоматически. Пациентка раздражала меня своим отношением. На меня кричали другие пациенты, но никогда не грубили. Это было просто безумие.

Я осмотрела женщину, проверила раскрытие шейки матки. Конечно же, она была готова. Когда ребёнок достаточно опустился к родовому каналу, я позвала другую медсестру, чтобы помочь мне, а затем доктора. Мы вызвали команду из отделения реанимации новорождённых. Я не была обучена тому, что делать с детьми со специальными

потребностями. Когда вся команда была готова, Адалин потужилась ещё несколько раз и родила крошечного мальчика. Физически он выглядел хорошо, но был намного меньше, чем должен плод на тридцать третьей неделе. Команда из отделения реанимации новорождённых стабилизировала его состояние, поместила в инкубатор и выкатила из палаты. Была вероятность того, что Адалин не увидит своего ребёнка в течение двух или трёх дней. Не уверена, что её это волновало. Она родила его тридцать минут назад, и всё ещё не потрудились узнать о нём.

— Адалин, вы придумали имя для своего сына, чтобы я могла записать это в его карточку?

Она послала мне остекленевший взгляд.

— Мне наплевать, как ты его назовёшь. Просто дай мне что-нибудь от этой чёртовой боли, которая всё ещё не проходит.

Я редко шокировалась, но это заставило мой рот широко открыться.

— Вы знали, что у вас будет сын? На данный момент мы можем оставить всё это незаполненным, пока вы не решите, как бы хотели его назвать.

Она отмахнулась от меня.

— Ошибка. Что насчёт этого? Назови его Ошибкой. Если бы я не была беременна этим гадёнышом, то не была здесь с кровотечением и адской болью.

Я стиснула зубы, смотря на доктора, который зашивал её небольшой разрыв. Он покачал головой, говоря мне отпустить эту ситуацию. Мне нужна была передышка.

Я спросила другую медсестру, которая продолжала молчать, пока приводила всё в порядок.

— Не возражаешь, если я выйду?

Выражение моего лица, должно быть, говорило само за себя.

— Иди, я справлюсь.

Я бросила медицинский лоток, который держала в руках, на стол и вышла за дверь. Пробираясь к лестнице, села и опустила свою голову на руки. Что, к чёрту, было не так с некоторыми людьми? Я знаю, наркотики действительно очень сильно вредят, но это было за пределами моего понимания. Это был невинный ребёнок. Тот, кто не просился на свет, и которого принесли в этот мир боли. У малыша будет долгая дальняя дорога. У него не было имени, а мать была больше заинтересована в следующей дозе, чем в вопросе — есть ли у него все десять пальчиков на руках и ногах. Иногда я действительно ненавидела людей.

Тёрнер

Я нервничал. Какого чёрта я нервничал? Я был на сотнях свиданий, и вы бы никогда не подловили меня с потными ладонками. Вытирая их об штаны в миллионный раз, я подъехал к дому Аннабелль и вышел из машины. Эта девушка разожгла во мне любопытство. Я ничего не знал о ней, за исключением мелочей. Обычно женщины были очень общительными и хотели рассказать о себе, но не Аннабелль. Её жизнь оставалась частной, и выуживание из неё информации было похоже на игру «поиск предметов». Я постучался, и она сразу же открыла мне. Порыв ветра от двери принёс лёгкий аромат её духов, который проник в мои ноздри. Сахарная вата. Она пахла как восхитительная сахарная вата, и я хотел попробовать её, чтобы убедиться, была ли она такая же сладкая.

— Привет, — она послала мне застенчивую улыбку.

— Привет. Ты выглядишь замечательно, — похвалил я, разглядывая её с головы до ног, обутых во вьетнамки. Она была примерно на фут ниже меня, и имела тонкую талию. У неё не было больших сисек, но ее определенно поместились бы в мою ладонь. Но эта задница... и эта задница в этих джинсах. Бог мой, я был любителем задниц, и её была идеальной.

— Спасибо, — она неловко стояла в дверном проёме, выглядя так, словно ждала чего-то. — Таааааак что, мы идём?

Боже, я пялился. Бедняжка не могла даже двинуться, чтобы обойти меня.

— Ах, да. Но, думаю, лучше тебе переобуться в кроссовки. Прости, я должен был тебя предупредить.

Она зашла внутрь, схватила розово-чёрные «Найк» и понесла их в руке. Открыв пассажирскую дверь, она залезла в мой чёрный «Корвет» и расположилась там.

— Удобно?

— Мммм.

Я направился к своему месту и завёл машину. Я наслаждался урчанием двигателя каждый раз.

— Так, ты знаешь что-нибудь о машинах? — спросил я, пытаюсь бросать подсказки о том, куда я её везу.

Она выглядела озадаченной.

— Нет, не особо. А что?

— Просто интересуюсь, — улыбнулся я.

— Ты собираешься сказать мне, куда мы едем?

— Да, когда мы будем на месте.

Её маленькие руки спокойно лежали на коленях. Я хотел потянуться и прикоснуться к молочно-белой коже, чтобы увидеть, была ли она такой же мягкой, как выглядела, но я воздержался. Деревья и несколько городских зданий пронеслись мимо, когда я ехал к южной стороне Атенса. Радио тихо играло, а я просто надеялся, что её нравится кантри.

— Ладно, давай сыграем в маленькую игру, чтобы мы могли узнать друг друга получше. Ты «за»?

Её голубые глаза уставились на меня.

— Конечно. Пока это не будет слишком личным.

— Что по твоему личное?

— Тёрнер, — она сказала моё имя, словно отчитывала меня. Моя пара на свидании была злокой. Хорошо.

Я усмехнулся.

— Итак, начнём с основ. Какой твой любимый цвет?

— Зелёный. А твой?

— Чёрный.

— Чёрный — не цвет, — парировала она.

— Сегодня цвет, смились. Какая твоя любимая еда?

Она сделала паузу.

— Крабовые ножки. Но не любые, это должен быть краб-стригун.

Интересно. Большинство девушек предпочитало пиццу или шоколад.

— Моя — стейк. Теперь твоя очередь.

— Моя очередь? — из любопытства спросила она.

— Да. Я только что задал тебе последние два вопроса. Теперь твоя очередь.

— Ладно. Хммм... — она постучала указательным пальцем по подбородку. Боже, она была милой. — Какие твои любимые хлопья?

— Вот это уже другой разговор! Одна из моих любимых групп продуктов питания, — она рассмеялась. — Фруктовые хлопья, но без молока.

Она закатила глаза.

— Это детские хлопья. Мне они нравятся.

— Это не так. Я, будучи очень взрослым мужчиной, люблю их. Более того, я ношу коробку с собой повсюду для перекуса.

Она от души рассмеялась.

— Нет, ты этого не делаешь. Это глупо.

Чтобы доказать, что она ошибается, я сказал ей открыть бардачок. Она открыла. Прямо перед ней была коробка хлопьев.

— Смотри.

— Способ доказать, что я ошибаюсь, — её смех был таким мелодичным. — Они тебе не надоели?

— Ни в коем случае.

— Хммм, — прогудела она.

— Задавай следующий.

— Тебе нравится быть старшим братом?

— Хороший вопрос, — похвалил я. — У этого есть свои плюсы и минусы. Как старший, я был подопытным кроликом для своих родителей. Всё, что работало или не работало со мной, они использовали с моими братьями. Но при этом меня никогда не баловали так, как остальных троих.

— Почему мне тяжело в это поверить?

Я пожал плечами.

— Я не знаю, но это правда. Мама и папа были строги со мной и ожидали, что я буду подавать пример. Иногда я мечтал, чтобы они делали свои собственные ошибки, и я мог бы делать то, что хочу, без постоянного наблюдения.

Она кивнула, и машина погрузилась в тишину, за исключением шума кондиционера. Не было ощущения того, что тишина создавала неудобства, но у меня было чувство, что она предпочла разговор тишине.

— Ты единственный ребёнок? — посмотрел я на неё.

— Сколько ещё осталось ехать? — выпалила она.

Мой вопрос был слишком любопытным? Я повернул свою голову в её направлении. Пытаясь решить, должен ли я надавить или сменить тему, и я решил, что лучше отпустить это и ответить ей.

— Мы на месте.

Она вытянулась в своём сидении. Паркуясь, я наблюдал, как расширились её глаза, когда она поняла, где мы находимся. Я припарковался на своём обычном месте перед гоночной трассой Атенса.

— Мы будем смотреть на гоночные машины?

— Нет, — я сделал паузу. — Мы будем кататься на них, — я послал ей дьявольскую ухмылку.

Её голова стала качаться из стороны в сторону, и зрачки расширились.

— Тёрнер, я не могу вести гоночную машину.

Мои брови сдвинулись.

— Почему нет?

— Они опасны, вот почему.

— Мхмм, это и делает их такими забавными.

Я вышел из машины, не позволяя ей продолжать спорить со мной. Я знал, что это было необычное свидание, но что-то подсказывало мне, что ей это было нужно. Я обратил внимание, что ей было некомфортно, когда я задал личный вопрос. Аннабелль могла и не знать этого, но я изучал за ней. Я узнал, что её родители погибли в автокатастрофе, но до сих пор не знаю, была ли она тогда вместе с ними. Она рассказала мне о доме, но я хотел знать больше. Моя маленькая последовательница правил однажды выйдет из своей раковины.

Обойдя автомобиль, я открыл ей дверь. Она взяла мою руку и немедленно отпустила её, когда самостоятельно встала. Всё в порядке, позже я планировал стать ещё ближе, чем просто держаться за руки.

Аннабелль продолжала молчать, пока следовала за мной в здание, и я вывел её к трассе, где стоял великолепный гоночный автомобиль, заправленный и готовый к поездке. Экипаж механиков был с другой стороны, а костюмы висели рядом с автомобилем. Я стянул один и протянул ей. Аннабелль стояла с длинными светло-рыжими волосами, развевающимися на лёгком ветру, скрестив руки на груди. Она понимала, что когда так делает, это поднимает грудь, демонстрируя её для моего удовольствия? Я чувствовал, как мой член зашевелился в штанах, поэтому переступал с ноги на ногу, чтобы попытаться исправить это. Не сработало.

— Надень это. Ты хочешь, чтобы сначала повёл я, или сама поедешь? — спросил я.

Она демонстративно смахнула свои волосы с плеча.

— Тёрнер, ты, должно быть, шутишь.

Я скрыл улыбку и смерил её пристальным взглядом.

— Я очень серьёзен. Надень костюм.

Её челюсть отвисла.

— Ты ужасно властный, знаешь это?

— Да, знаю. А теперь надень его, чтобы я смог показать тебе, как это сделать.

Она хотела поспорить со мной, но я был непреклонен. Я взял свой костюм и надел его. Она колебалась, прежде чем сделать то же, что и я. Я могу поклясться, что слышал, как она шёпотом ворчит. Это было достаточно мило. Как только она была одета, мой давний приятель подошёл к нам.

Потянувшись, я пожал ему руку.

— Добрый вечер, Ричард.

— Тёрнер. Вы готовы прокатиться? — Посмотрел он на нас обоих.

Аннабелль скрестила перед собой руки. Я хотел успокоить её и сказать, что всё будет хорошо, но сначала хотел остаться с ней в машине наедине.

— Да, сэр.

— Хорошо, ну, в общем, вся трасса ваша. Экипаж механиков будет ждать вас с другой стороны, пока вы не закончите. Весело проведите время и сожгите немного резины, — усмехнулся он.

Когда он ушёл, Аннабелль наклонилась ко мне.

— Сжечь резину?

В этот раз я не смог скрыть улыбку.

— Да, мэм. Это был мой друг, Ричард. Знаю его в течение долгого чёртового времени

Он иногда закрывает это место, когда я хочу приехать и выпустить пар.

— Звучит жутковато.

— Ой, да брось, — в этот раз я взял её за руку. — Это старый гоночный автомобиль с Кубка Спринта NASCAR. На нём катались на соревнованиях два года назад, а затем списали. Вполне уверен, я — один из немногих, кто всё ещё водит его, кроме Ричарда.

Она наблюдала, как моя свободная рука нежно ласкала капот автомобиля.

— И, эм, машина твоя?

— Нет, хотелось бы. Мы с группой приятелей пытались купить её, когда они привезли её, но, очевидно, не всё можно купить за деньги.

— Звучит интересно, — она ни капельки не была заинтересована. Аннабелль была слишком занята, пытаясь не позволить себе запаниковать передо мной.

Мне нужно было усадить её в машину. Она должна была почувствовать это и увидеть, что ей нечего бояться. К тому же, я не планировал разрешать ей ехать со скоростью более ста миль в час. У неё не было опыта с чем-то таким же мощным до этого. Я потянул Аннабелль вокруг автомобиля к ее стороне и сказал, что она должна залезть внутрь через окно. Аннабелль была не то чтобы впечатлена.

— Ты маленькая, ты сможешь это сделать. Представь, каково это, протискиваться туда с моим ростом.

Она захихикала.

— Ладно, ты добился своего, — она легко проскользнула внутрь. Когда она была на своём сиденье, я просунул голову внутрь и пристегнул её ремнями безопасности. Девушка пристально наблюдала за мной голубыми глазами, следя за каждым движением моих рук. Я боялся задержаться, когда добрался до застёжек вокруг её груди. Я не хотел, чтобы она думала, что я лапал её, хотя больше всего мечтал как увидеть, как она помещается в моих ладонях. Вместо этого я отодвинулся, когда закончил, устроился на своей стороне и пристегнулся.

— Хорошо, ты готова к своему уроку? — спросил я.

— Не похоже, что у меня большой выбор. Я, вроде как, поймана в ловушку, — её взгляд искоса и осознание того, что она была в моём распоряжении, были более возбуждающими, чем должны.

Пытаясь её немного успокоить, я сказал ей:

— Если ты захочешь выйти в любое время, просто дай мне знать. Если я еду слишком быстро, дай мне знать. Если тебе что-нибудь нужно, просто дай мне знать, и я остановлюсь.

Она уставилась своими яркими круглыми глазами на меня. Это был момент соединения и зарождение чувства доверия в течение пары секунд. Она кивнула, дав согласие.

— Так, для начинающих, я собираюсь подруть к стартовой линии. Когда ты будешь на этом месте, ты будешь управлять всем. Автомобиль не сдвинется с места, пока ты не выжмешь сцепление, и ты — единственная, кто будет жать на газ. Всё так же, как и в любом другом транспортном средстве, в отличие от того, что здесь двигатель в 900 лошадиных сил. Он очень мощный, Аннабелль. Я хочу, чтобы ты поняла это, — она очень внимательно слушала каждое моё слово. — Этот автомобиль может разогнаться до 200 миль в час. Мы находимся в каркасе безопасности, и это вполне надёжно, но ты должна знать, как обращаться с этой штукой на поворотах. Ты объезжаешь их так же, как на любой другой машине. Ты раньше водила стандартную машину?

Она медленно покачала головой.

Я усмехнулся.

— Нет, ничего страшного. Ладно, ты готова? Я медленно проеду первый круг. После этого я собираюсь разогнаться.

Вдавливая педаль газа, я почувствовал знакомое урчание двигателя. Я водил этот автомобиль столько раз, что не могу сосчитать. Я ехал, трибуны пролетали мимо, но я не замечал их своим периферическим зрением. Поворачивая, я включил более высокую скорость. Я достиг 90 миль в час, в то время как приближался к первому повороту. Рука Аннабелль поднялась, и она собиралась прикоснуться к моему предплечью, когда я переключил передачу и замедлился перед поворотом. Она опустила руку на свои колени. Я хотел посмотреть на неё и сказать, что всё в порядке, что со мной она в безопасности, но мне нельзя было спускать с трассы глаза. Эти автомобили были непредсказуемы. Я хотел поговорить с ней, но рёв двигателя был слишком громким.

Мы прошли оба поворота примерно на той же скорости. Её рука всё ещё покоилась на коленях, выказывая мне доверие, которое мне было так необходимо. Я надеялся, что она хоть немного наслаждалась этим. Достигая конца первого круга, я готов был ускоряться. Я хотел почувствовать, как адреналин пульсирует в моих венах. Я знал, что это, вероятно, была не самая лучшая идея, гонять так, как обычно это делаю, потому что понимал, что она уже была на пределе. Если я хотел, чтобы Аннабелль было комфортно, то должен был ехать помедленней. Когда начал второй круг, вдавил педаль газа сильнее, чем в первый раз. Стрелка спидометра поднялась до ста миль в час. Даже на этой скорости можно почувствовать силу двигателя, вдавливающую вас в спинку вашего сидения. Вместо снижения скорости до комфортного для Аннабелль значения, когда достиг поворота, я понизил скорость только на одну передачу и продолжил разгоняться. К моему удивлению, она не взбесилась. Возможно, в конце концов, с ней было всё в порядке. Я продолжил двигаться по трассе, и в конце круга затормозил уже на смотровой яме. Команда немедленно начала заправлять автомобиль топливом и проверять давление воздуха в шинах. Я посмотрел на Аннабелль, и она уставилась на меня с огромным удивлением в глазах. Никогда до этого женщины не смотрели так на меня.

— С тобой всё в порядке? — спросил я.

Она не ответила сразу. Выглядело так, будто она ищет подходящие слова.

— Ни разу до этого я не каталась так быстро.

— Это другое ощущение, не так ли?

— Ага.

— Хочешь прокатиться? Я могу научить тебя? — Я хотел этого так сильно. Хотел увидеть, как она выходит за пределы своих границ и сливается с автомобилем. Это было бы самым большим движением вперёд. Но я уже видел её ответ.

— Нет, я в порядке. Я не умею водить машину с механической коробкой передач, и я уверена, они не захотят заменять её на автоматическую на этой тачке, если ты попытаешься научить меня. Я лучше просто посижу, если можно? — Аннабелль колебалась, ожидая, что я надавлю на неё, чтобы она передумала. Но я не стал этого делать.

— Это прекрасно, — я улыбнулся, чтобы успокоить её. Когда она улыбнулась мне в ответ, чувство, которое пронзило меня, было невероятным. Я хотел сделать её счастливой. Мне всегда было всё равно на других женщин, с которыми я ходил на свидания, это они всегда хотели сделать меня счастливым. Но улыбка, которую она послала мне, Боже мой, она могла осветить всё вокруг.

Мы закончили тем, что объехали трассу ещё приблизительно десять раз. Я разогнал автомобиль до 140 миль в час, что заставило Аннабелль напрячься и прикоснуться к моей руке. С неё было достаточно, и я сбавил скорость. Я был не против этого. После того, как мы сняли костюмы и возвращались к моему автомобилю, я взял её за руку. Проводя своим большим пальцем вверх-вниз по гладкой коже её запястья, я убедился, что она была такой же мягкой, как я и предполагал. После того, как она села в автомобиль, всю дорогу по пути к её дому мы провели в тишине. Единственная вещь, о которой я спросил, была о том, хотела ли она перекусить. Она сказала, что не голодна, и я знал, что она имела в виду. Это было похоже на то, как будто мы оба пытались обдумать прошедший вечер. Как только мы подъехали к её дому, я помог ей выйти и проводил к двери.

— Надеюсь, ты хорошо провела время, — тревожно сказал я.

— Мхмм, да, хорошо, — она застенчиво взглянула на меня.

— Я хотел бы ещё раз пригласить тебя на свидание, если ты не против.

Аннабелль обдумывала мои слова мгновение, а затем сказала:

— Я хотела бы этого.

Не было ничего, что могло бы остановить улыбку, которая расплылась по моему лицу.

— Тогда хорошо. Я буду на связи. Мне нужно подумать о том, куда я хочу свозить тебя в следующий раз.

Её глаза расширились.

— Больше никаких безбашенных поступков, — она рассмеялась. — Не уверена, что моё бедное сердце сможет это выдержать.

— Ты поранилась сегодня?

Она смутилась.

— Ну... нет, но...

Я прервал её.

— Тебе было весело?

— Да.

— Хорошо, я сообщу тебе, когда назначу следующее свидание. И, Аннабелль... будет весело.

Она вздохнула, зная, что со мной бесполезно спорить.

— Тогда я буду ждать звонка.

Наклоняясь вперёд, я нежно поцеловал её в щёку. Аромат сахарной ваты держался на её коже. Я слышал её небольшой вздох и хотел поцеловать её в губы, но некоторые вещи нужно подождать.

— Спокойной ночи, Аннабелль. Спасибо тебе за хороший вечер.

— Спокойной ночи, Тёрнер, — она развернулась в своих милых маленьких кроссовках и вошла в дом.

Она совсем не похожа на других женщин. Я был очень заинтригован ею. Мне нужно подумать о том, чем мы могли бы заняться в следующий раз, чтобы иметь возможность просто посидеть и поговорить. К сожалению, гоночный автомобиль был слишком громким для того, чтобы мы могли слышать друг друга. Как раз это и займёт часть моих мыслей. Я хотел вытащить её из раковины и увидеть, из чего она сделана, но могу сказать, это будет вызовом. Аннабелль была моим новым проектом, и я буду рад увидеть то, кем она действительно является.

Аннабелль

Я стояла перед приютом для животных «Лапы», ожидая Камдена и Киган. Они хотели взять себе собаку. Киган позвонила и спросила, не хотела бы я присоединиться к ним, и, возможно, пойти после этого на ланч. Я неохотно согласилась. Моё свидание с Тёрнером было почти две недели назад, и я помалкивала об этом. Мне казалось, что она хотела увидеться и разузнать, как всё прошло. Почему она просто не спросила Тёрнера? Я уверена, что он рассказал бы Камдену, если бы тот спросил. Киган позвонила на следующий день, а я всё ещё осмысливала тот факт, что мне на самом деле было хорошо.

Разговаривая, они подтянулись через несколько минут после того, как я припарковалась. Выйдя из их машины, Киган выглядела всё ещё сияющей после свадьбы.

— Доброе утро, — сказала она.

— И тебе доброе утро, — улыбнулась я ей.

Камден прошёл рядом со мной и кивнул. Такой общительный.

— Ладно, давайте сделаем это, — она потёрла ладошки между собой. — И, ради Бога, я зайду в кошачью комнату, хочешь ты этого или нет, — она одарила его зорким взглядом.

Он поднял руки вверх в знак капитуляции.

— Прекрасно, мы пойдём в кошачью комнату. Но не злись на меня, когда я выйду, чихая или с зудящими глазами.

Она наклонилась и сладко поцеловала его.

— С тобой всё будет в порядке. Но спасибо тебе.

— Пожалуйста, — проворчал он.

Когда мы вошли внутрь, она прошептала мне:

— Он говорит, что у него аллергия на кошек, но я так и не видела его реакции, когда мы были где-нибудь рядом с кошкой.

— Однозначно не любитель кошек, — захихикала я.

Когда мы вошли, нас встретили работники приюта, попросив заполнить некоторые бланки. Вероятно, они не пускают сюда кого попало. И, кто знает, может, я вернусь сюда за другом для Чеза. Когда мы закончили с бумагами, нас провели в соседнюю комнату, где за закрытыми дверьми лаяли собаки и с нетерпением ожидали любого человека, который остановится и скажет им «привет». Первые две собаки были старыми и с равнодушием сидели в своих клетках. Другую клетку занимал метис бигля, не переставая вилять хвостом. Он был очень милым. Камден и Киган прошли мимо него, как ни в чём не бывало. Маленькие и большие собаки были рассеяны по всему приюту, и, тем не менее, они не наткнулись на ту, которая бы походила на «ту самую». Почувствовав разочарование, они приблизились к последней клетке и наткнулись на чёрного лабрадора с белым пятнышком на груди. Это был шестимесячный малыш, который родился в приюте. Волонтёры вытащили щенка из клетки и позволили Камдену с Киган пойти в отдельную комнату, чтобы познакомиться с ним поближе.

Пока игривый малыш жевал и кусался в руках Камдена, Киган обратилась ко мне.

— Ты мало что рассказала мне о вашем свидании с Тёрнером. Выкладывай. Ты пойдёшь ещё на одно? Был ли он джентльменом? И катание на гоночном автомобиле... это потрясло меня до глубины души. Я понятия не имела, что ты будешь участвовать в гонках.

Я выставила перед ней руку.

— Ладно, для начала притормози. Один вопрос — один ответ. Да, он вел себя как джентльмен.

Камден усмехнулся позади нас.

— Ну, это немного шокирует. Вы все думали, что я грубый, но Тёрнер хуже, чем я когда-либо был.

Киган слегка подтолкнула его.

— Тсс. Она рассказывает. Так, о чём ты говорила?

Я смотрела то на него, то на неё. Я начинала завидовать их отношениям.

— Да, в общем, мне не нравятся гоночные автомобили. На самом деле, я понятия не имела, что он собирается отвезти меня на трассу. Если бы я знала, бы сказала ему, что он может взять свою идею о хорошем свидании и засунуть себе в жопу.

Киган уставилась на меня.

— Тогда, что заставило тебя согласиться на это, если ты не хотела?

— Честно, я не знаю. Он заехал на парковку и послал мне такой взгляд, который заставил меня почувствовать, что я могу... Я не знаю, довериться ему? Поэтому, я и пошла с ним.

— Вау. Честно говоря, я шокирована.

— Тебе понравилось? — из любопытства спросил Камден.

Щенок энергично бегал по комнате, подбрасывая игрушки в воздух и заставляя их пищать.

Я думала о том, как лучше всего ответить ему.

— Да, мне понравилось. Сначала я была напугана. Я никогда не была внутри автомобиля, который может ехать на такой скорости. Тёрнер, в конечном итоге, проехал один круг, показывая мне, что имеет полный контроль над автомобилем. Я знаю, он хотел максимально разогнаться, но я не разделяла его желания.

Я закрыла глаза и вспомнила, как вокруг меня свистел ветер, и всё пролетало мимо настолько быстро, что я не могла разобрать форм. Больше всего мне запомнился взгляд, которым Тёрнер посмотрел на меня, давая знать, что я в безопасности. Когда его голубые глаза встретились с моими, я знала, что он будет беречь меня. Ему даже не нужно было ничего говорить, я просто знала.

Камден усмехнулся.

— Тёрнер всегда был тем, кто раздвигает границы.

— Что ты имеешь в виду?

— Когда мы были детьми, он всегда был первым на американских горках или в прыжках с крыши дома. Я думал, мама и папа сдадут его в приют или выгонят на улицу.

Склонила голову набок, я старалась подавить своё любопытство.

— Так он, вроде как, адреналиновый наркоман?

— Да, можно сказать и так.

К нам в комнату заглянула работница приюта.

— Как идут дела?

— Он удивительный! — прокричала Киган.

— Он такой милый мальчик. Ребята, хотите взглянуть на других собак?

Киган и Камден посмотрели друг на друга.

— Те, что мы видели, были девочками, но, кажется, Каму действительно понравился

этот маленький парень, — ответила ей Киган.

Работница засияла.

— Тогда, если хотите, я могу начать готовить на него документы, пока вы будете разговаривать с одним из наших агентов, и он может дать вам всю информацию, если вы всё ещё заинтересованы.

— Это было бы здорово, спасибо, — согласился Камден. Он держал щенка на поводке, и я могла сказать — это именно тот малыш, которого они сегодня заберут домой.

Когда работница закрыла дверь, Киган повернулась обратно ко мне.

— Хорошо, так что теперь? Вы пойдёте ещё на одно свидание?

— Я согласилась на второе свидание. Без понятия, куда он поведёт меня.

— Как интересно, — завизжала она.

— Успокойся, Киган. Это просто чёртово свидание, а не поход под венец, — проворчал Камден.

Она стукнула его по руке.

— Заткнись.

Я покачала головой.

— Определённо, никаких свадеб. Эта девочка поклялась прожить жизнь в одиночестве.

— Почему? — спросил Камден, полностью противореча тому, что сам только что сказал Киган.

Я уставилась на него.

— Потому что меня это не интересует. Ты становишься зависимым от кого-то, отдавая всего себя другому человеку, и потом что? Что случится, когда кто-то умрёт? Что ты тогда будешь делать? Как ты продолжишь жить? Я сожалею, но я лучше не буду туда соваться.

Киган выглядела подавленной.

— Не знала, что ты так считаешь.

— Это — инстинкт самосохранения. Я не критикую никого, кто женится, имеет семью и всё такое, но это просто не для меня. Я решила это давным-давно.

Технически, это было не так давно. После смерти моих родителей я дала себе клятву не привязываться к другому человеку, дабы избежать горя и страданий, если бы со мной что-нибудь случилось, и наоборот. Меня не волновало, что большинство людей не понимали этого. На самом деле, это было причиной того, что я редко об этом говорила. Каждый, кто встречал меня после гибели моих родителей, просто думал, что я равнодушная, бессердечная сука или лесбиянка. А в действительности, я ни одна из них.

— Ох, мы можем сменить тему на минуту? — спросила я, отказываясь продолжать говорить о моём свидании и личной жизни.

— Да, а в чём дело? — ответила Киган.

Мы вышли из игровой комнаты для щенков, и Камдена встретил один из агентов приюта. Они просматривали документы на щенка, пока Киган и я сидели и болтали.

— Ты кое-что пропустила в одну из ночей.

— Да? Что случилось?

— К нам поступила мамочка с тяжёлой формой наркомании. О каком бы ты наркотике не подумала, все были в её организме. Она была в ужасном состоянии — агрессивная, крикливая, и, что самое худшее, ей было всё равно на сына, которого она только что родила. Я надеюсь, за все годы моей работы медсестрой — это худшее, что я видела.

Киган вытаращила глаза.

— Я слышала о ней. Не знала, что ты была её медсестрой. Когда это было?

— Моя смена была сразу после свадьбы.

— Как ребёнок?

Я сделала паузу.

— На самом деле, я не знаю. Я планировала зайти проверить его вчера, но умоталась на работе и не успела. Думаю, что зайду в ОИТН (прим. ред. отделение интенсивной терапии новорождённых) завтра, перед тем как выйти на смену. Он был таким маленьким. Надеюсь, он боец.

Она погладила мою руку.

— Без сомнений. Это, наверное, хорошо, что меня не было в тот день. Господь знает, что я задушила бы ту женщину.

— Ох, я изо всех сил старалась взять себя в руки, чтобы не схватить её за лицо и не сказать «очнись, чёрт возьми, ты нужна своему ребёнку». Конечно, я этого не сделала, и вышла подышать свежим воздухом на лестничной площадке. Кстати говоря, кто-то должен повесить туда мишень для игры в «Дартс». Это помогало бы снимать стресс.

Киган хихикнула.

— Определённо.

— Эй, детка, мне нужно, чтобы ты подошла сюда и подписала кое-какие бумаги, — позвал её Камден.

Ах, время щенка для счастливой пары. Я шагнула назад и отпустила Киган к её мужу. Направившись в кошачью комнату, я оказалась в окружении маленьких урчащих пушистых комочков. Вздыхая, я задумалась о себе. Ах да, обречённая вечно быть одинокой кошатницей. Я не знала, сделало ли это меня счастливой, или грустной. В любом случае, так и должно быть.

Тёрнер

Сидя в своём кабинете на четвёртом этаже больницы, я пялился в окно вместо того, чтобы заняться бумажной работой, которую дико задерживал. Это было смехотворно. Прошло почти две недели с того момента, когда я вытащил Аннабелль на наше первое свидание, и я должен был запланировать наше следующее. В операционной была постоянная суматоха, и у меня едва ли хватало времени на себя, не говоря уже о попытке запланировать что-то. Я чувствовал себя ужасно. Даже хуже, у меня, чёрт возьми, была уйма времени, чтобы сконцентрироваться на чём-либо, что не было связано с ней.

Один раз, когда мне удалось набрать её номер и на линии раздался гудок, меня опять вызвали в срочную операцию. Я был расстроен. Так расстроен, что в один прекрасный день, оказался внизу на её этаже, за окошком медсестёр, разглядывая её словно маньяк. Я смотрел, как она в первый раз нежно купала ребёнка. В комнате были и другие медсёстры, пару заметили меня, но к счастью, ни одна из них не сообщила ей, что я был рядом. Я наблюдал за ней в течение нескольких минут и решил, что мне лучше уйти. Я думал заглянуть внутрь, чтобы спросить, как у неё дела, но место и время для этого не были подходящими. Вокруг детей таинственно раскрывалась сущность женщин, и я клянусь, казалось, что можно услышать, как «играют их гормоны», когда они видели, слышали или нюхали новорождённого. Я не хотел быть частью всего этого. Поэтому вернулся в свой кабинет, позвонил ей на сотовый и оставил сообщение, извиняясь, что пропал так надолго. Я был бы

счастливым, если бы она мне перезвонила.

Я неустанно щёлкал ручкой, когда на столе загудел мой телефон. Я вздохнул. Кто бы это ни звонил, я был ему не рад. Я был не в настроении трепаться или болтать. Подняв телефон, я посмотрел на экран и замер. Это была она. Боже, она была последним человеком, от которого я ожидал звонка.

— Привет, Аннабелль.

— Привет, — ответила.

— Ты, должно быть, получила моё сообщение?

— Получила, — подтвердила она.

— Хорошо. Я приношу свои извинения, что не связался с тобой раньше. Я пытался дозвониться тебе, но неудачно выбрал время.

— Извинение принимается. Всё хорошо?

— Да, просто я больше занят, чем обычно. Дети надрывают свои задницы на тренировках по футболу и приходят с различными травмами. Так или иначе, у меня в пятницу выходной. Ты работаешь?

— Думаю, что свободна, сейчас проверю.

Она шуршала какими-то бумагами, когда, в конце концов, вернулась на линию и сказала:

— Я свободна.

Я улыбнулся.

— Хорошо, я думал, мы могли заняться чем-нибудь более активным в этот раз. Что скажешь?

— Тёрнер, — сказала она тоном, предупреждающим не раздвигать её границы снова. Жаль, принцесса, это уже происходит.

— В этот раз никаких гоночных автомобилей, я обещаю. Просто лёгкая прогулка и свежий воздух.

Она молчала дольше, чем я надеялся. Я уже был готов спросить у неё, тут ли она, когда девушка ответила:

— Никаких гоночных машин?

Сладкий голос Аннабелль заставил кое-что зашевелиться под моей медицинской формой.

— Клянусь.

— Ладно. Во сколько тебя ждать?

Я думал об этом.

— Я буду примерно в восемь утра. И снова оденься повседневно.

— Звучит неплохо.

— До встречи, Аннабелль, — мой голос более хриплым, чем до этого.

Её дыхание было немного тяжелее.

— Пока, Тёрнер.

— Пока.

Я нажал кнопку сбрасывания вызова на телефоне и положил его на стол. Конечно, было не честно позволить ей поверить, что это будет просто прогулка. Но мне всё равно. На этом свидании у неё будет много времени, чтобы поговорить со мной и рассказать больше о себе. Я также не упомянул, что у неё не будет возможности уйти от меня далеко, если разговор будет для неё слишком личным. Если задуматься, она, возможно, возненавидит меня к концу

пятницы, но, по крайней мере, я проведу с ней время, в котором так нуждаюсь. А теперь пришло время сделать пару звонков и устроить всё.

6 глава

Аннабелль

Тёрнер заехал за мной почти час назад, и мы довольно долго ехали на запад. Я была без понятия, куда он меня везёт, но мы определённо направлялись в горы. Я изо всех сил старалась скрыть свой дискомфорт во время поворотов и стремительных подъёмов вверх. Тёрнер не знал, что мои родители умерли на ветреной горной дороге, и я не собиралась говорить ему об этом. Он повернул к Национальному лесному заповеднику и проехал ещё несколько миль. Когда он припарковался, я огляделась по сторонам. Всё, что я видела, — это сосновые деревья и ручей, который протекал рядом с мощёной дорожкой. Не было никаких признаков, указывающих на то, что он запланировал для нас. Я начала задаваться вопросом, будет ли это действительно обычное свидание, и что, возможно, он знает место, куда мы пойдём и сядем поговорить. Боже мой, разговор. Так же страшно, как катание на гоночном автомобиле.

— Ты готова?

— Мммм, — сказала я, — я никогда не была здесь.

Он ослепительно улыбнулся.

— Я тоже. Пошли.

Он не был здесь раньше? Тогда, как же он всё-таки узнал, куда меня везти? Я предположила, что он взял меня на экскурсию или прогулку. Возможно, друг или один из братьев рассказал ему об этом месте, и он хотел посмотреть, найдём ли мы его вместе. Я не стала ждать, пока он поможет мне выйти из его внедорожника. Да, в этот раз он заехал за мной на двухдверном «Джипе Вранглер». Он был высокий, с массивными шинами. Тёрнер помог мне забраться в него, когда заехал за мной. Изящно выбраться из него было невозможно. Ты просто выпадал оттуда. Когда он подошёл ко мне, то усмехнулся.

— Ты в порядке?

Я выпрямилась.

— Я в норме.

Он без колебания взял меня за руку и повёл к тропинке. У Тёрнера был с собой рюкзак, и мне было интересно, что же в нём.

— У тебя с собой оружие, и ты планируешь расчленить моё тело и закопать в этих лесах?

Он зашёлся от смеха.

— Нет, но это было бы креативно, здесь я с тобой согласен.

Я замедлилась, чтобы присесть в реверансе.

— У меня там бутерброды и пара бутылок с водой на случай, если мы проголодаемся, — серьёзно ответил он.

— Поняла.

— Так есть какая-нибудь подсказка, куда мы направляемся?

— Ни одной.

— Прекрасно.

Он повёл меня в тёмный лес. Дорожка, по которой мы шли, была живописной. Вдоль тропинки расстилались дикие цветы, а вода в небольшом ручье, была так безмятежна, что мне хотелось сесть и опустить в неё ноги. Мы дошли до поворота, увидев слева от нас деревянный знак с несколькими стрелками, указывающими в разных направлениях. Дорожка впереди тоже разделялась. Когда мы подошли к развилке, то свернули на тропу, название которой заставило мой желудок упасть. Это было «Ущелье Зип-лайн» (прим. Зип-лайн — спуск с использованием сил гравитации по стальному канату с отрывом от земли, по воздуху, с помощью специального устройства, использующего блоки. Широко применяется в качестве приключения или развлечения и получения острых ощущений).

Что. За. Чёрт.

— Тёрнер, что мы собираемся делать?

Теперь он вроде-как тянул меня вперёд.

— Будет весело. Доверься мне.

Доверие. Это было серьёзным словом, которое, откровенно говоря, было не самым простым для меня. *Ты должен заработать его.* Недалеко от нас было здание, которое выглядело как хижина лесника. Вы бы даже не знали, что оно здесь находится, если бы не знали куда смотреть. Без преувеличения, во время всей нашей поездки не было ни одного знака, указывающего на зиплайнинг. Здание регистрации было небольшим и квадратным, но когда мы вошли внутрь, там было несколько телевизоров, расположенных вдоль стен, с изображением групп в защитной экипировке, для развлечения позирующих на камеру. Тёрнер отпустил мою руку и направился к прилавку.

— Привет, нам нужен частный гид, — сказал он девушке, сидящей за стойкой.

— Да, сэр. Мы ждали вас, — она вытащила пару бумаг из пластикового органайзера. — Мне только нужно, чтобы вы оба заполнили эти бланки и подписали отказ на обратной стороне. После этого мы всё для вас подготовим.

Тёрнер повернулся, чтобы посмотреть на меня. Я подошла к нему и посмотрела на бумаги, которые должна была заполнить. Большую часть этого составляла стандартная информация. Единственное, что заставило меня притормозить, был бланк, в котором говорилось, что они не несут ответственности за смерть или травмы, полученные во время спуска. Итак, я, как предполагалось, должна просто подписать отказ от жизни?

— Эм, мэм? — спросила я.

— Да? — Она улыбнулась, словно в этом не было ничего необычного.

Я указала на бумагу своей ручкой.

— Вот здесь. Эмм, могу я узнать, если что-то действительно случается, часто ли люди при этом травмируются?

Она покачала головой.

— О, это просто формальность. Но я могу сказать вам, за два года, что я здесь работаю, было только одно происшествие, и оно было даже не из-за того, что человек был на спуске. Он не принял свои лекарства и впал в диабетический шок от низкого уровня сахара.

Разве она не понимает, что это всё ещё не обнадеживает меня?

— Ладно, но что может произойти на спуске?

Она наклонила голову, будучи полностью озадаченной моим вопросом.

— Ну, я полагаю, что всё что угодно. Несчастные случаи действительно могут произойти, но я уверяю вас, что весь путь безопасен. Один из наших гидов проходит его с утра первым делом, проверяя тросы и удостоверяясь, что всё плотно прикреплено к

деревьям. Это действительно очень безопасно. Просто попробуйте расслабиться и получить удовольствие. Почты каждый, кто бывает здесь, нервничает в той или иной степени. У вас всё получится.

Её зажигательная речь — полный отстой. Я просто хотела прицепить её к одному из тросов на деревьях и пустить вниз, пока бы выкрикивала матерные слова о её сумасшедшей заднице.

Тёрнер продолжал молчать, в то время как я вгоняла в ступор бедного работника. Я была удивлена, что он не влез и не пытался успокоить мои расшатанные нервы. Если честно, это, наверное, было к лучшему. Она была незнакома мне, и я не стала бы набрасываться на незнакомца. Если бы он попытался поговорить со мной, я бы ударила его. Не то чтобы этот большой парень почувствовал бы это.

Я пошла напролом и подписала бумаги, даже при том, больше всего хотела убежать отсюда в том направлении, откуда мы только что пришли. После того, как я отдала бумаги обратно, нас проводили в боковую комнату, где со стен свисали шлемы, ремни и множество других хитроумных изобретений. Работник по имени Джо помог нам залезть в надлежащую форму. Он объяснил нам, зачем нужны ремни, и как мы будем сидеть в сцепном устройстве, когда доберёмся до первой платформы. Я надела шлем на голову и почувствовала жар, подкрадывающийся к моим щекам. Я уверена, что выглядела смешно. Но когда взглянула на Тёрнера, он подмигнул мне. Мурашки покрыли мое тело, и я опустила взгляд вниз. В поле моего зрения появились его ноги, затем он пальцем поднял мой подбородок вверх, вынудив меня посмотреть на него. Он стоял слишком близко. И какого чёрта он выглядел так хорошо в этом тупом шлеме?

— Я вижу, как твои мысли отражаются на твоём лице. Ты прекрасна.

Мне не оставалось ничего другого, кроме как созерцать кристально синий цвет его глаз и слушать проникновенный тон его голоса.

— Спасибо. Ты милый.

Он наклонился и сказал мне в ухо:

— А ты ещё милее. Серьёзно, ты пахнешь как сахарная вата, и каждый раз, когда я рядом с тобой, то начинаю гадать, такая же ли ты на вкус.

Он отступил от меня и направил своё внимание на Джо. Ладненько, и как я должна была ответить на это? Моё сердце взяло паузу на солидные десять секунд, в то время как моё нижнее бельё стало влажным. Ну вот, я нервничала от этого канатного курса, но мужчина, который стоял рядом со мной, вызывал реакции внутри меня, которые я никогда прежде не ощущала. Он был более опасен, чем я думала.

Сглотнув комок в горле, я отмахнулась от своих мыслей и вышла вслед за Джо и Тёрнером к дороге позади здания. Там стоял белый фургон, в который мы, как я предполагаю, должны были сесть. Мы подъехали к склону горы, которая казалась прямой с того места, откуда мы только что приехали. Я обращала внимание на каждую возможную вещь, из-за которой я могу разбиться. И ещё, кто бы позаботился о моём бедном Чезе, если бы я умерла? Мне действительно казалось, что это было обоснованное беспокойство. Оказавшись на вершине, Тёрнер пошёл вперёд, а я последовала за ним. Я знала, что он хотел взять меня за руку, но, вероятно, понял, что я не в том настроении. Мне нужно было немножко свободного пространства, чтобы свободно дышать. Я не знала, что буду делать, когда мне нужно будет сделать первый шаг к свободному падению. Если это так можно было назвать.

Мы подошли к деревянной платформе, где через вершину леса был протянут трос. Ладно, это будет реально долгим спуском. Это было сумасшествием. Тёрнер был сумасшедшим. Это было сумасшествием. Я бы лучше прямо сейчас находилась в гоночном автомобиле, идущем на скорости 140 миль в час, а не готовилась соскочить с этой платформы и ожидать, что эти тросы будут удерживать мою счастливую задницу, пока я не окажусь на другой стороне.

— Итак, давайте обсудим некоторые моменты, — серьёзно сказал Джо. — Другой гид уже здесь, и она внизу, на другой стороне, ждёт встречи с вами двумя после вашего первого прыжка. Вы должны держать канат сзади, а не спереди. Если держать его спереди, можно потерять палец. Там, в конце, вы увидите блок. Это поможет замедлить вас, так что вы не влетите в бедную Серенити, — он посмеялся над своей собственной шуткой. — Она крепкая, но, думаю, она отодвинется, прежде чем позволит сбить себя.

Я не смеялась, но Тёрнер посчитал это забавным. Я свирепо посмотрела на него. Когда он увидел моё выражение лица, то убрал свою ухмылку. Он беззвучно сказал слово «прости». Я просто покачала головой. Он подмигнул, словно это помогло бы ему избежать неприятностей.

— Ладно, кто первый?

— Я думаю, должна пойти Аннабелль.

— Я думаю, что ты под кокаином, доктор Тёрнер, — огрызнулась я.

Джо теперь смеялся над моей шуткой, за исключением того, что это не была шутка.

— Ладно, вы двое. Аннабелль, подойди к платформе.

Я сделала так, как он просил. Он захватил мой карабин и прицепил меня. Затем дёрнул его дважды и отпустил.

— Итак, быстрый вопрос, — сказала я с небольшой дрожью в голосе. — Может ли эта штука вообще удержать меня? Я имею в виду, я не ходила на пробежку последнее время, и вообще не очень следила за своей фигурой.

Рука Тёрнера нежно коснулась моей. Он пытался не засмеяться.

— Эти зажимы и тросы способны удержать более одной тысячи фунтов. Я обещаю, даже если ты этим утром не была на беговой дорожке, ты однозначно в безопасности.

— Ну, похоже, что я сделаю это, независимо от того, хочу я этого или нет.

— Доверься свободному падению, Аннабелль. С тобой всё будет в порядке. Просто следи за сигналами Серенити внизу. Она даст тебе знать, когда ты должна будешь замедлиться. Я встречу вас на третьей платформе.

Я кивнула. Садясь, я позволила всей экипировке держать мой вес. Странно, но всё это выглядело надёжным. Но это могло быть обманчиво. Джо сказал, что он собирается посчитать до трёх, после чего я должна буду прыгнуть.

— Аннабелль, — Тёрнер назвал меня по имени.

Я повернулась, посылая ему ожидающий взгляд.

— Ммм.

— Прежде чем ты сделаешь это, расскажи мне что-нибудь о себе. Всё равно что, просто расскажи мне что-нибудь.

Немного озадаченная, я думала о том, что хотела сказать. Что-нибудь о себе. Я никогда по-настоящему не рассказывала о себе, так что размышление о чём-то, чем я могу поделиться, было не самой простой задачей. Не мог ли он задать мне другой вопрос? Джо начал свой отсчёт.

— Три...

Серьёзно, что он хотел узнать? Мне казалось всё слишком личным.

— Два...

Мы только что играли в машине в игру «вопрос — ответ». Разве мы недостаточно поделились друг с другом? Мужчина ест хлопья на полдник, ради всего святого.

— Один...

Под давлением, я выпалила первую вещь, которая пришла на ум.

— Когда я была ребёнком, то всё время носила платья, так что мальчишки могли увидеть моё нижнее бельё, когда я висела вверх тормашками на детской игровой площадке, — и с этими словами я прыгнула.

Я не стала ждать его ответа. Я хотела свалить. Единственный выбор, который у меня был, — это прыжок вниз. Я была в свободном падении. То состояние, когда твой желудок падает и тебе кажется, словно нет никакой силы притяжения. Это вообще не было ощущением. Это больше походило на американские горки без крепления. Ветер трепал мои волосы, а деревья проносились подо мной. Я ненадолго оглянулась назад и увидела Тёрнера, улыбающегося во весь рот. И он только что ударил кулаком о кулак гида? Я достигла довольно серьёзной скорости, но мой разум сказал мне, что пора тормозить. Я посмотрела на нижнюю часть линии, где находилась следующая платформа. Там стояла женщина, ожидавшая меня. Она начала подавать мне сигналы рукой, сообщая мне, что я должна протянуть руку и схватить трос. Я сделала это. Даже при том, что на мне были кожаные перчатки, я всё ещё могла почувствовать через материал жар, обжигающий мою руку. Скорость моего движения замедлялась, пока я приближалась к деревянному блоку, с которым столкнулось моё сцепное устройство, заставляя меня тормозить быстрее, чем, если бы я пыталась сделать это самостоятельно. Серенити крикнула мне, чтобы я опустила ноги, достигнув платформы. Всё это произошло за несколько секунд. Я опустила ноги и шла, спотыкаясь, вперёд, в то время как Серенити захватила верх моего троса и заставила полностью остановиться.

Охренительный адреналин.

— Ну и как? — спросила она. Серенити была высокой брюнеткой примерно тридцати лет.

— Я пока ещё не решила, — мои руки дрожали, а сердце бешено колотилось.

— Просто подожди, пока доберёшься до третьей линии. Тебе нужно будет принять кое-какое решение, — она подергала своими бровями так, словно то, что она сказала, должно было впечатлить меня.

Знала ли она, что я была в полном ужасе от этой штуки? Конечно, нет, иначе не сказала бы того, что сказала только что. Я не приняла её слова к сведению. Вместо этого посмотрела на вершину горы, откуда только что спустилась, и наблюдала, как Тёрнер начал свой спуск вниз. Как он делал это так грациозно? Он расставил широко руки и откинул назад голову, словно наслаждался каждой секундой полёте. Я немного завидовала. Как же это должно ощущаться, чтобы спускаться вот так.

Когда он приблизился ко мне, казалось, что его улыбка была неотъемлемой частью красивого лица.

— Боже, это было круто. — Серенити отцепила его. — А ты как думаешь?

Этот мужчина понимал, что его сцепное устройство тесно прилегало к нему, и я видела все его достоинства? Я старалась изо всех сил не смотреть туда, но чёрт подери, я могла

увидеть, что он был бы несколько самоуверенным в отрасли мужчин, предоставляющих сексуальные услуги. Совершенно очевидно, что у него была причина выставять напоказ свои прелести. *Соберись, Аннабелль.*

— Эм, я эм... — откашлявшись и закрыв глаза на секунду, чтобы собраться с мыслями, я открыла их и встретила с его кристально голубыми глазами. — Это было интересное ощущение.

— Интересное в хорошем смысле, или плохом?

— Интересное, и я остановлюсь на этом. Сколько тут ещё таких штук? Я сообщу тебе, когда мы закончим.

Он усмехнулся.

— Ладно, согласен.

Я кивнула.

— Так ты хотела, чтобы маленькие мальчики видели твоё нижнее бельё, да?

О боже, я была так погружена во всё это, что забыла, что выпалила невзначай. Мои щеки покраснели, и я прикусила губу, пытаюсь сохранять спокойствие. Почему он должен говорить о смущающих меня вещах тогда, когда мне некуда сбежать? Вероятно, это часть его плана, придурок.

— Я была под давлением. Ты спросил, и это была первая вещь, которую я смогла вспомнить. Не суди, — огрызнулась я, пытаюсь сдержать смущённую ухмылку.

Он поднял свои руки вверх в знаке капитуляции.

— Эй, я не осуждаю. Просто потрясён, вот и всё. Дай угадаю, ты также носила то милос маленькое нижнее бельё «дни недели».

Мои глаза расширились.

— Что я сказала об осуждении?

Тёрнер расхохотался.

— Я попал пальцем в небо. Я не знал, что так и было.

Я шлёпнула его по руке.

— Ладно, сэр, око за око. Расскажи мне что-нибудь о себе.

— Дай подумать.

Я покачала головой.

— О нет. У тебя нет времени подумать об этом. Ты заставил меня ответить под давлением. Так что, вот твоё давление, мистер Расскажи Мне Что-нибудь. Три... два... один.

— Ты заключаешь сложную сделку, Аннабелль. Ладно, я почти присоединился к военно-морскому флоту, прежде чем направился в колледж.

Вау, я была немного впечатлена.

— Почему не присоединился?

— Другой вопрос — другая линия. Пошли, красотка, спросишь меня внизу.

Серенити пристегнула Тёрнера к следующей линии по курсу.

— Готов к отправке! — объявила она.

У него не заняло много времени, чтобы спрыгнуть с платформы. Этот отрезок выглядел немного короче, чем предыдущий. Он сделал это так беспечно и свободно. Я сомневалась, что к концу пути буду достаточно уверена, чтобы шагнуть вниз, не думая о каждом возможном способе, которым могу умереть. Мой мозг просто не работал в этом направлении и не позволял мне расслабиться. Но, по крайней мере, на этот раз, я знала, что меня ожидает, когда я позволю себе упасть. Я видела, что Тёрнер спустился и поднял свои

большие пальцы вверх. Я догадалась, что теперь моя очередь. После того, как меня пристегнули, я опустилась в сидячее положение и позволила силе тяжести сделать свою работу. Никаких прыжков с разбега.

Я слышала, что Тёрнер присвистнул, когда я была рядом с платформой. Когда я добралась до него, то была успешно остановлена Джо и отстёгнута.

— Ты становишься хороша в этом деле, — прокомментировал Тёрнер.

Я закатила глаза.

— У меня разве был выбор? Кажется, здесь единственный путь вниз.

— Ты права.

— Если я пойду на другое свидание с тобой, я клянусь, мне нужен будет письменный отчёт, возможно, скрепленный клятвой на крови, какие у тебя планы. Никаких больше ошарашивающих Аннабелль сюрпризов.

Он рассмеялся.

— Но ты же это делаешь, не так ли? Тебе это нравится?

Я на мгновение задумалась.

— Я думаю, что сочту это доставляющим удовольствие после того, как приду домой и пойму, что я цела и невредима после твоих сумасшедших выходов.

— О, Аннабелль, это не сумасшедшие выходы. Если я не беру тебя на скайдайвинг или банджи-джампинг, это вполне безвредно.

Мои глаза округлились.

— Я никогда не брошусь из самолёта ради удовольствия, Тёрнер Брукс. Как-нибудь без меня.

— Замётано.

Он был удивлён мной. Джо отошёл, понимая ситуацию, и стараясь не прерывать наше свидание. Я отчасти желала, чтобы он заставлял нас всё время двигаться, чтобы мы могли покончить с этим. Секундочку... это была третья платформа. Разве Серенити не сказала, что тут будет что-то интересное? Дерьмо. Я осмотрелась, чтобы найти что-нибудь, отличающее эту платформу от двух предыдущих. Именно тогда я увидела это. Там был маленький деревянный мост, который протянулся примерно на шесть футов. Трос был протянут через него, но он выглядел точно так же, как те, по которым мы уже проехали. Мост выглядел неустойчивым.

— Мы идём? — спросила я, готовая двигаться дальше.

Джо подошёл ко мне.

— Ага, но здесь у вас есть два варианта. Вы можете или спуститься отсюда так же, как и в предыдущие разы, или... — его «или» звучало зловеще. — Вы можете выйти на эту маленькую доску, словно пират, и сделать прыжок на веру.

Тёрнер поиграл передо мной своими бровями.

— Разрази меня гром! — Он пытался звучать как пират.

— Не смешно, — я свирепо посмотрела на него. — Что вы имеете в виду под прыжком на веру? То же, что и просто сойти вниз? В конечном счете соскользнуть по тросу?

Джо покачал головой.

— Нет. Это немного проще. Ты спрыгиваешь с края и как только оказываешься внизу, идёшь к следующей точке.

Я сглотнула. Они ненормальные? Я думала, что худшей идеей было спуститься со склона горы, но теперь они спрашивают, хочу ли я резко упасть с восьмидесятифутовой

высоты? Ни за что. Я уже знала свой ответ. Я кое-как справлялась со всеми этими штуками для зиплайнинга, но это было безумием. И, конечно, мне не нужно было спрашивать мистера Сорвиголоу, собирается ли он прыгать. Он собирался.

— Ты собираешься сделать это?

— Хрена с два. Я слишком сильно люблю свои ноги и руки, целые и невредимые, спасибо тебе большое.

Тёрнер опять вошёл в мой маленький пузырь. Почему он это делает? Его лесной лосьон после бритья нахлынул на меня, и у меня слегка закружилась голова. Мужчина не должен так хорошо пахнуть. Он провёл своей рукой вниз от моего плеча к локтю, оставляя на пути небольшой след гусиной кожи.

— Это не совсем свободное падение, как ты его себе представляешь. С помощью троса ты замедляешься на полпути вниз.

Я встретила с его голубыми глазами.

— Эти полпути всё ещё слишком далеко для меня. Я пойду «традиционным» путём, — пальцами я показала кавычки.

— Ты очень упрямая, знаешь это?

— Ха! Говорит король Упрямого Государства.

Тогда он сделал то, чего я не ожидала. Он наклонился и слегка поцеловал кончик моего носа. Моё бедное сердце остановилось. До сих пор Тёрнер не делал поползновений, чтобы поцеловать меня. Конечно, он поцеловал мою руку в конце нашего первого свидания, но это не считается. Не как это. И, конечно же, он решил дезориентировать меня нежной выходкой, когда мои нервы были уже на пределе. Надо отдать ему должное, это переключило моё внимание на другие вещи. Например, каким милым он был. Что его губы были очень мягкими. И на то, как я хотела схватить его за воротник, притянуть к себе и поцеловать так, как мечтала в течение двух последних недель. Я чувствовала, как покраснела, и затем переступила с ноги на ногу. Нуждаясь в небольшом воздухе, я откашлялась.

— Ну, тебе лучше сделать решительный шаг к своей смерти. Номер твоей мамы есть в твоём телефоне, да?

Он ещё раз сильно рассмеялся.

— Да, он есть в моём телефоне, — он направился к очень шатким деревянным балкам. Чем дальше он шёл, тем больше они шатались. — Аннабель?

Звук его голоса, говорящий моё имя, отозвался эхом в моей душе. Почему я испытывала такие чувства?

— Да?

— Это ещё не всё.

Он прыгнул. Боже мой, может ли мужчина стать ещё более дерзким или самоуверенным? Это заставило моё сердце прыгать от радости? Ага. Но не в этом суть. Ясное дело, он думал, что может делать всё что захочет, если будет достаточно милым, или околдует меня и подберётся слишком близко. Не удивительно, что все те женщины влюблялись с него. Он походил на чертёнка в хирургическом костюме. Ошибочка... ладно, вообще-то шорты и футболка цвета хаки подходили ему слишком хорошо. Ублюдок.

Посмотрев вниз, я увидела, что он приземлился на чёрный надувной матрас, который успел потрепаться от других прыгунов.

— Ты гордишься собой? — крикнула я.

— Да, мэм. Ты, правда, должна попробовать это. Это веселее, чем ты думаешь.

Я показала ему рукой жест «ОК».

— Я в порядке.

Джо пристегнул меня к традиционной линии и сказал, что Серенити ждёт меня на другом конце. Единственная разница между последними двумя спусками была в том, что моя нервная система успела успокоиться. Я понеслась вниз по линии, не думая ни о чём, кроме Тёрнера и его восхитительных губах. Я задавалась вопросом, позволю ли я ему поцеловать меня снова, если он попытается. И если он попытается, это будет мой нос или губы? Я увязала в мыслях о нём, когда мои ноги достигли платформы. Тёрнер взбирался сбоку по лестнице, чтобы встретиться со мной.

— Было круто?

Ладно, он имел в виду поездку, или поцелуй? Конечно, не поцелуй, ведь это был просто мой нос.

— Было весело.

Он улыбнулся. Он знал, что я обдумываю то, о чём он действительно спрашивал. Я закатила глаза.

Мы провели остаток утра, дурачась в игре «вопрос-ответ», и флиртуя друг с другом. Мы обменивались информацией друг о друге, которая была абсолютно бессмысленной, и всё же, я сочла её интересной и забавной. Я узнала Тёрнера Брукса намного лучше, чем раньше. Он больше, чем заинтриговал меня. Когда мы ехали обратно домой, я пришла к выводу, что он может мне по-настоящему понравиться. Конечно, это заставило меня почувствовать себя неуютно, но это было просто потому, что я долгое время не позволяла влюбиться в кого-нибудь. Никогда не видела в этом смысла. Но сегодня я открыла для себя возможность посмотреть, куда это может завести. При условии, что это не значит, каждый раз подвергать опасности мою жизнь. Но всё же, он мне нравился.

Как только мы подобрались к моему порогу, Тёрнер посмотрел на меня с удивлением в глазах.

— Я хочу сходить куда-нибудь с тобой снова, Аннабелль.

Я рассмеялась.

— Почему ты выглядишь так, словно тебя удивляет то, что ты спрашиваешь меня?

Его улыбка поразила меня, как было всегда, когда мы находились так близко. Он был так красив, это почти сбilo меня с ног.

— Потому, что так и есть.

— Ты странный, знаешь это?

— Ну, я могу сказать то же самое о тебе. Так что ты скажешь? Ещё одно свидание?

Я попыталась заставить его ждать ответа, правда пыталась. Но мой ответ вылетел быстрее, чем я планировала.

— С радостью. Но подожди... — я выставила палец. — Я отказываюсь идти куда угодно, где меня заставят прыгать, ехать быстрее, чем семьдесят миль в час, или где я должна буду подписать бумаги, указывающие, что я могу умереть.

Он прыснул от смеха.

— Оно будет спокойным.

Я повернула голову немного в сторону, показывая свой недоверие.

— Ладно, сэр. Итак, будь осторожен, направляясь обратно домой. И ещё раз спасибо тебе за сегодняшний день.

Стало тихо. Напряженно тихо. Я смотрела на него, и он смотрел на меня. Это был тот

миг, когда ты знаешь, что он собирается поцеловать тебя, и ты просто должна быть готова к этому. Я не была готова, но я соглашусь на это. Тёрнер наклонился вперёд. Я приподнялась на цыпочки. Как только я подумала, что наши рты собираются встретиться, он повернул голову влево, и я почувствовала его тёплые губы на моей щеке. Моей щеке? Сжав мою руку и выпустив её, он встал в полный рост и пожелал мне хорошего дня. Когда он ушёл, я присела заднем крыльце, обдумывая всё свидание. У меня действительно начал развиваться комплекс. Тёрнер поцеловал меня три раза, и ни один из них не был в губы. Ни один из них не был полон страсти или дикости, которые, как я предполагала, он давал другим женщинам, которых тискал в кладовых на работе. Нравилась ли я ему? Была ли я его типом? Возможно, он смотрел на меня как на приятеля, или кого-нибудь, с кем можно классно развлечься. Я ни разу не ощущала флюидов дружбы от него, так может, я чего-то не понимаю? Может и так. Это в какой-то степени задевало меня. Предполагаю, что на следующем свидании, которое у нас будет, я попытаюсь понять и уловить его намёки. Я не хотела вкладывать в него слишком много себя, если я была для него просто другом.

Я ждала, что он позвонит и скажет мне, что мы будем делать в следующий раз.

7 глава

Аннабель

Перед моей первой двенадцатичасовой сменой на этой неделе, я решила сделать что-нибудь незапланированное. Я отправилась в отделение интенсивной терапии новорождённых, чтобы проверить маленького мальчика, которому помогла родиться на прошлой неделе, и посмотреть, как он. Мне никогда не доводилось бывать здесь, за исключением пары часов практики. Несколько мониторов подавали звуковые сигналы, а я смотрела на вокруг стоявшие инкубаторы и грудничков, которые боролись за свою жизнь. Я осматривала эту комнату так же, как и отделение онкологии. Смотреть, как люди, борются за свою жизнь, не для меня. Мне больше нравилось обеспечивать появление на свет новых жизней, отправляя их в счастливое путешествие. Не наблюдать, как семьи оплакивают или скорбят о потере. Я увидела этого достаточно, чтобы хватило на всю мою оставшуюся жизнь.

— Я могу вам помочь? — Ко мне подошла высокая белокурая медсестра. У неё были добрые глаза и мягкий голос.

— Эм, да, я ищу ребёнка, которому помогла родиться на прошлой неделе, его доставили сюда, — чёрт, я не знаю его имени. — Он был без имени, когда покинул «Л&Д», а мать была наркоманкой, — я напрягла память, чтобы вспомнить её имя, — Адалин Марч, — пришло мне в голову. — Это ребёнок Марч.

Тон её голоса стал ещё мягче.

— Ах да, он здесь, — она провела меня к дальнему углу комнаты. — Он тот ещё маленький борец.

Когда мы приблизились, я увидела, что ребёнок был настолько маленьким, что поместился бы в одну мою ладошку. Малыш лежал на животике, с мониторами, подключёнными к его хрупкому тельцу, покрытому почти прозрачной кожей, питательной трубкой в носу, которая, вероятно, шла прямоком в его желудок, и дыхательной трубкой. На это было мучительно смотреть. Такой маленький, чтобы бороться за свою жизнь, тогда как он даже не заслужил появиться в этом жестоком мире таким ужасным способом.

— Его мама приходила к нему?

Она выглядела растерянной.

— К сожалению, от мальчика Марч отказались. В день, когда родила и была переведена в послеродовую палату, несколькими часами спустя она ушла и больше не возвращалась. Нет никакой контактной информации, и она не интересовалась ребёнком, прежде чем уйти.

Моя рука взлетела ко рту. Я чувствовала себя так, словно меня сейчас стошнит. Как может мать вынашивать малыша, дать ему жизнь и просто отказаться от него? Не важно, что он недоношен. Он был её ребёнком. Он любил бы её безоговорочно и ничего не ожидал бы в ответ, кроме того, что она могла бы ему дать. Я просто не понимаю этого.

Медсестра, которую, как я узнала, зовут Кэсси, рассказала мне о показателях ребёнка, и что доктор ожидает от него в следующие несколько дней. Когда дети попадали сюда, в отделение интенсивной терапии новорождённых, их обычно проверяли каждый час. Им давали краткосрочные назначения. Врачи действовали маленькими шажочками. На всё остальное требовалось слишком много времени.

Кэсси оставила меня возле инкубатора мальчика Марч, и я повернулась, чтобы посмотреть на него. Он действительно был очень хрупким. Я ничем не могла ему помочь, хотя пыталась это сделать. Я стояла там, считая все десять пальчиков на его ручках и ножках. Кто-нибудь должен сделать это для него. Он заслужил. Я закрыла глаза, сдерживая нахлынувшие слёзы. Глубоко вдохнула и выдохнула. Жизнь была так несправедлива. Моих родителей забрали от меня слишком рано, и я боролась, чтобы самостоятельно выживать в течение многих лет. Эта борьба началась для меня в шестнадцать лет. Почему малыш, который весит не больше трёх фунтов, должен страдать? Почему Бог выбрал для борьбы именно его? Было всего несколько вещей, которых я, думаю, никогда не пойму.

В инкубаторе было два отверстия, в которые медсёстры могли просунуть руки в перчатках и внести изменения в проводки и трубки. Без спроса, я подошла к раковине, вымыла руки и подготовилась, чтобы прикоснуться к нему. Когда я дотронулась до него в первый раз, маленькая искра ударила меня. Не как электричество, а что-то неопишное. Я хотела, чтобы этот малыш жил. Я беспокоилась, чтобы за ним был лучший уход. И ещё, в тот момент, когда моя рука погладила его маленькую спинку, я поняла, что всё равно, сколько бы медсестёр и докторов не присматривало за ним, я буду приходить сюда максимально часто, чтобы он знал, что его любят. Я пробыла с ним почти час, медсёстры ходили вокруг меня, некоторые даже подходили поговорить. Они ценили дополнительную поддержку, которую я оказывала. Но на самом деле я была эгоистична. Я делала это и для себя. Что-то глубоко внутри меня очень нуждалось в успокоении. Он будет в порядке. Я не приму другого варианта.

Это был очень долгий день. У меня был короткий десятиминутный перерыв, и близилось окончание моей двенадцатичасовой смены. Посещение малыша этим утром забрало у меня много энергии в эмоциональном плане. Я просто хотела обьесться и отметить время ухода со смены. Сегодня мне не хотелось ни вина, ни книг. Мне просто нужно отоспаться.

Я сидела в раздевалке, когда открылась дверь и вошёл небольшой сюрприз. Тёрнер держал две пластиковые коробочки с чем-то, что восхитительно пахло. Мой бедный желудок

тоже уловил аромат еды. Поднявшись, я пошла прямо к мужчине только с одной целью. Тёрнер поднял коробочку, предлагая её мне. Когда я стащила её из его рук, он засмеялся.

— Голодна?

Я села и открыла крышку. Курица, жаренная во фритюре, пюре в соусе и салат из капусты и моркови с майонезом пленили весь мой рассудок. Мне кажется, я даже простонала. Тёрнер заёрзал на стуле. Я подняла на него взгляд, и увидела, что он смотрел на меня таким же голодным взглядом, как я на курицу. Я сглотнула.

— Извини, ты что-то спросил?

Он откашлялся.

— Эм, да. Я так понимаю, ты голодна?

Я вытащила куриную ножку и запихнула её в рот. У меня не было никакого терпения, чтобы прямо сейчас быть воспитанной.

— Ммм. Я не ела с шести утра.

Он взглянул на свои часы.

— Это было более тринадцати часов назад. В вашем отделении нет перерывов?

Я проглотила огромный кусок горячей, жирной курицы.

— Есть, но у меня было слишком много других дел. Ведение карт, отправка материалов в лабораторию, предоставление врачебных дополнений. Тот ещё денёк.

— Похоже на то, — его глаза блуждали по моему лицу. Когда еда обосновалась в моём пустом желудке, я смогла сфокусироваться на чём-нибудь, кроме голода. Не уверена, что я думала о том, как он смотрит на меня. — Ты всегда так занята?

Я подняла пластиковую вилку и воткнула её в картошку.

— Не всегда. Только во время пересменок становится суетливо, ну и когда полнолуние.

— Я думал это бабушкины сказки.

Я покачала головой.

— Разве ты не учил это во время своей акушерской практики? — Я не могла сдержать смех.

— Если честно, я не думаю, что обращал на это внимание.

— Это не совсем бабушкины сказки. В этом есть доля правды. Когда полнолуние, что-то происходит с гравитацией, силой земного притяжения и наклоном, что вызывает определённые процессы в организме женщины, если она близка к дате родов. Это может продлить схватки или начать их. Я проверяла календарь несколько раз, когда было полнолуние. Пациентов, как правило, больше, — объяснила я.

Он обдумал это.

— Хм, я думаю, каждый день ты узнаёшь что-то новое.

Я кивнула.

— Да, полагаю, ты тоже.

Я продолжила есть в тишине, пока Тёрнер наблюдал за мной. Другая коробочка с едой оставалась нетронутой.

Я указала вилкой в её направлении.

— Ты не собираешься есть?

— Собираюсь, просто я был отвлечен видом, — он наклонился вперёд и притянул белый контейнер к себе. У него было то же самое, что и у меня. Подняв куриный окорочок, он поднёс его ко рту и откусил. Я сосредоточенно наблюдала, как двигается его подбородок и губы. Я не думала, что поглощение еды могло быть настолько сексуальным.

— Ты в прядке?

Самовлюблённость в его тоне говорила, что он точно знал, как влияет на меня. *Чёрт возьми, Аннабелль, соберись. Сейчас не время и не место.*

— Я в порядке. Так или иначе, что заставило тебя прийти в эти края? И как ты вообще узнал, что я здесь?

— Я позвонил вашей дежурной медсестре.

— Это немного похоже на преследование, тебе не кажется?

— Не тогда, когда у меня были намерения принести тебе поесть и обсудить наше следующее свидание.

— Я пока не знаю, что насчёт этого думаю.

Он вздернул бровь.

— О свидании или о моём звонке?

— И о том, и о другом.

— Ну... очень плохо.

Наглец.

— Так что насчёт свидания? Разве ты не мог мне позвонить или что-то типа этого?

Тёрнер пожал своими широкими плечами.

— Мог, но я решил, что это куда веселее.

Кажется, я ела слишком быстро. Я уже была сыта, но еще даже не доела куриную ножку и слопала пару кусочков картофеля. Я вздохнула.

— Если наблюдение за тем, как я набиваю свой рот как обкуренный студент, веселит тебя, ты должен увидеть меня, когда я дома одна вместе с коробкой конфет. Абсолютно отвратительно.

Он усмехнулся.

— Замётано.

Я помахала своей вилкой в воздухе.

— Нет. Я официально заявляю. Это не то, что ты когда-нибудь увидишь.

— Как скажешь. Так, теперь насчёт свидания.

— Я вся во внимании.

Вошли две медсестры с моего отделения. Одна из них была маленькая мисс Красный шёлк собственной персоной. Она застыла в проёме, когда увидела Тёрнера, сидящего со мной, а её рот широко открылся. Он едва взглянул в её сторону. Он не узнал её, или она была настолько легко забывающейся? Судя по выражению её лица, могу сказать, что девушка была определённо оскорблена отсутствием его внимания. Я хотела закатить глаза, но меня остановило то, что Тёрнера не беспокоило, что кто-нибудь мог услышать наш разговор. Медсестра-шлюха, Робин, с которой я теперь редко работала вместе, потому что она начала работать в регистратуре, взяла то, за чем пришла, из шкафчика, и захлопнула его. Не могу сказать, что не сделала бы так же, если бы меня так легко отвергли. Когда она выскочила вон из раздевалки, мне пришлось прикусить язык. Нет, я не чувствовала себя эгоистичной, что сейчас я та девушка, которой Тёрнер уделяет внимание. Но каким-то образом он заставлял чувствовать себя особенной.

— Аннабелль, посмотри на меня, пожалуйста, — его голос был глубоким и требовательным. То притяжение, которое я почувствовала к нему с первой встречи, сейчас было очень очевидно и манило меня.

Не справедливо, что кто-то с таким цветом глаз мог так очаровывать. Я бы хотела взять

его в тропики только, чтобы увидеть, действительно ли они одного цвета с океаном.

— Я слушаю.

— Хммм, как скажешь. Мои родители спросили, не хотим ли мы все прийти к ним на ужин в эти выходные. Моя мама соскучилась по своим мальчикам, и бла-бла-бла. В любом случае, я знаю, что обоим моим родителям нравится твоя компания, и, откровенно говоря, мне тоже. Так что, ты присоединишься ко мне?

— Почему это выглядит как свидание «знакомство с родителями»?

Он нахмурился.

— Определённо нет. Может, ты так считаешь, но ты ведь уже встречалась с ними?

Он настоял на своём.

— Один-ноль в твою пользу!

— Ах да, и если ты придёшь, возьми в этот раз свои кроссовки.

— Зачем?

— Бейсбол, Аннабелль. Мы играем в бейсбол каждый раз, когда собираемся вместе.

Ах, да. Я и не думала об их семейных традициях.

— Ну, в субботу я работаю до шести. Иногда немного дольше, в зависимости от количества родов.

— Это не проблема. Они будут готовить барбекю, так что я уверен, что ужин будет позже, чем обычно. Папа немного придирчивый к грилю.

У меня не было причины отказаться. Это не было похоже на какую-нибудь дикую поездку, в которой мы побывали в прошлый раз. К тому же, там будут мои друзья, с которыми я буду чувствовать себя комфортней. Насколько близки мы сможем быть с Тёрнером в окружении его семьи?

— Ладно, будет тебе свидание, — казалось достаточно сдержанно.

Встав из-за стола, он отодвинул свой стул.

— Ты закончила со своей едой?

Я кивнула.

Он выкинул коробочки в мусорное ведро, когда направился к двери.

— Увидимся через несколько дней, красавица.

Мой желудок перевернулся. Он даже не остался после того, как смутил меня, а просто вышел. Я улыбнулась сама себе. Ну, посмотрим, смогу ли я остаться целой и невредимой. Забавно, что он брал меня на два свидания, где я легко могла травмироваться, и всё же место, куда я направляюсь в эти выходные, было единственным, где я в конечном итоге могу сесть в лужу. Предполагаю, вызов принят, Аннабелль.

8 глава

Аннабелль

Я хотела найти время, чтобы проверить младенца Марч, прежде чем ехать в дом Бруксов, но, к сожалению, была уже половина седьмого, а мне всё ещё предстояла тридцатиминутная поездка. Тёрнер собирался подождать меня, но я настояла на том, чтобы он ехал без меня. Я не хотела, чтобы его семья повредила с ужином, потому что я опаздывала. Я даже предложила перенести встречу на другой раз, но он заверил меня, что всё в порядке.

— Эй, я ухожу. Всех моих пациентов приняли. Хороших выходных, — я позвонила старшей медсестре, прижав телефон к плечу.

— И тебе, дорогая, — ответила она.

Войдя в гараж, я забралась в свою машину, бросила сумку на пассажирское сиденье и выехала на дорогу. На самом деле я с нетерпением ждала сегодняшнего вечера. Возможно, я бы нервничала гораздо сильнее, если бы это была моя первая встреча с семьёй Бруксов, но это было не так. Быть рядом с этой семьёй комфортно. Возможно, это странно, но для меня это было именно так. Пол и Донна были способны заставить вас чувствовать себя одним из их детей. Готова поспорить, что рядом с ними никто не чувствовал себя незнакомцем. Опуская окно и включая радио, я отклонилась назад, чтобы насладиться короткой поездкой к их дому.

Тёрнер вышел наружу, чтобы встретить меня, когда я въехала на подъездную дорожку. Он открыл мою дверь и наклонился, чтобы поприветствовать меня поцелуем в щеку, я же оставалась неподвижной. Как правило, он не делал этого до конца свидания. Похоже, он и дальше собирается держать меня в напряжении. Я вздохнула полной грудью, не в состоянии удержать девчачий смех, рвущийся наружу.

Он одарил меня ослепительно теплой улыбкой.

— Рад, что тебе удалось прийти.

Как только я вышла из машины, он захлопнул за мной дверь, и мы пошли к дому. На подъездной дорожке было припарковано несколько машин, две из которых принадлежали Киган и Мейси. Я не думала, что Мейси будет здесь, но зная Киган, вероятней всего она уговорила её.

— Я тоже.

— Как прошла твоя смена?

— Долго и утомительно. Но когда дело доходит до труда, то временами утомительно — это очень хорошо, — рассмеялась я. — Суматоха в моём отделении значит, что за жизнь борется или мамочка, или младенец. Это не то, чего бы нам хотелось, — было так странно, как легко было вести с ним этот простой разговор. Как будто мы делали это годами.

— Хмम्म, я тебя понимаю. Ладно, надеюсь, ты нагуляла аппетит. Уверен, что папа скупил всё мясо с прилавков на рынке. Плюс, моя мама сделала свой знаменитый картофельный салат с укропом и капрезе, и зная её, будет не менее трёх различных десертов на выбор. Думаю, что Киган тоже принесла что-нибудь из еды.

Мой живот заурчал.

— Ох, у меня определенно разыгрался аппетит. Возможно, даже слишком.

Он сжал мою руку и подмигнул. Урчание превратилось в трепет бабочек. Он явно завоёвывал меня.

— Отлично, ты вволю наешься. В любом случае, мама отправит тебя домой с контейнером полным еды. Это одна из причин, почему я прихожу сюда.

Я хлопнула его по руке и улыбнулась.

— Ты такой парень. Твоя мама знает, что ты используешь её только для готовки?

— Абсолютно. Она живет ради того, чтобы накормить нас всех.

Вполне уверена, что так и было. За то короткое время, что я знала Донну, у меня сложилось впечатление, что она была типичной южной женщиной и мамой. Слово «мало» не значилось в её словаре, если это не касалось её самой. Её дом был совершенным, стряпня безупречна, она вырастила своих мальчиков южными джентльменами, и делала это так, что

ни один волосок не выбился из её причёски.

Когда я зашла в парадную дверь, меня поприветствовало так много запахов, аромат вкуснятины распространялся по всему дому. Давненько я не принимала участие в чём-то подобном. Вообще-то последний раз это было тогда, когда я была здесь.

— Привет, Аннабелль! Как ты, милая? — Донна вышла из-за угла, одетая в симпатичное летнее макси платье и передник. Сладость наполняла её голос.

Моя автоматическая реакция была подойти к ней. Она развела руки и поприветствовала меня объятием. Я не была ласковым человеком, но по какой-то причине с ней это чувствовалось естественным и прекрасным. Донна даже пахла хорошо. Так же, как и мама, если это имело какое-то значение.

— Я в порядке, — я освободилась из её объятий. — Большое спасибо за то, что пригласили меня. Извините за опоздание.

Она отмахнулась от меня рукой.

— Да брось. Ты не опоздала, а как раз вовремя. Пол только заканчивает гриль, а Киган делает всем напитки. Проходи и почувствуй себя как дома. Что ты предпочитаешь выпить перед ужином? У нас есть лимонад, сладкий чай, и я думаю, что есть немного пива в холодильнике внизу, Тёрнер мог бы принести тебе одно.

Я взглянула на него. Он лучезарно улыбался своей маме. Ладно, я никогда не замечала этого прежде, но он определенно маменькин сынок. Это было написано на его лбу. Обожание в его глазах невозможно было упустить.

— Лимонад подойдет как нельзя лучше, спасибо вам, — ответила я вежливо.

— Значит, лимонад, — подмигнула она мне. Она улыбалась точно так же, как и Тёрнер. Мои глаза остановились на её прямых зубах и ослепительном выражении.

— Сынок, налей ей лимонад и пойдй проверь своего отца. Боюсь, что он скоро сожжет куриные грудки, пытаясь получить эту проклятую совершенную корочку.

Тёрнер вздохнул.

— Да, мэм.

— Не дерзите мне, молодой человек, — предупредила она.

Мне пришлось прикусить щеку изнутри, чтобы не рассмеяться от их взаимного обмена любезностями.

— Да, мэм. Я сейчас вернусь.

Он снова сжал мою руку и отпустил её. Когда он вышел из прихожей, я снова обратила внимание на Донну. Она стояла, уперев руки в бока, и покачивала головой.

— Он никогда не был упрямым но, когда был маленьким мальчиком — любил играть у меня на нервах.

— Тёрнер не упрямый? — теперь рассмеялась я.

— Он испытывает тебя на прочность?

Я вспомнила наши предыдущие разговоры и места, куда он возил меня.

— Ох, можно сказать и так.

— Похоже, мне необходимо поговорить с моим мальчиком об этом.

Я потянулась вперед и дотронулась до её руки.

— Нет, всё в порядке. Я поддразниваю. Я только что узнала, что он не принимает «нет» в качества ответа. — Я осознала, что сказала, только после того, как слова вылетели из моего рта, но к счастью Донна не ответила на мой комментарий, так как могла бы.

— Да, не принимает, — согласилась она.

— Это не всегда плохо. Он... милый.

Она выдохнула.

— Отлично. Ладно, я пойду проверю пироги. Киган и Мейси в столовой, если ты хочешь с ними поздороваться.

— Вам нужна помощь на кухне? Не то чтобы от меня много толку. Я никогда не была хорошим пекарем или шеф-поваром.

— Нет, но спасибо.

Я кивнула и направилась в столовую. Дом был большим, но я помнила, где были некоторые комнаты еще со свадьбы и моего предыдущего посещения. Я услышала громкий голос Мейси, отдающийся эхом, который дал мне понять, что я двигаюсь в правильном направлении. Как раз за углом я увидела Киган, которая раскладывала салфетки и столовое серебро рядом с каждой тарелкой, и Мейси, сидящую со скрещенными руками. Похоже, она дулась.

— Привет, красавица, — взглянула на меня Киган.

— Привет, девчонки.

— Тьфу, ещё одна попала под очарованием Бруксов, — в голосе Мейси слышалось сильное отвращение.

Я озадачено на неё посмотрела.

— О чём ты говоришь? Я в замешательстве.

Она закатила глаза.

— Тёрнер. Вот о чём я говорю.

Я посмотрела обратно на Киган, ожидая получить разъяснения по этому поводу.

— Мейси. Прекрати это. Не обращай на неё внимание. По какой-то причине она сегодня экстрасучка. У тебя критические дни?

— «Красный день календаря»? Пфф, нет. Я просто поняла, что меня окружают неудачники.

— Хорошо, теперь достаточно. Каким бы плохим не было твоё настроение, перестань. Ты собираешься испортить его мне, Аннабелль и остальной части семьи, — рявкнула Киган.

— Эй, — подняла руки вверх Мейси. — Я просто выразила своё мнение.

— Ты делаешь из себя настоящее посмешище.

Мейси откинула голову назад. Мне необходимо было вмешаться, чтобы конфликт не усилился.

— Ладно, девочки, остыньте. Я не знаю, что происходит, но что бы ни было, оно того не стоит.

— Ты не имеешь понятия, — пробормотала Мейси.

— Думаю, что нет, но Киган дело говорит. Я не знаю, из-за чего ты чувствуешь себя такой кислой, но мы сможем поговорить об этом после ужина, когда поедем чего-нибудь вкусного. Договорились?

Она слегка опустила голову вниз, явно расстроенная. Киган тряхнула головой и продолжила накрывать на стол. Никогда не видела, чтобы эти две девочки ссорились, но что-то беспокоило их обеих. Мне никогда не приходилось быть посредником, но если понадобится, я стану им прямо сейчас. Тишина сохранялась пару минут до того, как в комнату вошел Тёрнер, пропахший запахом гриля. Он взглянул на меня и подошел ближе.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— Ты в порядке? — тихо спросил он. Его глаза рыскали по другим девочкам.

— Ага.

Он нежно заправил прядку выбившихся волос мне за ухо. Его пальцы мягко ласкали мою щеку. Все мысли о Киган и Мейси покинули меня. Я стояла перед Тёрнером, и для меня больше никого не существовало в этой комнате. Откуда у него столько власти надо мной?

— Ты уверена?

— Мгмм.

Он ввел меня в транс и наверняка решил, что сейчас не время и не место для этого. Отстраняясь, он поздоровался с двумя девушками. Обе пробормотали приветствие.

Донна вошла в комнату, хлопая в ладоши, совершенно не обращая внимания на напряженность между всеми.

— Ладно, кто голоден?

Словно по волшебству, мы все переместились в белее освещённую комнату. Тёрнер указал мне на место, где мы будем сидеть, и все в течение следующей пары минут подтянулись. Не заняло много времени, чтобы мы все расселись и наполнили едой наши тарелки. Среди тем для разговоров были: болтовня о работе, новых собаках и колледже. Если и сохранилась какая-то напряженность, то она была только между Мейси и Доджером, которые сидели на противоположных концах стола друг от друга. Теперь было ясно, в чём её проблема. Я не понимала этого и не была уверена, что пойму когда-нибудь. Доджер был без ума от Мейси и без разницы, понимала она это или нет, она чувствовала то же самое. Никогда в своей жизни я не видела двух людей, более предназначенных друг другу и, тем не менее, так сильно сопротивляющихся этому. Я не знала, кто кого отталкивал, но понимала, что было потрачено впустую драгоценное время. Есть одна вещь, которую я узнала от своих родителей — время бесценно. Я бы отдала что угодно за пять минут с ними.

Мы откинулись на спинки наших стульев, наевшись, когда Киган задала мне вопрос.

— Лорен из Отделения интенсивной терапии новорожденных сказала, что ты посещаешь младенца, которому помогла появиться на свет. Как он?

Вопрос казался невинным, но он заставил меня задуматься над ответом. Не то чтобы я пыталась проскользнуть и остаться незамеченной, но очевидно, что я ходила туда достаточно часто, чтобы вызвать некоторые разговоры.

Я почувствовала на себе взгляд Тёрнера, но проигнорировала его.

— У него всё хорошо. Они только понизили уровень кислорода, и он не сопротивляется, так что всё хорошо.

— О каком младенце мы говорим? — присоединилась к разговору Донна.

Ухх, так держать Киган. Об этом я не хотела разговаривать. Особенно со всеми этими людьми, не говоря уже о Тёрнере. Я знала, что как только мы окажемся одни, он станет задавать вопросы. Он читал меня как открытую книгу.

Я оглядела сидящих за столом, все взгляды были прикованы ко мне.

— Несколько недель назад моя пациентка родила недоношенного ребёнка. И я иногда навещаю его.

Глаза Донны смягчились.

— О боже, как это мило с твоей стороны.

— На самом деле всё не так просто. Роженица была наркоманкой. В итоге она отказалась от него в тот же день, когда родила. Seriously, это было ужасно. Я говорю вам, если бы я была дежурной медсестрой в тот день, я бы вправила ей мозги. — Киган начала злиться. Я так сильно хотела дать ей подзатыльник за то, что она начала этот разговор.

— Когда это произошло? — спросит Тёрнер.

Я не смотрела ему в глаза. Я не хотела. Он бы точно увидел, как разговор о ребенке затрагивает меня.

— На следующий день после свадьбы.

— Я не знаю, как мать может оставить своего ребенка, — у Донны в глазах стояли слезы. Боже, нужно срочно поменять тему. — Это мальчик?

Я кивнула.

— Ты знаешь, что с ним будет, когда он достаточно окрепнет, чтобы его выписали из больницы?

Это был тот вопрос, который мучал меня всё больше и больше, поскольку младенец шёл на поправку. Если честно, то я не знала, что с ним будет, но могла только предположить, что он окажется на попечении государства.

— Я не уверена. Но есть большое количество приемных родителей, которые будут счастливы усыновить новорожденного младенца. Просто не знаю, какие последствия будут от того, что вытворяла его мать. Так что, это может иметь свои сложности.

Тёрнер слегка прикоснулся к моей спине. Он утешал меня, когда даже я сама не понимала, что мне это нужно.

— Да, превосходный ужин, чудесна беседа, — вставила свои пять копеек Мейси, явно не желая больше разговаривать на эту тему. Слава Богу, я бы могла обнять её. — Донна, я начну убираться, если можно?

Всё внимание от меня переключилось на неё.

— Конечно, дорогая. Я помогу.

Мейси покачала головой.

— Нет, всё в порядке, я не возражаю. Вы приготовили невероятный ужин и заслуживаете того, чтобы расслабиться и насладиться общением со своими мальчиками. — Она встала и схватила ближайšie к ней тарелки. Когда она вышла, Доджер встал и последовал за ней. Я понимала, что не единственная, кто хотел бы знать, что между ними происходит.

— Итак, сначала десерт или мы направимся на поле? — спросил Ригли, вытянув руки над головой.

— Я голосую за поле, — сказал Пол.

— Я поддерживаю, — ответил Камден. — Что ты хочешь делать, детка?

Киган вложила свою руку в его.

— Меня всё устраивает в любом случае.

Пол потер свои руки друг об друга.

— Похоже, время игры.

Мы все встали из-за стола и направились к гаражу.

Парни всё упаковали, а Киган вернулась в дом, чтобы забрать Мейси и Доджера. Тёрнер повёл меня к одному из гольф-каров и сел рядом со мной.

— Ты будешь играть в моей команде?

Я приподняла бровь.

— Я не знаю. А ты хорош?

— Ты видела, как я играю, Аннабелль.

— Я не уделяла этому пристального внимания.

Он потер кулаком грудь.

— Упс! Было задето моё эго.

Я игриво пихнула его.

— Нет, это не так, перестань.

— А я-то думал, что ты пялилась на меня всё время.

Я наклонилась ближе к нему. Он следил за мной как ястреб.

— Я раскрою тебе один маленький секрет, — произнесла я ещё тише, — я наблюдала за тобой за ужином, — я подмигнула ему и уставилась вперед, надеясь, что мы скоро поедем.

Киган вышла наружу, выглядя расстроенной и готовой что-нибудь пнуть.

— Мейси вне игры. Она сказала, что плохо себя чувствует и поедет домой.

Донна начала вылезать из гольф-кара.

— Кто-нибудь отвезёт её домой?

— Доджер сказал, что отвезет, но вы же её знаете. Она борется изо всех сил, отказываясь быть рядом с ним.

Говоря о Доджере. Он вышел из дома, хлопнув дверью. Он проигнорировал то, что все смотрят на него, схватил сумку с битами и вышел из гаража без слов.

— Ну, хорошо, — сказал Тёрнер. — Похоже, проблемы в раю.

— Прекрати, — отругала его я.

— Я уверен, если Мейси что-то понадобится, она даст об этом знать, — переключил внимание семьи Пол. — Давайте выдвигаться.

Больше ничего не нужно было говорить. Глава семьи сказал, и всё с концом. Мы все расселись по своим карам и поехали вниз по дороге к пустому бейсбольному полю, принадлежащему семье, и хорошо знакомому им. Я была здесь только один раз, но и этого было достаточно. Я чувствовала себя комфортно, как будто регулярно проводила с ними время. Я не могла понять, почему эта семья была настолько гостеприимной и теплой. Они относились к гостю так, что ты чувствовал себя непринужденно. Я сомневаюсь в том, что они когда-нибудь встречали незнакомца, и тот почувствовал себя неуместно рядом с ними. Должно быть, это их дар.

Пока всё выгружались, Доджер стоял перед забором, бросая бейсбольный мяч так сильно, как только мог. Он отскакивал назад, и тот мог поймать его голыми руками. Очевидно, ему необходимо было выпустить пар. Он даже не повернулся, чтобы посмотреть на нас, когда мы подъехали.

— Команды, — произнес Ригли, потирая руки. — Я, мама, Камден и Аннабелль.

— Что? Ни за что, она в моей команде, придурок, — парировал Тёрнер.

— Папа, Тёрнер, Киган и Доджер. — Он кивнул, гордясь собой и игнорируя своего брата.

— Нет, надо разбить команды по-другому. Мы возьмём Аннабелль, вы можете забирать Доджера.

— Не сходи сума, большой брат. Ты же знаешь, я дал тебе лучшую команду.

— Эй, — вмешался Камден. — Нужно ли напомнить, кто был отобран в первый колледж страны?

— Чувак, ты говоришь это каждый раз, когда мы приходим сюда. Мы знаем...это устаревшие новости, — проворчал Ригли.

У меня сложилось впечатление, что это было для него большим местом. Интересно, было ли это дружеским братским соревнованием.

— Всё в порядке с распределением команд? — спросил Пол, останавливаясь между

братьями.

Оба парня кивнули.

Было решено, что я остаюсь с Тёрнером, из-за чего я была слегка разочарована. Я хотела проверить свои способности и надрать ему задницу, но не могла это сделать, когда мы оба пытались «завершить бег». Мы играли в игру, выполняя по пять подач. Было много смеха и стеба. В этот раз большую часть времени мне удавалось оставаться на своих двух ногах. Не могу сказать того же о Поле. Он почувствовал необходимость проскользнуть к третьей базе, словно он молоденький парень, и подарил бедной Донне сердечный приступ. Она вопила на него, пока проверяла его разорванные штаны, говоря, что ему больше не двадцать лет, и он не может играть грязно или в противном случае кто-то получит травму. Ну вы понимаете — обычное дело для мамы.

Донна закончила тем, что после небольшого инцидента с Полом, просидела остаток игры. Это измотало её. Когда я стояла в сторонке, ожидая своей очереди, она подошла ко мне.

— Я так расстроена из-за младенца.

Я взглянула на неё. О боже, неужели мы снова будем говорить об этом?

— Конечно.

— Ты в порядке?

Я наклонила свою голову в сторону.

— Да. А что?

Она подарила мне нежную улыбку.

— Потому что, милая, я умею читать людей. Нет, не так как та психическая чушь, которую можно увидеть по телевизору. Но я могу ощутить, когда кто-то сдерживается и не позволяет себе чувствовать. Как Мейси и Доджер. Я знаю этих двоих, и я знаю, как сильно она его любит. Хотя у неё есть свои причины противиться, но в конечном итоге они будут вместе. А когда мы сидели за ужином, я видела, как ты сцепила руки и твои глаза становились пустыми. — Она сделала паузу, позволяя мне осознать то, что она сказала. — Этот младенец что-то значит для тебя.

Я сглотнула.

— Конечно, я же забочусь о нем. Он — невинный ребенок.

Я не одурачила её.

— Это намного больше. Я не уверена в том, какая у вас с ним связь, но скажу тебе: продолжай ходить к нему. Посещай его, держи его, корми, позволь ему почувствовать себя любимым. Любовь исцеляет. Мы не знаем, что Господь приготовил для этого маленького создания, но ты — добрый и милый человек, который приходит к нему и заботится о нём. Это говорит мне кое-что о твоём сердце и о том, какая ты женщина. Я не сомневаюсь, что твоя мама смотрит на тебя с небес и гордится тобой.

Хорошо, а теперь слёзы. Кто, черт возьми, такая эта Донна Брукс и откуда она взялась? Это было не то, что мне хотелось услышать прямо сейчас. Я не была религиозной, и не имела ни малейшего понятия, были ли мои родители на небесах, видели ли они или наблюдали за тем, что я делала в жизни. Я не думала, что они где-нибудь есть. Когда они умерли, то умерли. Я не знала, есть ли Бог, поэтому не могла поверить в выражение: «У Бога есть план на каждого». Забрать семью у молодой девочки — это не план. Это было ужасно и больно. Жестоко. Это разорвало и искромсало мою душу. Мои родители были в земле в сорока минутах от этого бейсбольного поля и это то, во что я действительно верила.

Я не хотела грубить женщине, которая была так любезна со мной, поэтому натянула улыбку.

— Спасибо.

Она погладила моё плечо.

— Пожалуйста. Теперь, если мой самый младший мальчик смог бы найти хорошую девочку, как и вы трое, я бы была самой счастливой мамой.

Я была в замешательстве.

— Что?

Она махнула рукой в воздухе.

— Ригли — та ещё заноза в заднице. Я его очень люблю, но этот парень настолько не приспособлен к жизни, что я сомневаюсь, что он когда-нибудь уюмонится. Я знала, что мои остальные, кроме него... ладно, я слечу с катушек в тот день, когда он приведет девушку домой и скажет, что она набрала больше очков. — Она захохотала так, как будто только что рассказала лучшую шутку.

Я все ещё была под впечатлением от прошлой беседы, когда она вылила на меня следующий ушат воды. Она говорила так, как будто Тёрнер остепенился. Нет. Тем более не со мной. Я только начала расслабляться с ним и впускать его. Могли бы мы хотя бы впервые поцеловаться, прежде чем начнем разговаривать о вечности и о том, чтобы остепениться?

— О, твоя очередь, милая! — Донна вернула моё внимание обратно к игре.

Ага. Кто, черт подери, сможет отбить мяч, после такой информации?

Я хорошо справлялась оставшуюся часть игры, но знала, что Донна наблюдала за мной. Я осознала, что она пристально наблюдала за каждым из нас. Это было именно тем, откуда она всё знала. Она была наблюдательна к мелочам.

Время игры закончилось, после того, как сыграли ещё две подачи, и настало время всё упаковывать. На улице уже стемнело, но пара фонарей довольно хорошо освещала поле. Комары все больше нас кусали, и Киган сказала, что им надо поехать домой и проверить собаку. Я была готова отправиться домой к моему коту и бокалу вина. Я валилась с ног.

— Эй, ты, — обратился ко мне Тёрнер.

— Хмммм?

— Пойдем со мной. — Он взял меня за руку и прижал к себе.

Семья освободила поле и поехала обратно к дому.

— Хорошо провела время? — спросил он.

Помимо обсуждения нескольких тем, вместо которых я бы предпочла снова удалить свои зубы мудрости, я бы сказала, что очень хорошо.

— Да. Твоя мама — замечательный повар.

— Да. Она хранит рецепты лучшего ежевичного пирога и креветок по-креольски из трех стран.

Я рассмеялась.

— О боже, не говори мне про еду. После того, как мы отыграли, я готова к ещё одному плотному ужину.

Он ткнул меня в бок.

— Не такой уж плохой вариант.

Я остановилась.

— Ну, нет, сэр. Я ем всё, что попадает под руку из-за моего сумасшедшего расписания в больнице. Сегодня вечером впервые за месяц я ела домашнюю пищу. Разогреть —

единственное, на что у меня есть время. И уж точно я не хожу в зал.

Он потянул меня за руку, притягивая к себе. Твердость его груди заставила меня тяжело дышать. Моя вторая рука по собственному желанию поднялась и расположилась как раз над его сердцем. Оно билось спокойно. Очевидно, я не воздействовала не него так же, как он меня. Если бы кто-нибудь сейчас измерил моё кровеносное давление — оно бы зашкаливало, и меня бы отправили прямиком в больницу.

— Ты разыгрываешь меня? — искренне спросил он.

— Разыгрываю?

— Твой вес.

Я хотела перевести всё в шутку.

— Нет. Я имею в виду, что по большей части шучу, но было бы не плохо время от времени ходить в спортзал, чтобы бы избавиться от калорий шоколадного торта... или пирога, что я ела.

Он хотел улыбнуться этому, я знаю, что хотел, но оставался серьезным.

— Ты красива во всех отношениях, Аннабелль. Конечно, сначала ты привлекла меня своей внешностью, однако, я узнал тебя и то, настолько большое твоё сердце Тренировки в спортзале или нет, прибавка в весе или нет, ты для меня всё тот же человек.

Я быстро заморгала.

— Ты даже не знаешь меня по-настоящему.

Он наклонил голову вперед так, что его яркие голубые глаза были прямо напротив моих.

— О, да, я знаю. Ты, может быть, не разделяешь со мной некоторые аспекты своей жизни, но ты это сделаешь. Придёт время, и сделаешь. И несмотря ни на что, это всё не изменит того, насколько прекрасны и красивы те твои стороны, которые ты мне уже показала.

Я застыла на месте, наслаждаясь моментом, в который он меня затянул. Моментом, где существовали только Тёрнер и я, где я даже не могла чувствовать, касались ли мои ноги земли. Я парила, и всё, о чём могла думать, как я хочу, чтобы он поцеловал меня.

— Это достаточно серьезные слова, доктор Брукс, — пропищала я.

Он кивнул.

— Да, это так.

Я не имела ни малейшего представления, как близко мы были к дому или как далеко ушли, поют ли всё ещё сверчки или они ожидают того же, что и я. Но это случилось. Тёрнер выпустил мою руку и руками обхватил моё лицо. Один из его больших пальцев поглаживал мою щеку настолько нежно, что я едва чувствовала его дыхание на моей коже. Не-а, сейчас определенно не существовало силы притяжения на планете Земля. Как только он наклонился ко мне навстречу, я сделала единственную вещь, которую могла. Я закрыла глаза и сдалась ему на милость, позволив ему играть ведущую роль.

Поначалу его губы слегка прикасались к моим. Как будто ты ступаешь в водоем и пробуешь, будет ли вода теплой или холодной. Теплота — всё, что я чувствовала. Мое сердце трепетало, затем забилося сильнее в тот момент, когда он остановился и в этот раз с большим давлением позволил мне почувствовать невероятное ощущение его губ, прижимающихся к моим. Сперва я слегка приоткрыла губы, но этого было недостаточно, чтобы он понял, что я хочу большего. Он подхватил мою инициативу и прижался ко мне ближе. Брукс Тёрнер обернул свою руку вокруг моей поясницы, притягивая меня к себе, а другую запустил в мои волосы. Его язык танцевал вдоль моих губ, прежде чем погрузиться в

мой рот, требуя большего. Я вздохнула и растаяла перед ним. Этот поцелуй был не похож на те безумные неопытные первые поцелуи. Не существовало никакого изучения того, что нравилось одному человеку — быстро или медленно, мягко или жестко, больше языка или губ. Тёрнер был смесью этого. Он двигал ртом в требовательной манере, прежде чем замедлил темп, и я последовала его примеру. Никогда в жизни у меня не было поцелуя подобного этому. Я не хотела, чтобы он заканчивался. Не имела ни малейшего понятия как долго мы так стояли, а Тёрнер всё ещё сохранял ведущую роль, но в конечном счете всё закончилось нежным легким поцелуем, а потом сладким поцелуем в кончик моего носа.

Мои глаза всё ещё были закрыты, когда он произнес моё имя:

— Аннабелль.

— Хмммм?

— Как ты себя чувствуешь?

Как я себя чувствую? Вообще есть ли у меня какие-нибудь чувства? Я пошевелила пальчиками ног и убрала руки с его груди. Я не представляла, что так сильно схватилась за его рубашку, что весь её материал был теперь измят. Да, у меня были определённые чувства.

Я прикусила нижнюю губу и застенчиво посмотрела вниз.

— Хорошо.

Он слегка приподнял мой подбородок своим указательным пальцем.

— Уверена?

Я хотела расхохотаться. Он знал, что только что сделал со мной. Я расклеилась и позволила мужчине дать мне почувствовать что-то большее, чем просто увлечение.

— Точно уверена.

Он ухмыльнулся.

— Хорошо. Пойдём.

Мы всё ещё стояли там, где он остановил меня — на обочине дороги, невзирая на то, что соседи видели публичную демонстрацию нашей привязанности. Тёрнер снова взял меня за руку и направился к дому. Он рассказывал о своей семье и о том, насколько безумными они могут быть, пока огромная улыбка не сходила с моего лица. Было ли это счастье? То же, что чувствовали женщины из больницы, которые постоянно клеились к нему? Я не хотела быть одной из них, но чувствовала, что увязаю в этом. Я хотела пойти домой и рассказать Чезу о поцелуе, как девочка-подросток, пока мой толстый кот будет безразлично наблюдать за мной. Равнодушие к Тёрнеру полностью исчезло, а моя потребность в нём заменила его. Я шла рядом с ним, задаваясь вопросом, когда он пригласит меня на свидание снова, и где оно будет. Я хотела знать, поцелует ли он меня опять, и будет ли это так же, как и сейчас. Такие вещи, как отношения, свидания и любовь — не мой конёк. Я и формально не знала, как с этим справиться, поскольку мне не хватало опыта. Но я прекрасно понимала, что он всё больше и больше нравится мне. Он делал всё правильно и говорил только правильные вещи. Однако за последние семь лет жизнь показала мне, что эти вещи не обязательно складываются для меня во что-то хорошее. По этой же причине я не сближалась с людьми, предпочитая быть одиночкой. Мне нужно было серьёзно подумать над тем, пришло ли время опустить эти стены и посмотреть, может ли мне жизнь предложить что-то хорошее. Я не могла себе позволить потерять ещё одного человека, о котором забочусь так, чтобы это не уничтожило меня. Боль — то чувство, с которым я хорошо знакома, но это было то чувство, которое могло разрушить меня снова, и я знала, что не переживу этого.

Наш с Тёрнером вечер закончился на хорошей ноте. Его мама отправила меня домой с

контейнером еды, подсунув под его крышечку записку с номером своего телефона и коротким сообщением, чтобы я связывалась с ней, если мне что-нибудь понадобится. Затем маленькими буквами она приписала:

Р . S. То, что ты делаешь для ребенка, — достойно восхищения. Если я могу помочь, дай мне знать.

Когда я забралась в машину и прочла записку, хотела смять её и выбросить. Единственная причина, по которой я этого не сделала, — так подсказало мне сердце. Закончилось тем, что записка оказалась в моём кошельке, откуда я могла бы её достать. Я понимала, что могла чувствовать себя защищенной, разговаривая с ней, и интуиция подсказывала мне, что не произойдет ничего страшного. Я ехала домой с мыслями, что должна подпустить этих людей к себе, поскольку в глубине души понимала, что они будут действовать в моих интересах. Я не хотела провести оставшуюся жизнь, удерживая людей на расстоянии. Тёрнер менял меня. По частичке, но всё же я менялась.

9 глава

Тёрнер

После нашего поцелуя я думал о большем. Я хотел Аннабелль под собой, хотел ощущать каждый дюйм, заполняя её. Я думал об этом постоянно с тех пор, как её губы побывали на моих. Самоконтроль, который мне потребовалось продемонстрировать в тот день, чтобы не прижать её к припаркованному автомобилю и сделать то, что я до смерти хотел сделать в течение месяцев, теперь казался бредом. Не думаю, что я когда-либо раньше сдерживался в том, чтобы взять от женщины то, чего я хотел. Не то чтобы кто-нибудь из них действительно пытался держать меня на расстоянии. Просто моя жизнь была похожа на вращающуюся карусель из женщин. Никогда не приходилось прилагать каких-либо усилий, чтобы заняться сексом. Хотя с Аннабелль всё было по-другому. Она не была перепихом на ночь. Она была настоящей. Меня тянуло к ней, желание обладать ею было более чем физическое, и это было для меня новым чувством. Делало ли меня мудаком то, как я обращался с остальными? Скорей всего. У меня были определенные чувства к нескольким из них, но ни одну я не хотел привести домой, чтобы познакомить с родителями. Те женщины были забавой и скрашивали мой досуг, когда мне становилось скучно. Ладно, да я был самым большим в мире засранцем. Теперь ничего уже с этим не поделать. Потому что сейчас одна девушка привлекла моё внимание, и это случилось в тот день, когда она отобедала в доме моих родителей.

Сегодня утром я был на вызове, чтобы прооперировать чьё-то колено. Особо я не был занят, поэтому решил пойти в отделение Аннабелль и удивить её. Следует признать, я уже разузнал, была ли она на дежурстве. Конечно, я мог бы спросить у неё, но неожиданный визит представлялся мне более забавным. Да, я хотел увидеть её. Зайдя в лифт, я спустился вниз на этаж родильного отделения. На посту медсестёр я увидел молодую девушку, которую никогда раньше не встречал. Она взглянула на меня, а затем вернулась к своей работе. Все её поведение кричало о неопытности. Она была новенькой и не имела никакого понятия о том, кто я. Увидев выражение её лица, я предположил, что она практикантка.

— Могу я вам чем-нибудь помочь, доктор... — она посмотрела на бейджик с именем, висевший на моем кармане, — Брукс?

Не то чтобы я хотел склеить её, но подумал, что никому не повредит немного флирта. Подарив ей улыбку на миллион долларов, которая работала с большинством дам, я наблюдал, как она повлияла на неё так, как я и ожидал. Она взмахнула ресницами и разгладила халат, на котором не было ни единой складочки.

— Вообще-то, я подумал, что ты могла бы мне подсказать, где сейчас находится одна из ваших медсестер.

— Ох, эм, конечно. Кого вы ищите?

— Аннабелль. Мне сказали, что она сегодня здесь.

Разочарование появилось на её лице.

— Она здесь, но думаю, у неё перерыв. Я могу ей сообщить, что вы заходили, если хотите.

— Нет, всё в порядке. Я только хотел кое-что обсудить с ней, но это может подождать.

Если она не была легкодоступной, мне было неинтересно продолжать беседу. Опять же, я никогда не говорил, что я не самый большой в мире засранец. Повернувшись, я направился в их комнату отдыха. Аннабелль там не было. Эх. Куда же она пошла? Я мог бы заглянуть в кафе, но у меня было чувство, что я не найду её и там. Затем меня осенило. Я знал, где она. Это было инстинктивно. За последние пару месяцев я стал лучше её понимать, и у меня было время поразмыслить над этим. Это должно было быть первым местом, где мне следовало бы посмотреть, когда я узнал, что её нет у себя в отделении.

Я использовал свой пропуск, чтобы пройти в отделение интенсивной терапии. Я никогда не был в этой части больницы, но как оказалось, сюда не так трудно попасть. По периметру просторной палаты стояли инкубаторы с младенцами. Я просканировал комнату в поисках её светло-рыжих волос. Конечно же, она здесь. В углу в кресле-качалке сидела Аннабелль, держа на руках самого маленького ребенка, которого я когда-либо видел. Я приближался к ней медленно, словно лев, отслеживающий свою добычу. Воздух вокруг неё кричал о защите. Она прижала младенца к груди, готовая защитить его в любой момент, если кто-то окажется слишком близко. Я был всего в нескольких шагах от неё, но она по-прежнему меня не замечала. Я наблюдал за ней. Она качалась в кресле и успокаивающе потирала его голую спинку. Второй рукой поддерживала его хрупкое тельце, которое утопало в слишком большом подгузнике. Несколько проводов обеспечивали его связь с аппаратами, которые контролировали уровень его кислорода и пульс. Аннабелль шептала ему слова, которые я не мог расслышать. Я не ожидал лицезреть подобную картину, придя увидеться с ней.

Когда она рассказывала о младенце, которому помогла родиться и которого навещает, я предполагал, что она заглядывает к нему, спрашивает медсестер, как он себя чувствует и уходит. Это не имело никакого отношения к тому, что происходило на самом деле. Это было ясно как божий день. Ребенок что-то значил для неё. Она что-то чувствовала к нему. Она заботилась о нём, как о своем собственном. О моём присутствии стало известно, когда рядом со мной появилась медсестра. Когда глаза Аннабелль встретились с моими, я увидел вспышку эмоций на её лице: шок, неуверенность, гнев и стыд. Я старался выразить свое понимание без слов. Я не судил её. Нет, я не понимал, что здесь происходит, но это не значило, что я не чуткий и не попытаюсь понять.

— Тёрнер, — произнесла она моё имя, практически как вопрос.

Я подошел ближе, пока не оказался прямо перед ней.

— Привет.

— Что ты здесь делаешь?

— Я был в твоём отделении, хотел сделать тебе сюрприз, но тебя там не оказалось.

— Откуда ты узнал, что я здесь?

— Я не знал.

— Я не понимаю.

— Я догадался.

Она наблюдала за мной с задумчивым выражением лица. Аннабель понятия не имела, что делать или что говорить, но она была по-прежнему в режиме защиты. Вместо того, чтобы придавать большое значение тому, что увидел, я решил сменить тему и настроение на то, что я планировал, направляясь сюда.

— Я подумал, что ужин у меня может быть хорошей идеей.

— У тебя?

— Да. Я довольно-таки хороший повар. Не волнуйся, ничего банального типа свечей и Марвина Гэя, или чего-то подобного. Всё будет довольно просто, но я подумал, что ещё одно легкое и расслабляющее свидание нам не помешает, пока я придумаю что-то, что заставит тебя задуматься, почему же ты всё-таки согласилась. — Я улыбнулся, надеясь, что ей понравится моё поддразнивание.

Несмотря на то, что она держала на руках такого маленького человечка, её внимание было приковано ко мне, а восхитительные бровки взлетели вверх.

— Ужин у тебя, поскольку ты всё ещё планируешь другие свидания, которые заставят меня усомниться в принципах собственной жизни?

— Ну, это один из вариантов.

— Доктор Брукс, это совсем не смешно.

— На самом деле, смешно.

— Вообще-то, нет.

— Думаю, я весьма забавный. Но это не ответ на мой вопрос.

— В действительности ты не задал мне вопрос.

— Полегче, дерзкая девчонка. Наверное, я не произнёс фразу как вопрос, — вот она снова держит меня под каблуком. — Не хотела бы ты прийти сегодня вечером ко мне на ужин, и мы смогли бы поговорить и выпить вина?

Она опять улыбнулась мне.

— Я думала, ты говорил, что не будет никаких банальностей?

Я прижал руку к своей груди.

— Ничего банального.

Она смотрела на меня долго и напряжённо, поглаживая спинку младенца.

— Во сколько мне прийти?

— В семь. У нас будет поздний ужин.

— Пришлешь мне эсэмэской свой адрес и сообщишь, нужно ли что-то принести.

Я подмигнул ей.

— Да, мэм. — Я подошел к ней и наклонился, поцеловав в лоб. — И мы поговорим об этом.

Когда я отстранился, её глаза были огромными. Я не пытался напугать её, но мы уже достаточно встречались, так что, думаю, я имел право получить ответы на заданные мной вопросы. Если она не захочет раскрывать мне глубины своих чувств, что ж, хорошо. В конечном счете, ей придётся. Я был готов к большому с Аннабель. Я хотел забраться в её

мысли и узнать, о чём она думает. Я хотел её физически и любым возможным способом. Я жаждал её, как никого другого. Сегодня вечером я получу то, чего хочу.

Аннабелль

Я никак не ожидала того, что Тёрнер появится в отделении интенсивной терапии. То, что он увидел, было чересчур. Если бы я не держала на руках младенца, я бы гораздо больше разозлилась, чем могла себе позволить. Сначала его мама, задающая слишком много вопросов, теперь он. И что он имел в виду под тем, что мы поговорим об этом? Здесь не о чем разговаривать. В любом случае это не его дело. Если он думал, что мы будем разговаривать о том, что он увидел, то он будет разочарован.

У меня не было времени думать о Тёрнере во второй половины моего дежурства. К нам поступили три мамочки, и все трое родили в течение часа. Когда я закончила с бумажной работой, отметила время ухода и отправилась домой. Я подумаю об этом, когда настанет время переступить порог дома Тёрнера, но полагаю, что буду нервничать намного больше, чем сейчас. Я списала это на усталость. Я валилась с ног, но его идея с вином и едой казалась просто замечательной.

Вернувшись домой, я переоделась в удобные джинсы, свободный топ и собрала волосы в хвост, с которым проходила весь день. Я вытянула несколько прядей и позволила им свободно висеть. Не было никакой необходимости в косметике, но я добавила немного блеска для губ, прежде чем вернулась в машину и направилась к нему. Оказывается, он жил на десятом этаже здания, неподалёку от больницы. Он проинструктировал меня, где припарковаться в подземном паркинге. Когда я вошла в лифт, затрепетали бабочки в моем животе. Я не знала, чего ожидать сегодня от Тёрнера, но переступала порог его дома. Это была его территория и его правила. Будет ли сегодня вечером что-то большее, чем просто поцелуй? Позволю ли я? Прежде чем постучать в его дверь, я решила, что оставлю всё как есть и посмотрю, куда приведет нас эта ночь. Мне было не по себе, однако, я не могла отрицать, что хотела Тёрнера Брукса. Он интриговал меня всё больше и больше. Я желала его, как никого другого, и в какой-то момент мне пришлось признать, что я не контролировала себя рядом с ним. Держа меня в плену, он стал мне близок и, если он хотел чего-то от меня, я собиралась позволить ему взять это.

Я негромко постучала. Он открыл дверь, и у меня отвисла челюсть. Он был одет в потёртые джинсы и плотно облегающую футболку, которая позволяла рассмотреть его накачанные руки. Но лучшим было то, что он был без обуви и носков. Он заметил, что я разглядываю его, и я демонстративно закрыла рот и подарила ему ухмылку: «Черт, возможно меня и застукали, но это не важно».

— Добрый вечер, Аннабелль, — он отошел в сторону, позволяя мне войти.

— Доктор Брукс, — я обратилась к нему формально.

Он покачал головой, пока я проходила мимо. Наше подшучивание и флирт уже в самом разгаре, а вечер только начался. Следуя за мной, он закрыл дверь и позволил мне оценить обстановку. Это была современная, шикарная квартира, именно такой я себе её и представляла. Плавные переходы, черная кожаная мебель и открытая планировка. Комнаты плавно переходили одна в другую. Я зашла в гостиную, где в углу на сером ковре стоял большой диван. Огромный телевизор занимал часть стены, а по бокам висела очень хорошая звуковая система. Справа располагалась кухня с серыми шкафчиками и черной гранитной

рабочей поверхностью. Кухонные принадлежности из нержавеющей стали завершала современную кухню. Здесь потрясающе пахло — аромат свежих трав и специй с легкой ноткой чеснока. Заходя на кухню, я увидела два бокала и бутылку белого и красного вина. На плите что-то варилось на медленном огне, а рядом с ней стояли две тарелки.

Я обернулась и посмотрела на него,

— Что на ужин?

— Пикката из цыпленка с лингвини и чесночный хлеб из духовки. — Он отошёл от меня, едва касаясь моей руки. Я задрожала. — Я не был уверен насчёт вина, но красное обычно лучше подходит к итальянской кухне.

— Красное подойдет, — согласилась я.

Он налил мне пол бокала, так же как и себе.

— Не стесняйся, расслабься и чувствуй себя как дома. С другой стороны стойки есть стулья, если хочешь присесть.

Я сделала так, как он и предложил. Он подошел к плите и помешал то, что готовилось. Я заняла место на серебристом табурете. Было слегка неудобно, но я осталась здесь для поддержания разговора, до того, как мы начнём ужинать.

— Как работа? — спросил он.

— Довольно-таки занятно. Три роженицы.

— Ты была на родах у всех?

— Я была у двоих, к последней пришла уже после того, как младенец родился, и обмыла его.

— Тебе когда-нибудь доводилось делать кесарево сечение?

— Нет. Я только присутствовала, но в штате есть медсестры, которые обучены этому.

Болтовня или подлинный интерес. В любом случае, беседа переходила от одной темы к другой. Я провела здесь около двадцати минут, когда он сказал, что еда готова. Тёрнер наполнил мою тарелку и поставил на чёрную столешницу. Он сдержал своё слово. Никаких зажжённых свечей и странной музыки. Пульт лежал рядом с его стулом, он поднял его и нажал пару кнопок. Через мгновение по всему дому раздалась песня Марвина Гэя — Let's Get It On (можно перевести как «Давай перепихнемся»).

Я посмотрела на него, приподняв бровь.

— Да ладно?

Он захихикал.

— Я прикалываюсь. Специально выбрал её.

Я засмеялась.

— Классно разыграно.

Он нажал пару других кнопок, и тихо заиграла музыка в стиле «кантри».

— Я обещаю больше никакой банальщины. Но я должен был тебя подразнить.

Я ухмыльнулась.

— Не уверена, что это так.

Он покачал головой и приступил к еде. Я последовала его примеру, и тогда наступила тишина. Правда никакого дискомфорта не было. Такое чувство, будто мы делали это много раз, и было естественно наслаждаться компанией друг друга. Что-то, чего я не чувствовала ни с кем прежде.

— Ты когда-нибудь задумывалась о том, чтобы перебраться в моё отделение?

Я застыла с вилкой в воздухе.

— Пожалуй, да.

— Ты согласишься, если появится возможность?

Я думала об этом.

— Возможно, но мне нравится там, где нахожусь сейчас, даже больше, чем я ожидала.

Довольно хорошие медсестры, и мне нравится наблюдать за рождением детей изо дня в день. Все роды абсолютно разные, и это продолжает меня удивлять.

Он обдумывал мои слова. Проглотив последний кусочек, он положил вилку и откинулся на стуле. Голубые глаза смущали меня, и я проглатывала еду практически целиком. У него была способность в одну минуту дать мне почувствовать себя умиротворенно, а в другую — полностью взбудораженной. Могут ли его плечи быть ещё шире?

— Прожёвывай свою еду лучше, Аннабелль. Может, я и знаю прием Хаймлиха, но это не значит, что я хочу его применять.

— Прости?

— Я наблюдаю за тобой, — его голос стал глубже.

— Ты наблюдаешь за мной?

— Да. Я всё вижу.

Всё достаточно. Соберись, Аннабелль. Он опять имел надо мною власть, мне необходимо было её вернуть обратно.

— Интересно, — я прервала зрительный контакт и уставилась на свою еду. — Так ты не только шутник, но ещё и психосталкер, добавим к списку твоих качеств. Записала.

Он расхохотался.

— Опять ты за своё.

— Что я сделала?

— Я могу увидеть многое в тебе, но одного я никогда не могу предугадать, — что ты скажешь в следующую минуту. Это продолжает удивлять меня.

— Рада, что развлекаю тебя, — воспользовавшись его советом, я стала жевать не спеша.

Он склонил голову в мою сторону. Я ожидала, что он ответит мне, но он этого не сделал. Вместо этого встал, взял свою тарелку и бокал.

— Заканчивай. Я уберу со стола, а затем сможем отдохнуть и расслабиться.

Расслабиться. Тоочно. Несмотря на то, какой мужчина сидел рядом со мной. Такое противоречие. Рядом с ним я почувствовала себя как непринужденно, так и раздражительно. Дожевав последние пару укусов, я поняла, что объелась. Похоже, мой живот вываливался из штанов, и мне было бы гораздо удобней в легинсах для йоги. Надо отдать ему должное — мужчина умел готовить. Безусловно, это качество привила ему мама. Следуя его примеру, я взяла свои тарелки и понесла к нему. Я ожидала, что он пропустит меня, и я смогу ополоснуть тарелки и поставить их в посудомоечную машину, но вместо этого, он забрал всё из моих рук.

— Спасибо.

Он с любопытством наблюдал за мной.

— Пожалуйста. Иди и устройся на диване. Я закончу через минутку.

Я сделала так, как он просил. Моё сердце хотело вырваться из груди, но я глубоко вздохнула и напомнила себе, что я не должна делать того, чего не хочу. Я могла бы, по крайней мере, контролировать ситуацию. Враньё. Это было откровенной ложью, которую я продолжала говорить себе до того, как пришёл Тёрнер и сел рядом со мной. Бог мой, он пах божественно. Тонкий аромат мыла, смешанный с легким одеколоном. Как бы выглядело,

если бы я закрыла глаза и вдохнула?

— Хорошо, я тебя накормил, напоил, а теперь, время поговорить.

Я приподняла бровь.

— О чём?

— Аннабелль, — в его голосе сквозило предупреждение.

— Тёрнер, — вернула я обратно.

Он раздраженно вздохнул.

— О младенце. Расскажи мне о младенце. Очевидно, что он что-то значит для тебя.

Я надеялась, что сегодня смогу избежать этого разговора, но, очевидно, он не собирался упускать эту тему. Теперь нужно было решить, как много рассказать ему. Будет очень больно, если он узнает? Тёрнер не хотел причинить мне боли и не сделал ничего, что бы заставило меня поверить, что он не желает мне добра. Он доказал мне, что просто хочет сделать меня счастливой. Возможно, стоит рассказать ему, или хотя бы с кем-то поговорить об этом, чтобы я могла почувствовать себя лучше и разобралась в тех чувствах, что меня тревожили.

— Так... ты уже знаешь, как он появился на свет. Его мать от него отказалась сразу же после родов, и я просто... не знаю. Мне стало жаль его.

— Хорошо, но ты навещаешь его каждый раз, когда на смене.

Я кивнула в знак согласия.

— Да, иногда чаще. — Я уставилась на свои штаны, рассматривая волокна. — Всё началось с того, что я просто хотела проверить, как он, и удостовериться, что малыш упорно борется. Но затем, следующее, что я помню — я снова оказалась там, блуждая и спрашивая у медсестер, как у него дела. Я чувствовала себя ужасно, что у него нет семьи. Единственный человеческий контакт, который у него был — медсестры, и даже в этом случае их время распределено между другими новорожденными, которые требуют такого же, если не большего внимания. Это так несправедливо. Я знаю, каково это быть одной, когда у тебя нет родителей.

Он внимательно слушал.

— Хорошо, я многое понял. Так ты хотела, чтобы он почувствовал любовь. Но ты тоже его любишь?

Я могла только честно ответить.

— Да, думаю да.

— Он — хрупкий маленький человечек. То, что ты делаешь, настолько самоотверженно, и это замечательно. Ты понимаешь, насколько у тебя большое сердце? На протяжении всей нашей учёбы нас учат не привязываться к пациентам. Это нормально — быть чутким к ним, однако, привязанность не приветствуется. Большинство из нас избегает этого. Мы приходим, выполняем свою работу и уходим. Уверен, ты встречала врачей, которые приходят, чтобы проверить младенца, но остальное оставляют эту работу для медсестер. Но вот это нечто гораздо большее. — От волнения он положил руку на руку. — Аннабелль, посмотри на меня.

Я не могла сопротивляться его просьбе. Я посмотрела на него.

— Это достойно похвалы.

У меня в горле образовался ком, и я сглотнула.

— Правда? Или это глупо?

— Почему глупо?

— Я не знаю. Может, потому, что он не мой. Я имею в виду, что действительно

привязалась к нему. Правда. Он подключен к аппаратам, которые помогают ему дышать, через трубки он получает еду прямо в желудок, чтобы ему не приходилось переваривать пищу — это всё кажется мне таким несправедливым. Я не знаю, почему хочу проводить с ним время. Просто так происходит.

Он наклонился вперед и целовал меня в лоб. Это было так мило.

— Если ты считаешь правильным, то продолжай это делать. Кроме того, исследования показывают, что подобного рода контакт ускоряет процесс выздоровления.

— Я знаю.

— Так не подвергай его сомнению.

Я сделала паузу, задумавшись на секунду, стоит ли рассказать ему остальное.

— Я назвала его.

— Что?

— Я никому не говорила но, когда я разговаривала с ним или пела ему, то решила, что он заслуживает иметь имя, а не просто запись в карточке «Младенец Марч». Я назвала его Ноа. Оно ему подходит.

Голубые глаза опустились на меня.

— Хорошее имя.

Это была не та реакция, на которую я рассчитывала после моей маленькой исповеди. Большинство мужчин, услышав о младенцах и детских именах, сваливают к чёртовой матери. Тёрнер удивил меня, не сделав того, на что я рассчитывала, когда всё выплыло наружу. Я не знала, обнять ли его за понимание, то ли подвергнуть сомнению его здравомыслие, что он не подумал, что я сумасшедшая.

— Спасибо.

— За что?

— За то, что у тебя хватило сообразительности спросить. Не то чтобы это было простой темой для типичного мужчины.

Он положил руку себе на грудь.

— Ой. Я типичный?

В этот раз я потянулась к нему. Не имею понятия, откуда взялась эта храбрость, однако это казалось уместным. Мои пальцы обхватили его щеку.

— Ты со всем не типичный. — Время остановилось. Я потерялась в нем, каким-то образом он заставлял меня чувствовать себя так. Но затем он задавал свой следующий вопрос:

— Что произошло с твоими родителями?

Моя рука упала. Ещё одна тяжелая тема. Разве недостаточно тяжелых тем для одного вечера?

— Что ты хочешь узнать?

— Ночью, когда всё произошло. Ты была там?

— Нет. Но должна была быть.

Он нахмурился.

— Ты должна была там быть?

— Я имею в виду, в автомобиле. Мои родители отправились в горы в свой ежегодный турпоход. Они делали это ещё с тех пор, как я была ребенком. Это был единственный отпуск для всех нас, который мы с нетерпением ожидали каждый год. Я не была одним из тех подростков, которые избегали своих родителей. Я любила быть рядом с ними. В тот год я

слегла с каким-то сумасшедшим гриппом. Моя мама хотела всё отменить, но я убедила её, что буду в порядке. Соседи были рядом, и я была достаточно взрослой, чтобы водить машину, если мне что-нибудь понадобится. Никогда не забуду, как она сопротивлялась. Мой папа говорил, что мы можем повременить до следующих выходных, но в действительности, становилось уже слишком поздно для этого года, а я не хотела быть причиной, из-за которой они в первый раз пропустили бы свой традиционный поход. Я пообещала, что буду держать телефон поблизости и, если что-нибудь случиться, дам им знать. Они были на обратном пути после трехдневного путешествия. Мне наконец-то становилось лучше, и я ждала возвращения их домой тем вечером. Но раздался стук в дверь. — Я закрыла глаза, пытаюсь сдержать слёзы. Я не говорила об этом и даже не позволяла себе думать об этом уже много лет. Воспоминания были слишком болезненными, и я не хотела это вспоминать. — Я смутно помню офицера, который сообщил мне, что произошло. Они были не далеко от дома. Возможно в часе езды. У кого-то выдалась длинная смена, и он заснул за рулем, выехав на встречную полосу. Машина была полностью уничтожена. Заднее сиденье, где должна была сидеть я — искорёжено. Оба умерли на месте. Офицер спрашивал меня, есть ли кто-нибудь, кому я могу позвонить, но никого не было. Моих бабушек и дедушек уже давно нет в живых, а родители были их единственными детьми. Они похоронены недалеко отсюда, но я не навещаю их могилы с похорон.

Он сидел мгновение, позволяя пережить мне то, что я рассказала.

— Тебе было шестнадцать?

— Да.

— Суд хотел отдать под опеку?

— Нет. Формально я уже заканчивала старшие классы и уже была достаточно взрослой, чтобы быть самостоятельной. Мои родители оставили на моё имя свои страховые полисы и дом. С тех пор я сама по себе.

— Аннабелль, это ужасно.

Я пожалала плечами, не зная, что ещё сказать.

— Прости, что я попросил тебя рассказать мне. Но спасибо, что ты настолько мне доверяешь, чтобы поведать всё это.

Я взглянула на него.

— Пожалуйста. Эй, где у тебя ванная?

Казалось, что его слегка оттолкнула моя быстрая смена темы. Указывая на дверь в гостиную комнату, он сказал.

— Прямо и налево.

— Спасибо.

Я встала и пошла в том направлении, что он мне указал. Дверь, через которую он велел мне пройти, оказалась его спальней. Я не думала о том, куда шла, просто хотела уйти и успокоиться. Нахождение здесь совсем не помогало. Вместо того чтобы задержаться, я направилась напрямик в ванную и заперла за собой дверь. Там было намного большее места, чем можно было ожидать от квартиры с одной спальней. В одном углу был душ, отделённый от джакузи. А в другом — дверь, ведущая в туалет. На самом деле мне не нужно было туда, так что я подошла к раковине. Тёрнер сохранил эту комнату очень нейтральной. Стены были белыми, а на вешалках висели бежевые полотенца. Это напомнило мне каталог «Джей Си Пенни». Не совсем то, что я ожидала увидеть в такой современной квартире. Предполагаю, каждому в жизни необходимо немного обыденности.

Включив кран, я ополоснула водой лицо. Она была прохладной и охлаждала мои измотанные нервы. Я была перегружена информацией. Я не сожалела о том, что рассказала ему, но этого было слишком много для одного вечера. У меня был долгий рабочий день, он видел меня с младенцем, и всё, чего я хотела сегодняшним вечером, — расслабляющийся ужин, вино и посмотреть, что же будет дальше между нами. Это уже давно назревало. Ладно, я знала, куда мы движемся. И ничего не имела против.

Выключив воду, я промокнула лицо мягким полотенцем, и вышла из ванной. Того, чего я точно не ожидала, так это встретить Тёрнера, который стоял в дверном проёме и тяжело дышал.

— Ты в порядке? — спросила я.

Он не ответил. Вместо этого подошел ко мне и снёс меня как товарный поезд. Схватил меня за талию, не оставляя мне никакого варианта, кроме как обернуть свои ноги вокруг него. Он не останавливался, пока не прижал меня к стене.

— Нет, я не в порядке, — он дышал мне в лицо. — Ты нужна мне.

Не было необходимости что-либо ещё говорить. Все мысли о том, что мы обсуждали десять минут назад, развеялись как дым. Сейчас же был чистый животный инстинкт, и у меня не было никакого намерения останавливаться. Его рот двигался вместе с моим в сокрушительном темпе, после чего, скорее всего, мои губы будут опухшими и искусанными. Открытые рты, борьба языков, и чистое желание кружило в воздухе, и я знала без тени сомнения, что не собиралась останавливать его, как бы далеко всё не зашло. Я нуждалась в нём точно так же, как он сказал, что нуждается во мне. Я хотела его внутри себя. Я хотела узнать, как он двигается и толкается в меня. Больше никаких соображений: «Что если?». Я возьму от него то, что хочу, и он не посмеет сказать мне «нет».

Его язык переплетался с моим с такой силой, которую я никогда не ощущала прежде. Он облизывал и посасывал мою нижнюю губу. Прикусывая, когда отдалялся, а затем возвращался для большего. Я вторила его движениям, почувствовав, что делаю с ним. Выпуклость в его джинсах заставляла меня хныкать от желания. Мои бёдра двигались вперёд, прижимаясь к нему. Я была мокрой и нуждалась в освобождении от напряжения, которое нарастало у меня между ног. Он отпустил меня, но я всё ещё пыталась прикусить его губу, стоя на цыпочках.

— Я хочу тебя в своей постели, обнаженной, Аннабель, — он произнёс мое имя так, как никогда прежде.

Я сняла свой топ и расстегнула джинсы.

— Больше? — подразнивала я, не понимая, откуда взялась эта смелая девушка.

— Сними всё. Не заставляй меня снова просить.

Я отступила до самой кровати, упираясь в неё ногами.

— Не вижу, чтобы ты делал то же самое.

Он сделал два шага ко мне.

— Ты хочешь, чтобы я снял футболку?

— Ммммм.

Заводя одну руку за голову, он потянул футболку за ворот, стянул её через голову и отбросил в сторону. Я уставилась на каждый рельефный изгиб его пресса и рёбер. Не было видно ни единого клочка волос, исчезающего под джинсами. Очертание того, что грозило вырваться из-под молнии джинсов, было таким соблазнительным, что у меня потекли слюни.

— Что теперь?

— Штаны, Тёрнер.

Он отрицательно покачал головой.

— По-моему, я просил об этом первым.

Я повернулась, демонстрируя ему свою спину. Расстегивая молнию, я зацепила пальцами пояс своих джинсов и стянула их вниз по ногам. Они достигли колен и упали на пол. Я сделала шаг и выскользнула из них, оглядываясь через плечо. Мои волосы достигали середины спины, прикрывая комплект черного дерзкого нижнего белья. Я не могла быть более признательна в этот момент, что являюсь преданной поклонницей красивого белья, даже, если никто его не видит, оно помогало быть более уверенной в себе в течение дня.

— Ты заставишь меня ждать? — спросила я, поворачиваясь к нему.

Уголок его рта приподнялся в дьявольской улыбке.

— Полагаю, что нет.

Я наблюдала за каждым его движением, пока он снимал свою одежду, оставшись стоять только в одних темно-синих боксерах. Мои ноги стали ватными, и я собиралась вылезти из кожи вон, если он вскоре не прикоснется ко мне.

— Иди сюда, — поманил он меня пальцем, заманивая присоединиться к нему.

Я покачала головой, отказываясь.

— Я не могу.

И я действительно не могла. Я приросла к месту. Если он не уложит меня на кровать, которая удерживала меня от падения, мне придётся встать на колени и умолять его дать мне то, чего я хочу. И сейчас я взяла бы от него всё, что угодно. Прошло слишком много времени, с тех пор как я была с мужчиной. Должно приравняться к греху то, как давно это было.

Он преодолел расстояние между нами и прижал своё крепкое тело к моему. Его кожа была теплой, тогда как моя ощущалась раскаленной. Его руки потянулись вверх, задевая мои плечи, и медленно опускались, пока не достигли локтей. Он схватил меня и уложил на кровать. Я подчинилась. Я лежала на мягком покрывале, а моя голова — на комфортной подушке. Он завис надо мной. Рядом с кроватью была прикроватная тумбочка. Он открыл ящик и вытащил серебристую упаковку. Он не скрывал, что вытащил презерватив. Это действительно происходило.

— Боже, как ты красива, — его глаза исследовали моё обнажённое тело.

Я чувствовала себя с ним красивой. Склонившись надо мной, Тёрнер разместил руки с обеих стороны от моей головы и уставился на меня. В комнате было практически темно, единственный свет исходил от луны, проникающей из панорамного окна, а также лился из гостиной. Музыка всё ещё играла, но я не могла толком её расслышать. В спальне эти звуки казались фоновым шумом, жужжащим в моих ушах. Мой клитор пульсировал, я нуждалась в его прикосновениях. Мои трусики промокли. Я жалела, что не сняла их. В конце концов, он хотел меня голой.

Его рот опустился на мой в обожающей и нежной манере. Он смаковал мои губы вместо того, чтобы поглощать их. Его зубы едва задевали слегка опухшую плоть. Я была заведена. Мне нравилось то, каким внимательным он был, но моя потребность сводила меня с ума. Мои руки зажили своей собственной жизнью. Одна, погладив Тёрнера по щеке, нырнула в его мягкие волосы, захватывая немного прядей и притягивая его ближе, вторая потянулась к спине, слегка царапая её ногтями. Он понял намёк. Его губы оставили мои и стали опускаться вниз по моей шее, оставляя дорожку плавящейся кожи и прохладной влажности

от его языка. Он добрался до чашечки моего лифчика, оттянул её рукой и сдвинул вниз под мою грудь. Мой сосок был напряжённым и затвердевшим. Он накрыл его своим тёплым ртом и слегка посасывал. Моё тело дрожало. Я ощущала каждое прикосновение его кружащего языка по бутону, делая его ещё более чувствительным. Он собирался убить меня.

— Тёрнер, пожалуйста, я хочу большего. Ты мне нужен. Прекрати дразнить меня.

Он не останавливался. Вместо этого открыл глаза, показывая мне яркий голубой цвет. Его зрачки расширились от жажды и похоти. В моей жизни не было никого, кто бы так сильно меня заводил.

— Ты хочешь большего? — Рукой он дотянулся до верха моих трусиков. Мои бедра приподнялись сами собой.

— О боже, да.

— Ты влажная?

Я не была сильна в грязных разговорчиках, но если это заставит его ласкать меня, я стану следующей лучшей порнозвездой.

— Вся промокла.

— Хорошая девочка.

Его пальцы скользнули в мои трусики и стали поглаживать мою киску. Они кружили по клитору, который ощущался таким набухшим от желания, что любое прикосновение могло спровоцировать оргазм. Тёрнер выпустил мой сосок и подул на него прохладным воздухом, заставляя меня задрожать.

— Слишком много, Тёрнер, — мои предложения стали короткими и рваными.

Он знал, что я готова. Помогая освободиться мне от кусочка кружева, который стоял на его пути, большими пальцы он коснулся моей киски и скользнул внутрь меня.

— Боже, ты такая мокрая, — простонал мне на ухо.

Я больше не могла ничего сказать. Слова оставили меня, а моё тело было пронизано инстинктами и ощущениями. Он доставлял мне удовольствие, будто знал моё тело лучше, чем я сама. Его пальцы изящно кружили по моему клитору. Они кружили один, два, три раза... и я сдалась. Мой первый оргазм прокатился через меня, как неуправляемый грохот волн. Он забрался на самый верх, достигая вершины и оставляя меня задыхающейся и бездыханной.

— Хмммм, это было хорошо, но я думаю, что ты можешь ещё, — произнес он, всё ещё потирая набухший комочек.

Я глубоко вздохнула и схватила его запястье, останавливая.

— Хм-м, может быть.

Он хотел увидеть мою веселую и кокетливую сторону, что ж, получи. Решив быть главной, я положила руку ему на грудь и толкнула его, чтобы иметь возможность сесть. Перевернувшись, он оказался в той же позе, что и я до этого — теперь Тёрнер лежал на спине. Я восхищалась телом, подобным Адонису, которое лежало подо мной. Другие мужчины, с которыми я была, не следили за собой так, как он. Его тело было скульптурным и красивым. Он был настоящим произведением искусства. Мужчины убили бы за такое тело, а женщины — истекли слюнками. Сегодня, оно было моим, и я хотела прикасаться к нему везде, где могла.

— Ты измотал меня, ты понимаешь это? — спросила я с дьявольским блеском в глазах.

— Может быть.

— Это было не очень мило, доктор Брукс.

— Я никогда не утверждал, что милый.

— Я это заметила.

Он приподнял свою бровь.

— Что это должно значить?

Я облизала свои губы.

— Думаю, тебе придётся подождать до тех пор, пока я не покажу тебе, каким именно «милым» ты был со мной.

Указательным пальцем я провела вниз по его груди, мимо пупка к резинке его боксеров. Раскрыв ладонь, я погладила его эрекцию, которая была настолько большой, что видимо, причиняла ему боль, будучи в подобной ловушке. Очень жаль, но я не готова была пока освобождать его. Я сделаю то же самое, что он сделал со мной. Мои пальцы блуждали по краю его пульсирующего члена и внутренней стороне бёдер. Я видела, как его член подскочил от необходимости прикосновений, но был проигнорирован. Тёрнер начинал злиться. Низкое рычание вырвалось из его горла.

— Аннабель, ты проверяешь моё самообладание?

Я ущипнула его за сосок.

— Ага? И что ты собираешься с этим делать?

Меньше чем через секунду я снова оказалась на спине, а Тёрнер навис надо мной. Он снял свои боксеры и потянулся к тумбочке за презервативом.

Я ухмыльнулась.

— Хочешь, чтобы я это сделала?

— Нет. — В его голосе слышалось нетерпение.

Я его очень возбудила. Я знаю, почему он вёл себя подобным образом, и не думаю, что у меня бы хватило терпения сделать это самостоятельно. Пока он раскатывал резинку по своему члену, я рассматривала его обнаженное тело. Его член был больше, чем я ожидала, соответствующей была и толщина, и я задумалась, не причинит ли он мне боли. Все мысли исчезли, когда Тёрнер взял свой член в руку и оказался у моего входа. Я знала, что это долго не продлится. Моя кожа горела, а он выглядел так, будто готов взойти на Эверест.

— Дай мне знать, если тебе будет больно.

Я кивнула.

Он проталкивал в меня головку, и я закрыла глаза, позволив себе чувствовать каждый дюйм, пока он медленно заполнял меня. Это было удивительно, я не хотела, чтобы это заканчивалось, нуждаясь в гораздо большем. Когда полностью оказался во мне, Тёрнер схватил мои бёдра и приподнял их так, что моя попа нависла над кроватью. Это обеспечивало более глубокое проникновение, его член задевал что-то внутри меня, чего я раньше никогда не чувствовала. Стон вырвался из моего горла.

— Тебе хорошо?

Я открыла глаза и увидела его дикий взгляд.

— Да.

— Хорошо, потому что я готов действовать дальше.

О чём он говорил? Но затем я поняла. Его медленный и спокойный темп превратился в более ритмичный, от которого моё тело воспарило. Кончик его члена задевал точку G, и что-то обжигающее зарождалось внизу живота. Чем быстрее он двигался, тем сильнее подскакивала моя грудь, а он наблюдал за этим. Ему нравилось смотреть, как она подымается, и как от ненасытного удовольствия меняется выражение моего лица. Мне

необходимо было кончить, я чувствовала себя камнем на вершине горы, который необходимо было подтолкнуть к краю, но я всё ещё была не готова.

Мои ногти впились в бедра Тёрнера, пот блестел на его груди. Я знала, чего хочу.

— Жестче, — потребовала я.

Стон вырвался из него. Он сдерживал своё собственное освобождение, ожидая меня, чтобы кончить вместе.

— Да, мэм.

Тёрнер врезался в меня, подталкивая к изголовью по кровати. Это было именно то, чего я хотела.

— О боже, да.

— Сейчас, Аннабелль.

Настолько интенсивный оргазм прошел сквозь меня, что моё тело чувствовалось наэлектризованным. Я произносила слова, которые были несвязными даже для меня, Тёрнер приподнялся на руках, неспособный удержаться на коленях. Я чувствовала, как он в последний раз толкнулся в меня, и пока мой оргазм всё ещё пульсировал, он кончил. Его бедра напряглись, и он прошептал моё имя. Затем громко выдохнул и глубоко задышал. Оборачивая свои руки вокруг него, я поглаживала его потную спину и массировала переутомившиеся мышцы.

— Ты в порядке? — пробормотал он, очевидно слишком уставший, чтобы двигаться. Это заставило меня улыбнуться.

— Более чем.

Он хмыкнул, а я засмеялась.

— Женщина, нет, — ругался он.

— Что?

— Ты сжимаешь меня, когда так смеёшься. Я не смогу выдержать это.

Ой. Я хотела захихикать от явной глупости, что он чувствовал себя таким уязвимым, но, если честно, если бы он начал сейчас двигаться, это, вероятно, превратилось бы в ещё один небольшой оргазм. Какое-то время мы молчали, слушая дыхание друг друга, и принимая то, что только что произошло. Мои глаза отяжелели. В конечном счете, он скатился с меня, встал и направился в ванную. Свет осветил комнату, и я наблюдала за тем, как он снял использованный презерватив и бросил его в мусорную корзину. Когда он вернулся, лег рядом со мной и притянул меня к себе. Мне никогда не нравились объятия, но эти были приятными. Я чувствовала себя в безопасности. Я была на верном пути.

— Спасибо, что поделилась кое-чем со мной сегодня. Я знаю, что это было для тебя нелегко, но мне было необходимо, чтобы ты впустила меня, Аннабелль.

Он был прав. Я это сделала. Когда я рассказала ему о младенце и своих родителях, никакого осуждения не последовало, только честность и понимание.

— Пожалуйста.

— Закрывай свои глаза, сладкая девочка. Я знаю, что ты очень устала.

Я прижалась к нему ещё ближе, его рука покоилась на моём бедре, а моя голова — на его груди.

— Хмммм, я...

Прежде, чем уснуть, я призналась себе, что эта ночь была одной из лучших в моей жизни. Счастье накрыло меня, и я чувствовала себя защищённой. Никаких опасений. Именно так и следовало жить.

Аннабелль

На следующее утро я проснулась в постели Тёрнера Брукса. Если это не был афродизиак само по себе, тогда я не знаю, чем это было. Мужчину, которого желало так много женщин, я поставила на колени. Прошлая ночь была невероятной. Плюс, не думаю, что когда-либо так хорошо высыпалась. Не потому, что эта кровать была особенно удобной, а потому что Тёрнер использовал моё тело и дал мне почувствовать то, чего я никогда раньше не чувствовала.

Когда я проснулась, открыв глаза и потягиваясь, увидела, что в постели его не было. По всему телу чувствовалась приятная истома. Интересно, где же он. Мой нос уловил аромат кофе, как только эта мысль сразу не пришла мне в голову. Кухня — он был на кухне. Поднимаясь, я осмотрела комнату. В свете дня всё представлялось немного иначе. Ладно, вообще-то вчера я не успела рассмотреть комнату, так как Тёрнер «отвлёк» меня. Я лежала на кровати огромных размеров, а темно-серое пуховое одеяло прикрывало моё обнаженное тело. Обстановка была достаточно необычной. У стены напротив кровати стоял деревянный комод со специально подобранными металлическими ручками. По правде говоря, спальня не была закончена, но она казалась простой и мужской. Полы выложены темной глянцевой плиткой. Панорамное окно открывало вид на часть Афин и общественный парк. Вид был ошеломляющим. Уверена, он заплатил много денег за это место. Я задалась вопросом, снимал ли он его или же, владел им.

Мне нужно было во что-то одеться и выпить чашечку кофе, чтобы окончательно проснуться. Долго не думая, я подошла к комоду Тёрнера и открыла верхний ящик, надеясь найти то, что искала. Бинго. Обычная белая футболка лежала сверху, и я достала её. Надеюсь, что он не будет возражать, но мне не хотелось надевать свою одежду после вчерашней ночи. Футболка выглядела на мне немного мешковатой и доходила до середины бедра. Прежде чем выйти, я посмотрелась в зеркало и тяжело вздохнула. Глаза ярко сияли, щёки пылали. Я выглядела... полной жизнью. Это единственная мысль, которая приходила мне в голову. Моим волосам не помешала бы расческа но, думаю, пальцев должно быть достаточно. Вау, я едва узнавала себя. Я усмехнулась. Это выглядело странным.

Когда я открыла дверь спальни, увидела Тёрнера, который стоял на кухне, наклонившись над столешницей и уставившись в газету. Его глаза поймали меня, как только я вышла.

— Доброе утро. — Я заправила волосы за ухо и посмотрела вниз.

— Доброе утро. — Он шагнул ко мне и приподнял мой подбородок. — Ну, как спалось? Я задумалась, «пахло» ли у меня изо рта.

— Вообще-то, хорошо.

— Ммм, хорошо. — Он наклонился и нежно поцеловал меня в губы. — Кофе? Я улыбнулась.

— Да, пожалуйста.

Выпустив меня из своих объятий, он пошел обратно на кухню. Достав чашку из шкафчика, он налил мне кофе и спросил, нужны ли мне сливки или сахар. Я кивнула. Он достал мне сливки и сахар, давая возможность самой добавить столько, сколько мне

нравится. Он наблюдал за мной, и я подумала, что он, наверное, пытается запомнить, что я люблю на случай, если я снова у него останусь.

Тёрнер выглядел привлекательным, опираясь на столешницу. Он был одет в обтягивающую футболку и спортивные шорты. Думаю, он побывал на пробежке.

— Хочешь есть? Я могу сделать яичницу с беконом. И у меня есть всё для блинов.

Мои босые ноги не издавали не единого звука, пока я обходила островок, направляясь к барному табурету.

— Нет, не беспокойся. Кофе вполне достаточно.

— Уверена? Потому что у меня также есть... — Он демонстративно вытащил коробку хлопьями из маленькой кладовки, — мои любимые, конечно.

Я захихикала.

— Конечно. Фруктовые хлопья, почему я не подумала об этом? — Я покачала головой. — Они так хорошо выглядят, и я не ела их целую вечность, но, думаю, обойдусь.

Он поставил их на столешницу.

— Ладно, я оставлю коробку здесь, если ты передумаешь.

Я сделала глоток очень горячего кофе.

— Спасибо.

Складывая газету, он продолжал смотреть на меня с забавным выражением.

— Что?

Одна сторона его рта приподнялась в улыбке.

— Тебе идет моя футболка, Аннабель. Я должен видеть тебя в ней чаще.

Наклонив голову, я почувствовала, как загорелись мои щеки.

— Да?

— Да, мэм. Даже утром, только проснувшись, ты выглядишь идеально.

Я покрутила кружку в руках.

— Даже не подозревала об этом, но ты ужасно милый сегодня утром.

— Мы же уяснили, что это является одним из моих многочисленных достойных восхищения качеств.

Я уставилась на него.

— Одним из многочисленных, — признала я с ухмылкой.

Он позволил мне сидеть и пить кофе, пока убирался на кухне после вчерашнего вечера. Мы снова в тишине наслаждались присутствием друг друга, пока он убирал небольшой беспорядок. Мне нравилось наблюдать за тем, как он передвигается по кухне. Для такого большого мужчины, он был достаточно изящным и щепетильным. Выбор профессии доктора был достаточно удачным для него. Его руки были безупречны. Не думаю, что он понимал, насколько методичен.

— Итак, чем бы ты хотела сегодня заняться? — спросил он, нарушая тишину.

Он хочет провести ещё один день вместе? Я думала об этом.

— На самом деле, я не знаю. На улице хорошо, но я не особый любитель прогулок.

— Ну что ж, мы уже выяснили, что ты не умеешь водить механику.

Это заявление казалось совершенно неожиданным, но искры в его глазах говорили о том, что он уже что-то запланировал.

— Нееетт, не умею, — протянула я.

— Хорошо. Тогда у нас есть планы. Мы можем заскочить к тебе домой, чтобы ты переоделась. Тебе лучше надеть что-то с длинными рукавами и джинсы.

— Тёрнер, на улице не так холодно.

Он усмехнулся.

— О, но будет в джипе с откидным верхом. Сегодня ты научишься водить мою малышку. Я в душ. Пожалуйста, почувствуй себя как дома, если хочешь, выпей ещё кофе или съешь что-нибудь. Я ненадолго.

Я сидела с открытым ртом. Он шутил? Что заставило его думать, что я могу водить джип? Я знала, что он был на механике, но честно говоря, не хотела садиться за руль. Он отлично им управлял. Поездка в автомобиле с откидным верхом была единственной привлекательной частью этой небольшой экскурсии. И куда он планировал отправиться? Я неизбежно врежусь во что-то или кого-то. Богом клянусь, я не буду нести ответственность за любой ущерб, нанесённый его машине или какому-нибудь человеку. Это было безумием.

Тёрнер вышел из спальни свежесмытым, его мокрые волосы торчали в разные стороны и смотрелись сексуально, как никогда. На нём была серая футболка и потёртые джинсы. Он явно был готов ехать по бездорожью или же испачкаться. Он выглядел так аппетитно.

— Готова идти?

— Уххх, конечно? — произнесла я в замешательстве.

— Бери свою одежду, и поехали. — Он взял свои ключи и положил бумажник в задний карман брюк.

Похоже, у меня не было выбора. Но был ли он у меня с тех пор, как всё это началось? Я вздохнула, зная, что лучше не спорить. Я пошла в спальню и надела свою одежду. Когда мы спустились в гараж к его джипу, Тёрнер запрыгнул на водительское сиденье, и мы рванули вниз по дороге, направляясь к моему дому, чтобы я тоже могла помыться.

— В пятнадцати милях отсюда есть несколько грунтовых дорог. Там мы поменяемся местами, — перекрикивал он ветер в моих ушах.

Верх был опущен и, учитывая скорость, с которой мы ехали, было достаточно прохладно. Мне не хотелось отвечать или кричать, чтобы он меня услышал, так что я держала свой рот на замке и ждала, пока мы не доберёмся до места назначения. В машине Тёрнера была хорошая звуковая система, и она звучала под шум ветра, хлещущего вокруг. Мои волосы падали на лицо, я поймала их и завязала в конский хвост. Я уже представляла, какой беспорядок будет у меня на голове к концу дня. Совсем скоро мы съехали на обочину дороги и оказались среди холмов и следов грязи. Это было больше похоже на трассу для кроссбайка, чем на дорогу, где можно ездить на джипе.

— Здесь? — спросила я.

— Ага, здесь. — Усмехнулся он. Тёрнер проехал вперед и остановился. — Ты готова? — Он расстегнул свой ремень безопасности и посмотрел на меня с надеждой.

— Так ты действительно хочешь, чтобы я это сделала?

— Да, мэм.

— Есть способ отговорить тебя от этого? Я действительно не хочу свернуть себе или тебе шею, — ворчала я.

— Заставь своё хмурое личико улыбнуться. Это легче, чем ты думаешь. Выпрыгивай и меняемся местами.

Я сделала так, как он просил, и пристегнулась.

— Хорошо, я уверен, что ты понимаешь концепцию механизма коробки передач. То, на что тебе следует обратить внимание и прочувствовать — это количество оборотов за минуту двигателя, которое отображается на тахометре. Ты услышишь рёв двигателя и поймёшь, что

нужно переключать передачу. Пока улавливаешь?

Я кивнула.

— Дави левой ногой вниз на педаль сцепления, пока она не будет упираться в пол. — Он смотрел, как я это делаю. — Теперь, я хочу, чтобы ты плавно нажала на педаль газа. Это должно происходить одновременно. — Тёрнер показывал мне на ручной привод, пытаясь объяснить. — Ничего страшного в том, что двигатель ревет нет, пока ты на первой передаче. Когда ты постепенно будешь отпускать ногу, выжимающую педаль сцепления, джип поедет вперёд. Готова попробовать?

Мои ладошки вспотели.

— Нет.

Он усмехнулся, положив руку на моё предплечье и сжав его.

— Расслабься, это весело и ты будешь удивлена, насколько это на самом деле просто.

— Это ты сейчас так говоришь, — пробормотала я себе под нос.

— Что-что?

— Ничего, — сказала я, закатив глаза.

В первую очередь я визуализировала движения, которые он показывал своими руками.

— Это равноценный обмен.

Верно. Моя нога выжимала сцепление, и я медленно поддала немного газу. Когда двигатель взревел, я плавно начала отпускать педаль сцепления. джип прополз вперёд пару дюймов, и я была в восторге.

— Мы едем! — улыбнулась я.

Очевидно, слишком взволнованная, я делала всё немного быстрее, чем была готова. Я отпустила левую ногу чуть раньше, чем выжала педаль газа, и джип резко дернулся вперёд. Тёрнер произнес что-то типа: «газу, газу, газу». Конечно же, было слишком поздно. Мы заглохли.

Он потёр руки.

— Ещё раз.

Я взглянула на него.

— Ты сумасшедший? Я сломаю твой чёртов джип. Это была твоя самая глупая идея, которая если о чём-то и говорит, то о том, что мы делаем какое-то безумное дерьмо, Тёрнер.

Безумный хохот, который вырывался из него, вызывал у меня улыбку, однако я сдержалась.

— Знаешь, сколько раз я глох прежде, чем действительно смог переключиться на вторую передачу? Я думал, что коробка передач на автомобиле моего отца выпадет к чёртовой матери. Не сдавайся. Давай ещё раз.

Я вздохнула. Так же, как и в первый раз, я опять заглохла. А затем снова, и снова. Я ударила руками по рулю и сыпала проклятиями себе под нос. Это была одна из самых неприятных вещей, которые я когда-либо пыталась сделать в своей жизни. Если он ещё раз скажет мне: «Ты сможешь», я клянусь — Тёрнер Брукс вернётся домой с фингалом под глазом.

— Хорошо, послушай, я знаю, что тебе надоело. Давай попробуем ещё один раз. Если не сработает, мы можем поменяться местами, и я устрою тебе небольшую прогулку по трассе.

— Ладно. — Я знала, что веду себя как обиженный ребенок, но мне было плевать. Если бы я стояла, то даже топнула ногой по земле.

Сделав глубокий вдох, я попыталась сосредоточиться. Делая всё так, как он мне

показывал в первый раз, я старалась не торопиться и была полна решимости, по крайней мере, переключиться на вторую передачу. Будто по моему желанию, машина поехала. Когда она начала катиться, я добавила немного газа и наконец-то смогла переключить передачу. Я завизжала.

— О мой Бог, я сделала это. — Я убрала обе ноги с педалей, джип дернулся вперед и заглох. Я рассмеялась. — Дерьмо.

Тёрнер улыбался от уха до уха и смотрел на меня так, будто я была самым интересным человеком на планете.

— Ты милая, знаешь об этом?

— Я милая? — Я всё ещё хихикала. — Ты же не думал, что я милая, когда я чуть не потеряла по дороге коробку передач от твоего автомобиля.

Он покачал головой.

— Не-а.

Стало тихо, и он уставился на меня.

— Что?

— Ничего, я просто думаю, что ты очень особенная девушка.

Я наклонила голову.

— Что ты имеешь в виду?

— Ты не такая, как другие девушки, с которыми я раньше встречался, Аннабелль. Ты просто... другая и всё. Прими это как комплимент.

Мои щёки запылали.

— Тогда, спасибо.

Я не знала, что ещё ответить. Произнесенные слова были такими милыми.

— Хорошо, хочешь, я сейчас по-настоящему быстро тебя прокачу?

Я улыбнулась, даже не подумав дважды об опасности или том, что могу испугаться. В этом момент я была свободна, и Тёрнер был тем, у кого были ключи от этой свободы.

— Поехали.

Это было абсолютное удовольствие. Никогда в своей жизни я не чувствовала себя настолько неосторожной и безответственной. Это была жизнь, и она была удивительной. У меня был парень, который являлся не чем иным, как чудом, хорошая работа, друзья, которые по-настоящему были со мной всякий раз, когда я в них нуждалась, и с каждой минутой Ноа становился сильнее. Я была счастлива.

11 глава

Тёрнер

Боже, она была так прекрасна. Нависающая надо мной, пока ветер слегка развеивал её светло-рыжие волосы. Местечко между её бровями блестело от пота, а улыбка, которая красовалась на её личике, не исчезла бы, даже если кто-то и попытался стереть её с лица. Такой счастливой я её ещё не видел. Стены были отодвинуты, сердце открыто и, думаю, что это была именно та Аннабелль, которая, вероятней всего, существовала до смерти её родителей. Я был счастлив, что мир послал мне её. В этот момент у меня не было и тени сомнения, что я сделаю всё, что в моих силах, чтобы удостовериться, что она останется такой до конца своих дней. Она заслужила такого рода свободу — быть той, кем

действительно являлась. Если я увижу, что она опять воздвигает вокруг себя стены, я удостоверюсь в том, чтобы она их отодвинула и увидела, что ей нечего бояться. Я сделаю для неё всё.

— Чему ты улыбаешься? — спросил я.

Она наклонилась, мой член всё ещё был похоронен глубоко внутри неё. Поцеловав кончик моего носа, она сказала.

— Ничему и всему.

— Отлично. Так и должно быть.

Аннабелль села и огляделась. Она искала свою одежду, которая была в паре футов от нас. Я наблюдал, как она на трясущихся ногах соскользнула с меня и встала. Её тело было невероятным. Округлое во всех правильных местах и такое совершенное для меня. Я потянулся и снял презерватив, завязывая его в узел. В отличие от прошлого раза, сейчас не чувствовалось никакой застенчивости, она не смущалась, стоя передо мной во всём своём великолепии. Она одевалась, не заботясь, что я уставился на неё. Я просто не мог больше этого выносить. После того как научил её управлять моим джипом, я нуждался в ней здесь и сейчас, так что я взял то, что хотел.

— Что такое, доктор Брукс?

— Просто наслаждаюсь видом.

Она прикусила свою губу. Клянусь, если она не остановится, всё закончится тем, что она снова будет полностью обнажена.

— Хмम्म, да, здесь красиво. — Её глаза, цвета морской волны осматривали территорию.

— Я вижу только тебя.

Она подняла мою футболку и бросила её мне в лицо, хихикая.

— Оденься, соблазнитель.

Я поймал её и натянул на себя. Аннабелль сложила одеяло, на котором мы были, а я направился к джипу. Когда я подошёл, услышал, что звонит телефон Аннабелль. Я посмотрел на экран и увидел, что это из больницы, но проигнорировал звонок. Это был её выходной. Они, вероятно, звонили, чтобы попросить её поработать сверхурочно или подменить кого-то. Только не сегодня. Сегодня она была моей. Я обошёл машину и проверил свой телефон. Её телефон зазвонил снова. Какого чёрта? Я поднял его и позвал Аннабелль.

— Эй, тебе звонят из больницы. Хочешь, чтобы я ответил?

Она не спеша подошла ко мне, выглядя полностью удовлетворенной.

— Конечно. И если они хотят, чтобы я вышла на работу, скажи им «нет». — Она засмеялась над собой.

Я провёл пальцем по экрану телефона.

— Привет, это доктор Брукс.

— Доктор Брукс? Извините, я пытаюсь связаться с Аннабелль, она рядом?

— Да, но она не может сейчас подойти к телефону.

— О, ладно. Хорошо, это Лорен — одна из медсестер отделения интенсивной терапии новорожденных. Я забочусь о маленьком мальчике, которого она часто навещает.

Нотки в её голосе заставили меня заволноваться.

— Я знаю кто ты, Лорен. Что случилось?

Она вздохнула, не желая мне рассказывать.

— Младенец... он, ух, у него произошла остановка сердца сегодня утром и, к

сожалению, доктора не смогли вернуть его к жизни. Он скончался около полудня. Мы думали, что она хотела бы знать.

Мое сердце сжалось. Всё вокруг меня рушилось.

— О, дерьмо. Хорошо, ну в общем, спасибо, что позвонили. — Возможно, это было грубо, но я бросил трубку.

Я смотрел, как Аннабелль подходила ко мне, улыбка всё ещё сияла на её личике, но это продлится ещё пару мгновений, поскольку я собирался сообщить ей новости, которые разрушат её. Как, чёрт возьми, я расскажу ей это? Она была так добра. Она была счастлива. Смерть Ноа была тем, что позволит ей опять выстроить тщательно охраняемую стену и стальные барьеры. Как я достучусь к ней тогда? Сейчас это не имело значение. Мои потребности были эгоистичными. Я должен был сообщить ей.

— Что они хотели? Медсестра нуждается в выходном и хочет, чтобы я вышла? — она произнесла это, как свою персональную шутку.

— Аннабелль. — Я произнес её имя. И этого было достаточно, чтобы она замерла. Беспокойство отразилось на её лице.

— Что? Что случилось?

Я не собирался удерживать это в себе больше, чем это было необходимо.

— Это была Лорен из ОИТН. Она позвонила, чтобы кое-что тебе сообщить.

Её голос дрожал.

— Что, чёрт возьми, происходит, Тёрнер?

— Это Ноа. У него развилась аритмия. Он не смог перенести этого, детка.

Не нужно было быть гением, чтобы понять, что она вот-вот рухнет. Я оббежал джип и поймал её прежде, чем она бы рухнула на землю. Посадил её так, чтобы она оказалась в колыбели моих рук, зачесывая назад её волосы, которые упали на лицо.

— Я не понимаю.

Я посмотрел в её глаза, они были наполнены слезами но, ни одну она так и не проронила.

— Я понимаю. К сожалению, иногда это происходит. Это могло бы быть что угодно.

Она мотала головой в отрицании.

— Нет, этого не может быть. Он был в порядке. Я навещала его вчера утром. Доктор сказал, что он идёт на поправку. Его показатели были хорошими, они хотели уменьшить дозу некоторых его лекарств. В этом нет смысла. Они уверены, что позвонили тому человеку?

Я наклонился к ней.

— Мне жаль, Аннабелль. Чем я могу помочь?

Она не ответила. Просто смотрела вдаль, сохраняя молчание. Её больше не было здесь со мной. Она была где-то в другом месте. Вспоминая что-то, чувствуя что-то, и для меня там не было места. Я поднялся с ней на руках и усадил её на пассажирское сиденье.

— Ты хочешь, чтобы я отвез тебя домой или вернёмся ко мне?

Снова тишина.

Я не знал, что делать. Это новая сторона Аннабелль, и я понятия не имел, как с этим справиться. Я не был знаком со смертью. Даже хуже, я не знал, как справиться со смертью младенца. Неуверенно пристегнув её ремень, я вернулся на водительское сиденье. Я не имел ни малейшего понятия куда ехать, так что сделал единственную вещь, которую посчитал правильной. Я повез её обратно к ней домой. Мы молчали всю дорогу. Нечего было сказать. Мы были за пределами города, возможно, в двадцати минутах езды но, когда ваша голова

полна вопросов без ответов и вы думаете о том, почему такие вещи происходят с хорошими людьми, эта часть пути кажется нереально длинной. Свернув на подъездную дорожку, я выхватил ключи из её сумочки и пошёл отпирать дверь. Аннабелль не последовала за мной, поэтому я вернулся в джип и отнёс её внутрь. Подбежал её кот, Чез, но даже он не мяукал, как обычно. Даже он понимал, что его хозяйке плохо.

Усадив девушку на кровать, я снял с неё обувь и спросил, нужно ли ей что-нибудь. Никакого ответа не последовало. Она легла и отвернулась лицом к стене. Я не думаю, что когда-либо в своей жизни чувствовал себя таким беспомощным. Должен ли я лечь рядом с ней и обнять её, чтобы она чувствовала, что я рядом? Или оставить её одну и проверить позже? Должен ли я пойти на кухню и приготовить что-нибудь, если, вдруг, она захочет поесть? Что, черт возьми, было бы правильным? Я выбрал первый вариант. Улегся позади неё, обернул свою руку вокруг её талии и притянул к своей груди. Я почувствовал, как она глубоко вздохнула и выдохнула. Она всё ещё не проронила ни единой слезинки, что я находил более тревожным, чем её молчание. Я знал, что она чувствовала себя разбитой, и то, как она любила Ноа, неизбежно повлечёт за собой море слёз, это был лишь вопрос времени. Ей необходимо было поплакать. Успокаивающими движениями я скользил по её животу своими большими пальцами. Я надеялся, что она хотя бы немного поспит. Пока же, я обдумывал, что мне делать дальше.

После того, как Аннабелль беспокойно ворочалась в течение получаса, она всё же уснула. Я успокаивал её так, как умел, а её кот запрыгнул на кровать и начал мурлыкать возле неё. Мне кажется, он давал ей больше утешения, чем был способен дать я. Когда её дыхание стало равномерным, я аккуратно вылез из кровати, не потревожив, и сделал следующую лучшую вещь, о которой мог подумать. Выйдя наружу, я позвонил своей маме.

— Привет, малыш, как ты? — Южный акцент моей мамы всегда был сладким, как конфета, когда она слышала своих мальчиков.

— Мама, кое-что произошло.

Я слышал, как она двигается и закрывает дверь.

— Извини, у меня гости. Что случилось, Тёрнер?

— Помнишь о ребенке, о котором тебе рассказывала Аннабелль? О котором она заботилась?

— Конечно.

— Сегодня ей сообщили, что он умер.

Мама ахнула.

— Господи Иисусе, что произошло? Как Аннабелль?

— Честно, мы пока не знаем подробностей, но его больше нет. — Я тяжело сглотнул. Я сам был подавлен. — Всё плохо, мам. Она не говорит, не плачет.

Ей потребовалось мгновение, чтобы ответить.

— Ладно, хорошо, мы все скорбим по-разному.

— Нет, мам, ты не понимаешь. Она потеряна. Я вижу это в её глазах, она сейчас не здесь. Как только я сказал ей, всё оборвалось, и она отдалилась. Я не знаю, что делать.

— Хорошо, малыш, все будет в порядке. Скажи мне, где вы находитесь, и я приеду. Ей, возможно, будет проще довериться другой женщине. Дело не в тебе, просто она очень осмотрительная девушка. Это было видно с самого начала. Я понимаю, что заставило её закрыться.

Возможно, она была права. Возможно, Аннабелль нуждалась в женщине, с которой

могла бы поговорить. Возможно, я не был для неё тем источником утешения, который ей был необходим.

Я продиктовал маме адрес и сказал, чтобы она приезжала, когда захочет, и то, что Аннабелль пока спит и, вероятно, именно в этом она сейчас нуждалась. Мама согласилась и сказала, что приедет через пару часов. Я решил, что у меня будет достаточно времени, чтобы взять себя в руки и выяснить, в чём нуждается моя девочка.

Время летело, но замедлялось каждый раз, когда я смотрел на часы. Аннабелль всё ещё была в постели. Она просыпалась один раз, я как раз вошёл спросить, голодна ли она, и принёс ей стакан воды с аспирином. Она отказалась. С тех пор как мы приехали, она произнесла только два слова, и теперь я не мог дождаться своей мамы, чтобы увидеть, что она сможет сделать.

Раздался звонок в дверь. Аннабелль посмотрела на меня, а я виновато взглянул на неё.

— Я позвонил своей маме. Извини, если я тебя расстроил, но, думаю, тебе нужен кто-то, кроме меня.

Она просто кивнула.

Подойдя к двери, я впустил свою маму и забрал её сумочку.

— Где она?

— Дальше по коридору, последняя дверь слева.

Не теряя времени, она направилась в том направлении, что я ей указал. Я последовал за ней. Войдя в комнату, я увидел, что Аннабелль всё ещё лежала, повернувшись лицом к двери. Её выражение лица было решительным. Она знала, что ей будут задавать вопросы и, похоже, набралась решимости для дачи отпора. Но этого не произошло. Моя мама в своей обычной манере точно знала, что требуется. Она взглянула на Аннабелль, и вместо пятидесяти вопросов, которых, я думаю, мы оба ожидали, подошла к ней, приподняла её голову и положила себе колени. Я наблюдал, как мама нежно поглаживала волосы Аннабелль и начала напевать колыбельную, которую она пела моим братьям и мне, когда мы были маленькими и плохо себя чувствовали.

Она растаяла.

Слёзы наполнили её глаза и впервые за всё время, она дала волю чувствам. Моя мама ворковала с ней, говоря, что всё будет хорошо. Она просто позволила ей чувствовать без всякого принуждения. Именно тогда я понял, что сделал правильный выбор, попросив её приехать. Аннабелль нуждалась в маме. Она нуждалась в прикосновении матери, чтобы почувствовать, что в её жизни всё будет хорошо, несмотря на то, что ей больно.

— Я дала ему имя. Тёрнер был единственным, кому я рассказала, — её голос был хриплым ото сна и молчания.

— Ты это сделала? Хорошо, я уверена, что оно было особенным, — ответила моя мама.

— Ноа. Это было вторым именем моего папы.

Я не знал этого. Она никогда не делилась этим кусочком информации со мной.

— Ноа — хорошее и сильное имя. Похоже, он был борцом.

Новая волна слёз и рыданий обрушилась на её тело.

— Был, а теперь его нет.

— Я не знаю, какого ты вероисповедания, милая, но твердо верю, что у Бога есть планы на каждого из нас. Когда приходит наше время, нас призывают обратно к нему, потому что мы нужны в другом месте, и тех из нас, кто остается, это учит жить по-другому. У Ноа была своя цель. Что за цель была... ладно, это зависит от тебя — найдёшь ли ты ответ.

Я мог бы сказать, что она обдумывала эту мысль. Не думаю, что Аннабелль была очень религиозным человеком, однако, тем или иным способом все мы во что-то верим. Если слова моей мамы давали ей утешение, то ей-Богу, я надеюсь, что она продолжит разговаривать. Я не хотел вторгаться в их момент спокойствия и уединения, поэтому отступил назад и закрыл дверь. Войдя в гостиную, я сел на диван и уронил голову на руки, запуская в волосы пальцы. Моя мама давала тот же покой и мне. Я не смог бы справиться с этим в одиночку, и был в недоумении, как утешить человека, которого никогда не хотел бы увидеть страдающим, потому, что это было сложнее, чем я когда-либо мог себе представить. Откинувшись назад, я положил голову на спинку дивана и закрыл глаза. Ну и денёк.

Я понятия не имел, сколько времени прошло, я проснулся от того, что мама коснулась моей ноги и шепнула, что уходит. Я даже не понял, что задремал.

— Где она?

Её глаза были красными, и я знал, что она плакала вместе с моей девушкой.

— Она снова уснула.

Я кивнул.

— Спасибо, что приехала.

— Пожалуйста, сынок.

— Я не знал, что ещё сделать, мама. Как будто, когда я сказал ей, что он ушёл, ушла и она.

Она наклонилась вперёд и погладила меня по щеке.

— Я не знаю, что значит потерять ребёнка. Слушая, как Аннабелль рассказывает об этом младенце за ужином, как много обожания было в её голосе, было понятно, что он был особенным для неё. — Мама опустила руку. — Она любила его, как своего собственного, Тёрнер. Я не знаю, как и почему она привязалась к нему, но очевидно, у неё была причина. Бедная девочка видела слишком много потерь в своей жизни, и это было ещё одним знаком для неё, чтобы уверовать в то, что мир — жестокое место, которое причиняет ей только боль, если она позволяет ему.

— Хорошо, но я не хочу, чтобы она опять закрылась от меня. Это то, что меня сейчас больше всего беспокоит. Потребовалось время, чтобы заставить её раскрыться, и даже после этого она остерегается.

— У неё есть причины.

— Я знаю.

Мама подарила мне мягкую улыбку.

— Одно дело за раз, Тёрнер. Ты не можешь исцелить всех. Покажи ей, что ты рядом, и она скажет тебе, в чём нуждается. — Она встала и подошла к двери.

— Ты можешь вести машину, или мне следует позвонить папе и попросить его подобрать тебя?

— Я в порядке. Я позвоню завтра утром, чтобы узнать, как она. У меня есть несколько вещей, которые я хотела бы сделать, и мне нужно будет узнать твоё мнение.

Моя мама была всегда чем-то занята.

— Звучит заманчиво.

Она закрыла за собой дверь, и дом погрузился в тишину. Что за дерьмовое окончание дня, в котором было так много потенциала. Решив, что я должен увидеть Аннабелль и почувствовать её, я вернулся в комнату. Она лежала на спине, положив руки на живот. По крайней мере, она выглядела спокойной. Сняв футболку, я подошёл и прилег рядом с ней. Я

не хотел давить на неё, но также хотел удостовериться, что она знает, что я здесь. Я накрыл её руку своей, и по ее желанию, Аннабелль переплела пальцы с моими. Она сделала рваный вздох. Такой же, как у ребенка, который слишком много плакал. Я оставил между нами пространство и всё же находился на расстоянии вытянутой руки, если она будет во мне нуждаться. Пока этого было достаточно.

12 глава

Аннабелль

Прошло два дня с тех пор, как Ноа отошёл в мир иной. Мои смены в больнице были распределены между другими медсёстрами, а я заперлась у себя дома. Я не хотела никуда выходить и что-либо делать. Я не могла справиться с этим. Ребёнок, который пришёл в этот мир при наихудших обстоятельствах, был совершенно невинным и так хотел жить. Он боролся и начал поправляться, а затем умер, будто не имел ни для кого никакого значения. Хотя, имел. Он имел значение для меня. Я заботилась о нём, уделяла ему время, я любила его и показывала ему свою любовь. Его никчемная мать бросила его. Ни один ребенок не заслуживает такой жестокости. У меня не было никакого намерения усыновлять его или что-то ещё в этом роде, но я бы проследила за тем, чтобы кто-то достойный оказался рядом с ним. Я была далека от готовности завести своего собственного ребёнка. На самом деле, сама идея завести ребёнка пугала меня так сильно, что я пришла к выводу, что скорей всего не буду заводить собственных детей. Я видела, как дети появляются на свет. То, как родители относились к своим маленьким чадам, только поддерживало это соображение в будущем.

Родить ребенка — решиться на то, чтобы твое сердце отныне и навсегда разгуливало вне твоего тела.

После смерти родителей я была слишком обеспокоена, чтобы даже думать о рождении детей. Тёрнер ни на шаг не отходил от меня с тех пор, как мы узнали о Ноа. Я не знала, как поговорить с ним о моём горе. Я пробовала вчера, но ничто не смогла промолвить. Поэтому продолжала кивать головой и выполнять те действия, которые ожидалось от меня, чтобы показать, что со мной всё в порядке. Я слишком рано узнала что, когда кто-то отходит в мир иной, люди вокруг тебя хотят и нуждаются в том, чтобы у тебя всё было хорошо так, чтобы они могли продолжать жить своей собственной жизнью. Было ли это эгоистично с их стороны? Я понятия не имела. Но также я могла сказать, что Тёрнер мог быть рядом со мной. Он не просто наблюдал за мной, он изучал меня. Мне должно было быть некомфортно от этого, но нет. Его присутствие было приятным, и он ни разу не вынудил меня поговорить о чём-нибудь. Он не просил меня плакать, или рассказать, как я себя чувствую. Он просто был рядом. Но я знала, что он чувствовал меня. Что-то скрывалось под поверхностью этих голубых глаз, которые наблюдали за мной. Пока он давал мне понять, что рядом, этого было достаточно.

Сегодня был ещё один день, когда я проснулась с тем же пустым чувством, которое ощущала последние три дня. Ноа не было, но был страх того, что жизнь может трагически обернуться для меня или любого, кого я знала. Я повернулась на кровати и почувствовала запах свежесваренного кофе. Хмурясь, я села и потеряла глаза. Такая жизнь не могла быть идеальной. Пришло время показаться на глаза Тёрнеру, чтобы потом иметь возможность вернуться в свою комнату и ещё немного поспать. Оставляя свою удобную кровать, я

взглянула в зеркало.

Фууу, срань господня!

На моей макушке было гнездо, которое идеально подходило паре птенцов, а под глазами «красовались» черные круги. Я попыталась пробежаться пальцами по густым волосам, но неудачно. Они застряли в колтунах, и я сдалась. Я расправила плечи и выдохнула — это не имеет значения. Тёрнер не задержится надолго. Он устанет от моего отношения и уйдет.

— Доброе утро, красавица, — поприветствовал меня Тёрнер. Будучи без футболки и в спортивных штанах, которые низко висели у него на бёдрах, он опирался на кухонную стойку. Мог ли V-образный силуэт его тела выглядеть ещё лучше? Даже в моём душевном состоянии я была вполне способна оценить мужчину, который стоял передо мной. Он повернулся и протянул мне чашку. Простое движение заставило мои губы раскрыться. Когда он вручал мне чашку, его голубые глаза задержались на моих. Там, под поверхностью, был обжигающий огонь, который, как я видела, разгорался. О мой...

— Доброе, — прохрипела я.

Он сделала глоток кофе и спросил.

— Как спалось?

Я стряхнула греховные мысли и ответила.

— Как-то так.

— Беспокойно?

Я нахмурилась.

— Нет. Без сновидений.

Он поставил свою чашку.

— Звучит скучно.

Какого чёрта?

— Извини, что утомляю тебя. — Я подошла к кофейнику и налила себе чашку кофе.

— Аннабель, ты не утомляешь меня. Ты недопоняла меня. Бери свою чашку и выходи на веранду.

Он вышел через раздвижную стеклянную дверь, оставив меня подуть о том, что же всё-таки происходит.

Я добавила немного сливок и сахара в кофе в кружку с надписью «Следуй за своей мечтой». Ирония была в том, что я последовала за ним. Тёрнер сидел в кресле моего отца. Я остановилась и задумалась над тем, что я чувствовала, видя его в этом кресле. Это было особое место, и только тому, кто что-то значил для меня, было позволено сидеть в нём. После того как мои родители умерли, я охраняла это кресло ценой собственной жизни ото всех дальних родственников и друзей, которые приходили и выходили из этого дома. Никто не сидел в нём, кроме моего отца и меня. И с тех пор, как его не стало, это место было только моим. Тысяча эмоций бурлило во мне, но ни одна не была гневом или искушением сказать ему, чтобы он пересел. Тёрнер приветствовался в нём, и мне было более чем просто хорошо от этого.

— Ты собираешься стоять там и смотреть на меня, или планируешь подойти и поговорить со мной?

Я приподняла бровь, несмотря на то, что он этого не видел.

— Ты всегда такой властный и требовательный?

— Нет. Я могу быть ещё хуже, — констатировал он.

Здорово. Бог его знает, на что это действительно было похоже. Я подошла и встала напротив него, демонстративно опираясь на перила и показывая безразличие к его нахальности.

— Что новенького? — Он хотел засмеяться, но не стал. Вместо этого выражение его лица стало серьёзным.

— Мы собираемся сделать сегодня нечто иное. Я знаю, что ты, вероятно, хочешь допить свой кофе и обратно лечь, чтобы пропустить и этот день, но не сегодня.

Моё сердце ускорило темп.

— О чём ты говоришь, Тёрнер?

— Когда ты закончишь завтракать... — Он кивнул на мою чашку. — Мне необходимо, чтобы ты приняла приятный, длительный, расслабляющий мышцы душ, а затем собралась для сегодняшнего дня. Я подготовлю для тебя одежду. Мы должны кое-где быть этим утром.

Я заняла оборонительную позицию. Он не вынудит меня покинуть дом только потому, что не хочет больше оставаться здесь.

— Нет. Ты можешь идти и делать, что угодно, но я не в настроении делать что-либо.

— Я не спрашиваю, Аннабелль.

— Так же, как и я. — Я расправила плечи.

Он вздохнул, выглядя несколько побежденным.

— Пожалуйста. Я не собираюсь заставлять тебя делать то, чего ты не хочешь, но это то, что, как мне кажется, тебе необходимо.

— И что же это?

Он покачал головой.

— Я не скажу. Ты будешь бороться со мной не на жизнь, а на смерть, и, откровенно говоря, не думаю, что ты готова к этой битве.

— Я не в настроении для одного из твоих сумасшедше свиданий, Тёрнер.

Он выглядел оскорбленным.

— Я не веду тебя на свидание.

Ладно, теперь уже я была в замешательстве. Если это не сумасшедшее свидание, то куда ещё он хотел меня вытащить пинками и криками?

— Я хочу иметь представление, что происходит, хорошо? Я признаю, что обеспокоена тем, что покину пределы своей зоны комфорта. Но ты должен, по крайней мере, понимать это.

Его глаза смягчились.

— Я понимаю. Мы встречаемся с моей мамой. Она попросила меня привести тебя кое-куда, и я обещал, что сделаю это. Так что, не будешь ли ты так любезна? Если не для меня то, по крайней мере, попытайся ради неё?

Теперь в игре была и мама. Что, ради всего святого, Донна припасла для меня сегодня? Она заходила проверить меня несколько раз, возможно, даже больше, пока я спала. Она была единственной, кому я доверила свои истинные чувства к Ноа. Она была мамой четырех мальчиков. Что-то очень материнское просыпалось во мне, когда речь шла о ребёнке. Это было неожиданно, но по её мнению, она чувствовала то же самое, что и я. Она поделилась со мной историей о том, что, когда родился Камден, с ним творилось нечто ужасное. Оказывается, что у него было небольшое нарушение сердечного ритма и шумы. Когда это твой ребенок и он не здоров, твой мир останавливается. Ты задаешься вопросами, почему эти вещи происходят именно с тобой и твоим ребенком. Ноа, возможно, и не был моим, но я

любила его. Я чувствовала, что меня тянет к нему с момента его рождения, а его собственная мать не хотела даже дать ему имя. Я пообещала себе, что покажу ему, что значит нежное прикосновение. Донна высоко оценила меня за безусловную любовь. Она сказала, что в этом и заключается материнство. Я не была уверена, что это именно оно, но я пыталась.

Поскольку это было ради Донны, я не сопротивлялась ему. Я обхватила свою чашку обеими руками и кивнула. Тёрнер встал, подошел ко мне и поцеловал в лоб. Я закрыла глаза и смаковала это чувство. Он был таким теплым, в то время как я чувствовала себя такой холодной. Затем он отстранился и вернулся в дом, давая мне время побыть наедине с собой, как будто я уже не перенасытилась этим. Я вылила оставшийся кофе за перила, не желая допивать его. Время души.

Мне не потребовалось много времени, чтобы помыться. Хотя, мои волосы были явно в настроении побороться сегодня. Я победила. Когда вышла из душевой кабины, обёрнутая полотенцем, то заметила, что Тёрнер сдержал своё слово — на кровати лежали черные брюки и топ с рукавом три четверти насыщенного бордового цвета. Это было более причудливо, чем я ожидала. Куда мы идем? Я вздохнула. Вероятно, обедать в загородный клуб или что-то в этом роде. Что-то, ради чего Донна вытащила меня из дома. Я хотела задобрить её. Правда, я была не в настроении наносить макияж. Я собрала свои волосы наверх, пока они всё ещё были мокрыми, нанесла немного бесцветного блеска на губы и направилась в гостиную. Тёрнер уже был одет. Не нем были черные слаксы и белая классическая рубашка на пуговицах. Разве так одеваются в загородный клуб? Я не была ни в одном, так что всё возможно.

— Ты хорошо выглядишь, — Тёрнер сделал мне комплимент, когда я попала в поле его зрение.

— Спасибо. Так же, как и ты.

Он встал и схватил свои ключи.

— Хорошо, поехали.

Я хотела спросить, куда мы направляемся, но знала, что он не ответит. Если бы я должна была знать, куда мы едем, то уже была бы в курсе. Пока мы были на подъездной дорожке, он написал кому-то сообщение, но затем выключил телефон, и мы выехали на дорогу. Я предположила, что адресовано оно было его маме. Поездка была молчаливой. Честно говоря, нечего было сказать. Я закрыла глаза и расслабилась. Покинуть свой безопасный дом оказалось сложнее, чем я предполагала. Каждый автомобиль, проезжающий мимо, заставлял меня задаваться вопросом: пересекут ли они двойную сплошную линию и столкнутся с нами? Каждый поворот, на который заруливал Тёрнер, подвергался сомнению: не слишком ли быстро он ехал, и не перевернёмся ли мы? Закрыть глаза от внешнего мира было единственным способом пережить эту поездку.

Я не обращала внимания на время, в какую сторону мы ехали или как выглядели окрестности. Но когда я почувствовала, что автомобиль плавно останавливается, я открыла глаза и увидела, где была: все до единой эмоции, присущие человеку, пронеслись сквозь меня. Я почувствовала на себе взгляд Тёрнера, но клянусь, если я скажу что-нибудь прямо сейчас — это не будет милым. Как он мог? Как могла Донна? Я осмотрела территорию. Я знала, где была, но как они узнали? Они что, искали? Полагаю, для этого не потребовалось много времени. Но это не те вещи, о которых печатали газеты, когда подобное случалось.

— Аннабель? — спросил Тёрнер спокойно.

Я сглотнула. У меня пересохло во рту, и мне хотелось кашлять. Нет, даже хуже, мне

хотелось блевать. Я никогда не приходила сюда. И он знал об этом.

— Аннабелль, — повторил он.

Многочисленные ряды надгробий простирались на безупречной зеленой траве. Холмистая местность была такой же, как я её и запомнила. Мы находились за пределами города. Небо было ярко-голубым, но воздух был свежим и прохладным — признак того, что осень была уже не за горами. Это выглядело бы красиво, если бы мы были в другом месте, а не на кладбище. Я не была здесь годами. В действительности, с того самого дня, как моих родителей предали земле.

— Нет, Тёрнер. — Мой голос дрожал.

Он потянулся к моей руке, но я отшатнулась.

— Послушай, я понимаю, что это, вероятней всего, шокирует тебя, но думаю, есть кое-что, что ты должна увидеть.

— Здесь нет ничего, что мне необходимо увидеть, увези меня, нахрен, отсюда.

— Нет.

— Ты, бл*дь, разыгрываешь меня? Я не хочу здесь находиться.

Он приподнял бровь. Я никогда раньше не произносила этого слова перед ним, но сказала, чтобы он понял, что я не шутила.

— Я в ответе за то, что привёз тебя сюда, так что, пожалуйста, последуй за мной?

— Я уйду. Если ты не отвезешь меня домой, я дойду пешком. — Я вышла из машины и хлопнула дверью. Я только сделала несколько шагов, как услышала, что его дверь закрылась, и он оказался передо мной, блокируя мой единственный выход наружу из черных железных ворот.

— Клянусь, Аннабелль, или я переброшу тебя через плечо и отнесу туда, но я прошу тебя не заставлять меня этого делать.

Я нахмурила лоб.

— Отнесешь меня туда? Я сказала тебе как-то ночью, что никогда не хотела бы появляться здесь снова. В этом нет никакого смысла.

— Сейчас есть. Шевели задницей, — разозлился он.

Я заставляла его нервничать.

— Не смей злиться на меня. Ты не имел никакого права привозить меня сюда. Seriously, я бл*дь, доверилась тебе, рассказала тебе вещи, о которых не говорила ни одной живой душе. А потом делаешь то, что настолько чертовски жестоко и бесчувственно. — Я пыталась обойти вокруг него, но остановилась, когда услышала голос Донны.

— Это был не он, милая, это была я. Он только сделал то, о чём я попросила. — Я даже не слышала, как она подошла.

Я смотрела на неё, открыв рот. Затем покачала своей головой из стороны в сторону.

— Зачем?

Она подошла ко мне и схватила меня за руку, обхватывая её своими руками.

— Следуй за мной.

Донна отпустила меня и начала удаляться. Взглянув на Тёрнера, я увидела, как он одними губами сказал «прости» и последовал за своей мамой. Его семья официально утратила рассудок. Какое дело у меня могло быть здесь? Я попрощалась с родителями в тот день, когда их предали земле. Она хотела, чтобы я села и поговорила с ними? Извините, но я не была одной из тех людей. Я не приходила сюда, не лежала на травке и разговаривала с ними, будто они могли меня слышать. Если и было место, где я чувствовала своих

родителей, это был дом. Я упёрла руки в бока, чувствуя себя абсолютно побежденной. Я не хотела сопротивляться, но и не желала оставаться здесь. Расправив плечи, я согласилась сделать то, что она хотела, чтобы потом иметь возможность убраться отсюда, высоко задрав хвост. Донна не услышит обо мне ещё долгое время. Она должна была понимать, что это плохо. В действительности, я также не была уверена в том, что не объявлю после всего этого Тёрнеру бойкот. Я знала только одну вещь, когда я вернусь домой, то попрошу его уйти. Это всё было слишком жестоко.

Неохотно, я плелась позади них, держась на расстоянии. Я обдумала все возможные причины, по которым меня притащили сюда, но никак не ожидала увидеть остальную часть клана Бруксов. Они стояли там, рядом со свежевырытой могилой и маленьким гробом... для младенца. Я перестала идти, прикрывая рот рукой. Я задышалась и трясла головой из стороны в сторону. Тёрнер слышал меня и хотел прийти мне на помощь. Но Донна удержала его и попросила присоединиться к остальным. Когда она приблизилась ко мне, то была очень осторожна.

— Всё будет хорошо, — сказала она мне.

Мой рот открылся и закрылся.

— Это...? — Я не хотела заканчивать.

Она кивнула.

— Я сделала несколько звонков. Я знаю, что ты, скорее всего, не хотела бы здесь быть или делать это, но, когда эта боль начнет утихать, и ты подумаешь о Ноа, я хочу, чтобы ты точно знала, где он, и что у него есть своё место... с тобой.

Слёзы хлынули из моих глаз. Я не могла найти слов. Гнев, который я ощущала до этого, был отодвинут в сторону, а печаль просочилась сквозь меня.

— Но остальная часть вашей семьи здесь.

Она выглядела смущенной.

— Конечно, здесь. Разве ты не знаешь почему?

Я покачала своей головой в неведении.

Безмятежная улыбка тронула её губы.

— Поскольку, милая, мой Тёрнер влюблен в тебя. В тот момент, когда я это увидела, ты стала членом нашей семьи, и это значит, что мы все здесь ради тебя.

— Я не понимаю.

— Поймёшь. Пойдём.

Она подвела меня к ним.

Тёрнер взял меня за руку и сжал её. Пол вышел вперёд и заговорил:

— Аннабелль, я хочу, чтобы ты знала, что мы все глубоко сожалеем о твоей утрате. Слишком много испытаний выпало на твою долю и, тем не менее, ты выдержала всё это с достоинством и честью. Вместо того чтобы спрятаться от всего, что Бог приготовил для тебя, ты показала настойчивость в самое тяжелое для тебя время. — Он сделал паузу и посмотрел прямо на меня. — А теперь ещё и это. Я знаю, что никто из нас не может по-настоящему понять, как ты себя чувствуешь сейчас или в течение последних дней, но мы бы хотели, чтобы ты знала, что ты член нашей семьи. Ты — часть чего-то большего, чем считаешь. Донна и я, и, конечно же, наши мальчики здесь ради тебя. Если ты в чём-то когда-либо будешь нуждаться — всё, что тебе нужно будет сделать, просто попросить. Хотя мы можем быть весьма любопытными и предполагать, что сами знаем, что будет лучше для тебя. — Все издали небольшой смешок. — Я уверен, что ты сама это поняла, учитывая, что

сделала моя жена. Это не традиционные похороны или что-то в этом роде. Потому что Донна хотела сделать всё простым, так как Ноа заслужил это место упокоения, а ты, моя дорогая, заслуживаешь душевного покоя и осознания того, что у тебя есть место среди нас так же, как и у него.

Я не могла больше сдерживаться. Мои слёзы превратились в реку, и я была переполнена рыданиями. Никогда в жизни я не могла бы и подумать, что люди будут так заботиться обо мне, чтобы сделать нечто подобное. Пол ещё не закончил. Как только он произнёс последние слова, отступил в сторону. Я была слишком озабочена происходящим и гробом младенца, что даже не заметила того, что было позади него. Это было небольшое надгробие, на котором было написано:

Младенец Ноа

21 октября 2015 г.

Любим одной, важен для многих.

Я упала на колени. Тёрнер попытался поймать меня, но я оттолкнула его прочь. Я нуждалась в пространстве.

— О боже, — прошептала я. Обеими руками прикрыв рот, я почувствовала, что мои щёки были мокрыми от слёз. — Я никогда даже не думала... — умолкла я, переполненная эмоциями. Мне всё ещё не верилось, что в мире существовали такие щедрые люди или же люди, которые считали нормальным делать такие добрые дела.

Я взглянула на каждого вокруг себя, пока они наблюдали за мной. Тёрнер, Донна, Пол, Ригли, Доджер, Камден и Киган. Мейси здесь не было, но это к лучшему.

— Семья, — сказала я вслух. — Вот, что такое семья.

Тёрнер опустил на колени рядом со мной.

— Да, красавица, это семья. — Он поцеловал меня в лоб и вытер слёзы, которые котились по щекам.

— Спасибо, — прошептала я.

Киган шмыгнула носом, и Камден её обнял.

— Рассказать какую-нибудь шутку, чтобы поднять настроение? — спросил Ригли.

Доджер дал ему подзатыльник. Думаю, попытки рассмешить людей были его защитной реакцией от всего, что заставляло его чувствовать себя неловко.

— Господи, в этом районе мёртвая тишина, — проворчал он.

— Риг, подожди нас в машине, лады? — вздохнул Пол.

Мне хотелось захихикать. Я ничего не могла с собой поделать.

— Ему не обязательно уходить. Всё в порядке. — Протягивая мне руку, Ригли предложил помочь мне подняться. Тёрнер зарычал. А я взяла его за руку и встала.

— Ты моя девочка, Белль.

— Спасибо. — Просияла я. — В действительности, спасибо вам всем. Особенно вам Донна. Я не понимаю, откуда вы знали, что нужно сделать, но вы это сделали. Я уже успела забыть, как потрясающе быть частью семьи. Ноа был очень особенным мальчиком. Я хотела, чтобы он узнал и почувствовал за свою короткую жизнь любовь. Надеюсь, он узнал. — Одинокая слеза скатилась по моему лицу.

— Без сомнения, он узнал, — сказал Тёрнер, притягивая меня в объятия.

— У вас будут неприятности, мистер, — пробормотала я ему в грудь.

— Я меньшего и не ожидал, — ответил он.

Работник кладбища приблизился к нам и спросил, может ли он опускать гроб в землю. Он сказал, что мы можем поприсутствовать, если хотим. Я не хотела. Всего этого было слишком много для одного дня, и я чувствовала, что могу вырубиться.

— Вы двое, хотите прийти к нам на ужин? Я могу приготовить что-нибудь на скорую руку, — предложила Донна. — В действительности, я бы хотела, чтобы все вы пришли, мальчики.

— Спасибо, мам. Но у нас есть некоторые планы с Аннабелль. — Я перевела взгляд на Тёрнера.

— Что теперь?

— Увидишь.

Круто! Он может и не дожить до завтра, осыпая меня неожиданностями весь день.

— О, Донна? — Я окликнула её, прежде чем она ушла далеко.

— Да, дорогая?

Я посмотрела в землю и проглотила ком в горле.

— Ссс-пасибо. За это. За всё это. От меня и Ноа. Это было большее, чем я когда-либо могла ожидать или хотеть.

Её взгляд смягчился. Она шагнула ко мне и притянула в самые заботливые и материнские объятия, которые я получала только от своей мамы.

— Всегда.

Она развернулась и ушла. Семья... действительно являлась краеугольным камнем и основой того, кто мы есть.

— Тёрнер, — предупредила его я.

— Прежде чем ты что-либо скажешь, просто выслушай меня.

— Нет. Нет, нет, нет. И я имею в виду абсолютное нет!

— Аннабелль, ты сердишься из-за ерунды.

Его «ерунда», безусловно, была чем-то. Сейчас я стояла перед зданием, на котором было написано: «Притронься к небу и рухни на землю».

Какого. Чёрта.

— Это не ерунда, Тёрнер Брукс. Ты действительно думал, что я прыгну с тарзанки?

— Нет, но я подумал, возможно, если я попрошу тебя достаточно вежливо, то ты согласишься. — Он сделал щенячьи глазки. Что было чем-то новеньким для него.

— В английском языке нет достаточного количества слов, которые объяснят, насколько ты сумасшедший прямо сейчас. Из всех дней, ты именно сегодня хочешь сделать это? — Он был ненормальным.

— Послушай. — Он шагнул вперед и обхватил моё лицо руками. — Ты знаешь, что у меня есть причины для всего, что я делаю. Я знал, что ты будешь сопротивляться, но ты должна выслушать меня.

Я взглянула на него.

— Я только сегодня была на похоронах младенца, я выплакала все глаза за последние дни, у меня болит голова, а теперь ты хочешь, чтобы я бросилась с платформы, привязанная к резиновому канату, надеясь, что он сработает и поднимет меня вверх? Тёрнер, это намного хуже, чем канатная дорога.

— Вроде неё, но опять же, у меня есть причины просить тебя сделать это. По крайней мере, пойдем со мной наверх, и ты увидишь, как это выглядит сверху.

Нервы сдавали. Я начинала злиться.

— Ради Бога, вид, вероятно, такой же, как его я и представляю. Нет необходимости туда подниматься, чтобы увидеть его.

Он отпустил меня и направился к лифту. Я позвала его, но он проигнорировал меня. Ублюдок знал, что я последую за ним только для того, чтобы продолжать возмущаться. И я делала именно это, пока мы поднимались. Я не имела ни малейшего понятия, как назывались эти вещи — мы были на платформе, аналогичной той, на канатной дороге. Электрический лифт поднял нас так высоко, насколько возвышалось здание. Наверху было очень ветрено, и я схватилась за поручень. На мне была страховочная верёвка, прикрепленная к ограждению, как мера обеспечения безопасности, а парень, который сопровождал нас наверх, проводил инструктаж того, как прыгать. Я ничего не слышала. Моё сердце бешено колотилось, и меня подташнивало. Могла ли головная боль стать ещё хуже?

— Аннабелль? — Тёрнер выглядел заинтересованным.

— А?

— Ты слышала что-нибудь из того, что я только что сказал?

Я так сильно вспотела, что пот стекал вниз по линии роста моих волос. Я не должна была вспотеть. Снаружи было прохладно, а на такой высоте, ещё прохладнее.

— Ты говорил? — спросила я в замешательстве.

Он опустил свои глаза до моего уровня.

— Посмотри на меня. Ты прошла через многое. Сегодня не совсем удачный день, и есть множество способов поступить по-другому. Но мне необходимо, чтобы ты узнала кое-что.

— Что именно? — спросила я из любопытства.

— Я здесь, Аннабелль. Я здесь и никуда не уйду. За последние два-три месяца, как мы узнали друг друга, я пришел к осознанию того, что брал от жизни всё, как само собой разумеющееся. Будучи доктором, я не заметил, насколько оторван от мира, вот почему, думаю, я всегда ищу более острых ощущений. Ты — мои острые ощущения, Аннабелль. Я с нетерпением жду каждой встречи с тобой. Я люблю наши сумасшедшие словесные перепалки и флирт. Я люблю, как ты задеваешь меня за живое, а я заставляю тебя выйти из твоей зоны комфорта. Но намного больше я люблю то, что ты доверишь мне.

Как будто я недостаточно плакала сегодня.

— Тёрнер, — мягко произнесла я его имя.

— Я знаю, ты думаешь, что сегодня не лучший день, чтобы сделать нечто подобное, но я считаю, что это идеальный день. Хочешь знать почему?

— Почему?

— Поскольку ты должна знать, что жизнь продолжается. Чем дольше ты сидишь, сложа руки, и наблюдаешь за вещами, происходящими вокруг тебя, тем больше ты упускаешь то, что тебе предначертано. Я не хочу, чтобы ты жила в страхе, что произойдет что-то ужасное. И каждый шаг, который ты сделаешь... Я буду рядом с тобой. Ты прыгнешь с этой штуки, прыгну и я. Чёрт возьми, мы можем прыгнуть вместе, и я буду держать тебя за руку. Ты больше не одна.

Я фыркнула.

— Тёрнер?

Он прочистил горло, осознавая, что только что произнес наиболее грандиозную речь из

всех речей.

— Да?

Я не хотела больше думать, я хотела просто действовать.

— Думаю, что влюбилась в тебя.

Солнце садилось за горизонт, отражаясь в его ярко-голубых глазах. Он сиял ярче солнца, ослепительно улыбаясь мне.

— Хорошо, потому, что думаю, я тоже влюбился.

Я была ошеломлена. Я не ожидала от него взаимности. Вовсе нет. Я просто хотела, чтобы он знал, что я чувствую. Теплота накрыла меня, и я вступила под покровительство его тела.

— Мы прицеплены к этой штуковине? — спросила я, выглядывая из его объятий.

Парень, который поднялся вместе с нами, поднял большой палец вверх. Не думаю, что он хотел вторгаться в наш момент.

— Что ты делаешь? — спросил Тёрнер.

— Прыгаю, Тёрнер.

— Прямо сейчас? — спросил он удивленно.

— Сейчас. Не заставляй меня дважды повторять.

— Да, мэм.

Без колебаний, он обнял меня своими массивными руками, спросив парня, можем ли мы прыгать вместе и следующее, что, я осознала, мы находились в свободном падении. Я понятия не имела, как долго мы падали. Мне казалось, что минуты, но на самом деле — секунды. Мы резко дернулись, когда достигли конца каната, и взлетели вверх примерно на половину того расстояния, что падали. Мы подпрыгивали вверх-вниз и несколько раз качнулись как маятник. Это не имело ничего общего с поездкой на гоночном автомобиле, или с канатной дорогой, или управлением джипа, или, чёрт возьми, даже с сексом. Прыжок на тарзанке был безумием.

Однако влюбленность меняет жизненные принципы. Я нашла что-то в этом мужчине, который нашел подход к моему холодному и отстранённому сердцу, и он разрушил мои стены быстрее, чем я смогла бы их возвести обратно. Он не собирался позволять мне выиграть эту битву. Не сейчас и, возможно, никогда. И знаете, что? Я не беспокоилась по этому поводу.

Я не издала ни единого звука, пока мы парили в воздухе, но когда машина опустила нас на землю, я начала смеяться. Я истерично хохотала. Без сомнения, Тёрнер подумал, что я сошла с ума.

— Чего тут смешного? — спросил он, позабавив меня своим выражением лица.

Я трясла головой, смеясь ещё сильнее, потому что мы висели вверх тормашками и оба выглядели нелепо.

— Ох, просто всё это. Сегодняшний день должен был быть вторым худшим днём в моей жизни, но, так или иначе, ты сделал его хорошим. Ты показал мне, что я снова стала частью семьи, и теперь ты учишь меня, как надо жить. Откуда ты взялся, доктор Брукс?

Он ухмыльнулся. Я знала, что у этого остряка был готов сорваться ответ с кончика языка.

— Из колючек, ракушек. И зеленых лягушек. И, конечно же, сыграла роль отличная генетика.

Я расхохоталась.

— Всегда высокомерный.

— Это был бы не я.

— Хмम्म, да, я знаю.

Когда мы оказались земле, то встали на ноги и восстановили равновесие. Я продолжала обнимать его.

— Можем мы как-нибудь повторить это?

Не думаю, что он мог быть более потрясен, чем сейчас.

— Наверное, если ты действительно этого хочешь.

Я кивнула.

— Да. Но при одном условии.

— И в чём оно состоит?

Я встала на цыпочки и поцеловала его мягкие губы.

— То, что ты прыгнешь вместе со мной.

Он убрал с лица мои волосы и поцеловал в нос.

— Всегда, Аннабелль. Всегда.

И тогда я поняла, что всё в порядке. Я любила, потеряла и была любимой. Я была частью чего-то огромного, и моя жизнь не будет потрачена впустую, отсиживаясь в сторонке. Тёрнер Брукс был моим будущим, и я планировала жить на полную катушку столько, сколько мне отведено. И у меня было чувство, что это займет очень много времени.

Эпилог

Аннабелль

— Аннабелль, к тебе посетитель, — произнесла Киган.

Она толкнула меня локтем.

Я взглянула туда, куда она гладела. Тёрнер шёл ко мне, одетый в свой отвратительный белый халат, улыбаясь. Я ухмыльнулась. Что же он замышлял?

Пока он приближался ко мне, его лицо становилось серьезным.

— Медсестра Аннабелль, мне необходимо кое-что с вами обсудить.

Я встала и расправила свою форму.

— Доктор Брукс. Это касается пациента?

— Вообще-то, это связано с вашим поведением, я получил на вас жалобу.

— Тот, кто на меня пожаловался, не пришел и не обсудил этого со мной, так что, кажется, мне плевать.

— Это не лучший подход, Аннабелль.

Киган фыркнула. Я взглянула на неё и пнула её ногой.

— Ох, простите, мне надо пойти проверить пациента. Развлекайтесь, ребятки.

Она пошла по коридору. А я вернула своё внимание к Тёрнеру.

— Ну, мой подход вас не касается, доктор. Если есть какие-то жалобы, отдел по персоналу поставит меня в известность.

Он нахмурился. Прищулив свои яркие голубые глаза, сделал шаг ко мне.

— Думаю, мы должны обсудить это в частном порядке.

С противоположной стороны стойки прозвучало колкое ворчание. Губы маленькой мисс Красный шелк сжались от отвращения. Я вышла из образа и быстро подмигнула ей.

Хрен тебе, дорогуша, он мой. Я имела удовольствие узнать, что она была одной из многих женщин, с которыми Тёрнер когда-то встречался, и которая оказалась не той, кого он искал, пока не встретил меня. Мой жест не был хорошо воспринят. Вместо того чтобы наблюдать за остальной частью нашего представления, Робин умчалась дальше по коридору. Это было её право.

Тёрнер прочистил горло.

— Теперь, когда больше никого нет, о чём мы говорили?

Он вышел из образа, также проявляя изумление.

— О разговоре в частном порядке... — Я потянулась к нему и поцеловала его в щеку.

Тёрнер приподнял бровь.

— Полагаю, это против правил, Аннабелль.

Я встала на цыпочки и укусила его за ушко, не заботясь о том, что кто-то мог увидеть публичное проявление моих чувств.

— Правила-шмравила.

— Что мне с тобой делать? — Я услышала улыбку в его голосе.

— Всё, что захочешь.

— Хмम्म... — зашептал он мне в ухо. — Найди пустую палату, сейчас же.

Кто я такая, чтобы спорить? Разворачиваясь, я направилась в конец коридора, точно зная, что там была одна пустая палата, и у нас будет несколько минут наедине. Тёрнер шлёпнул меня по попке, напоминая мне, кто тут главный. Я покачала головой и прикусила нижнюю губу. Прошло всего два месяца с тех пор, как не стало Ноа, но я никогда не была настолько счастлива. Да, Тёрнер Брукс сделал меня счастливой. Он был жизнью. Он вдохнул её в меня и показал мне, кем я могла бы быть. Я опять научилась улыбаться. Я была его ученицей, а он — моим учителем. За это я всегда буду ему благодарна. Я любила его, и это всё, что имело значение.

— Сюда, доктор, — позвала я, входя в палату.

Веселость в его взгляде сменилась на похоть. О, да, Тёрнер Брукс несомненно был моим, и я собиралась удерживать его так долго, как и он меня.

КОНЕЦ

Бонус

Мейси

Мои руки неистово тряслись, пока я разрывала коробку и вытаскивала белый лист бумаги. Я положила его на стол, чтобы прочитать инструкцию. Мои глаза пробежались по словам.

— Чёрт, только не грёбанный испанский. Где английская версия?

Я яростно искала повсюду, где бы было сказано «Шаг первый» или пошаговую инструкцию в картинках. Не то чтобы я не знала, как пользоваться этими штуками. Все дни напролёт их крутили в рекламных роликах для женщин, которые сидели дома и смотрели мыльные оперы. Я видела несколько из них. Но я хотела удостовериться, что следуя письменным инструкциям. Любой неверный шаг или упущенное время, или что-либо ещё, и

результат может быть недействительным или ложным.

— Ага! — сказала я себе.

Я нашла. Тут говорилось, что нужно достать аппликатор из пластмассовой обертки и поместить его в мочу, удерживая в течение пяти секунд, затем положить на ровную поверхность. Результат появится через две минуты. Я села на унитаз и вскрыла зубами упаковку с тестом. На кончике имелся фиолетовый колпачок, который я сняла и отбросила в сторону. Слава Богу, я хотела писать. Я сделала всё точно так, как было написано. Встав, я натянула штаны и зависла над тестом, не отрывая от него глаз.

Мой пальцы стучали по столешнице, будто я играла палочками для еды на фортепьяно. Нервная привычка, которую я подхватила ещё в детстве.

Две минуты. Две гребаных минуты.

Почему для этого требовалось две минуты? Все должно появляться сразу. Идиоты, которые создавали эту штуку, явно не понимали, насколько быстро нужно было узнать результат. И, честно говоря, почему я не ношу часы? Куда, чёрт подери, я положила свой мобильный? Мне нужно было засечь время. Я огляделась вокруг. Его не было нигде видно. Очевидно, он всё ещё был в моей сумочке на кровати.

— Проклятье, — проворчала я на одном дыхании.

Мой взгляд вернулся к небольшой шутовине на столешнице, способной коренным образом изменить всё. Что-то начало проявляться в первом окошке. Что это значит? Бл*дь, я даже не закончила читать инструкцию. Я даже не знала, на что я смотрю. Я продолжила искать. Хорошо, две полосы — положительно, одна — отрицательно.

Две полосы — положительно... две полосы — это пол... — о боже!

Меня тошнило. Я помчалась к унитазу и, открыв крышку, блеванула. Мой желудок выворачивало так жестко, что стало больно. Каждая унция еды и кофе, которые я приняла сегодня утром, теперь были путаницей желчи и отвращения. Я сползла вниз, пока моя задница не оказалась на холодной плитке из белого известняка моей ванной комнаты. Слезы струились по моему лицу, а беспорядок разрушал мой мозг. Как это произошло? Я предохранялась. Это не имело никакого смысла. Входила ли я в число тех двух процентов населения, для которых таблетки были не эффективными? Боже, я подам иск на эту дерьмовую компанию. Никто не должен был войти в эти два процента. Эти два процента должны были просто запугать до смерти людей, чтобы они принимали вовремя свои таблетки. Я была той, кто принимал их в одно и то же время каждый день.

Что мне делать? Я взглянула на столешницу, аппликатор всё ещё лежал там. Трясущимися пальцами я схватила его и проверила снова. Я покачала головой. Результат не изменился. Этого не должно было случиться.

Я была беременна от Доджера. Моя жизнь перевернулась с ног на голову.

Больше книг на сайте - Knigolub.net